

Моя служба при Временномъ Правительствѣ *

А. Демьянова

Какъ только въ Петербургѣ образовался Совѣтъ рабочихъ депутатовъ, я былъ приглашенъ туда въ качествѣ его члена. Это приглашеніе было болѣе или менѣе случайнымъ. Рекомендовалъ и ввелъ меня въ Совѣтъ Ник. Дм. Соколовъ. Работа въ Совѣтѣ предстояла интересная. Но, конечно, до поры, до времени. Съ момента, когда въ составъ Совѣта вошло огромное количество представителей войскъ, всякое значеніе Совѣта потерялось. Значеніе приобрѣла тогда исполнительная комиссія Совѣта, что совершенно естественно, такъ какъ немыслима никакая продуктивная работа въ учрежденіяхъ, насчитывающихъ въ себѣ свыше тысячи членовъ. Попалъ я въ Совѣтъ не какъ представитель партіи народныхъ социалистовъ, а персонально. Когда Совѣтъ взялъ на себя устрой-

---

* Настоящія записки представляютъ собою пересказъ того, что мною было написано болѣе года тому назадъ, когда я жилъ въ г. Сухумѣ. Мои старыя замѣтки остались въ г. Сухумѣ, когда я по распоряженію Грузинскихъ властей былъ высланъ изъ предѣловъ Грузіи. Я переѣхалъ тогда въ г. Баку. То лицо, которое взялось привезти мои замѣтки въ Баку, по дорогѣ, какъ онъ утверждаетъ, ихъ потерялъ. Я же подозреваю, что онъ просто ихъ выкинулъ, боясь или натолкнувшись на обыскъ со стороны Грузинъ. Такъ или иначе, по старымъ запискамъ моимъ имѣть. Я рѣшилъ ихъ возобновить, считая, что онѣ могутъ представлять нѣкоторый историческій интересъ.

Пишу эти записки въ качествѣ невольнаго бѣженца безъ всякихъ документальныхъ данныхъ въ рукахъ, не встрѣчая людей, которые могли бы возобновить въ моей памяти недостающія мнѣ свѣдѣнія. Воспоминанія затрагиваютъ лишь событія, коихъ я былъ свидѣтелемъ и которыя связаны съ моей служебной дѣятельностью. Это надобно имѣть въ виду и не ожидать отъ записокъ болѣе того, что онѣ могутъ дать. Никакихъ объясненій общихъ причинъ, создавшихъ революцію, торжество большевиковъ, или исторіи самой революціи, кромѣ общихъ мимолетныхъ и неизбежныхъ по сему поводу замѣчаній, въ моихъ запискахъ читатель не найдетъ.

Сумѣю ли я быть объективно правдивымъ при изложеніи своихъ воспоминаній? Я считаю себя на это способнымъ. Ради правды, какъ я себѣ ее представляю, я не буду покрывать промаховъ лицъ, какъ бы близко они ко мнѣ ни стояли. Это иногда — очень тяжело. Но я передъ этимъ и раньше не останавливался и теперь не останавлиюсь. Пусть простятъ меня тѣ, отзывы мои о которыхъ будутъ имѣть не по душѣ; пусть они знаютъ, что ничего личнаго я въ свои писанія не вносилъ.

Батумъ. Ноябрь-Декабрь 1920 г.

ство комиссаріатовъ отдѣльныхъ частей Петербурга, иначе говоря, учреждений, замѣнявшихъ собою старыя полицейскія части, — я былъ назначенъ комиссаромъ Литейной части, и это назначеніе принялъ.

Совѣтъ рабочихъ депутатовъ, собиравшихся въ зданіи Государственной Думы, сконцентрировался ранѣе образованія того государственнаго учрежденія, которое должно было представлять собою всю Россію и носить функціи государственной власти. Объ образованіи такого учрежденія шли въ то время только переговоры въ думскомъ комитетѣ. Мысли, которыя по этому поводу высказывались нѣкоторыми лицами, стоявшими во главѣ движенія, были настолько своеобразны, что показывали, какъ мало они въ то время понимали дѣйствительность. Лидеръ кадетъ П. Н. Милоковъ весьма въ этомъ отношеніи грѣшилъ.

Сверженіе императорской власти было движеніемъ стихійнымъ. Ни одна политическая партія, ни одно лицо не можетъ сказать, что старое правительство было свергнуто ими. Очевиднымъ для всѣхъ было одно: старая власть не можетъ долѣе существовать. Никто этой старой власти не хотѣлъ защищать, а думали только о томъ, какъ бы и кѣмъ ее замѣнить. Вотъ почему не удивительно, что такіе монархисты, какъ депутаты Шульгинъ и Гучковъ, взяли на себя починъ (удивительно только то, что они взяли на себя эту роль, никѣмъ на то не уполномоченные) поѣхать къ царю и потребовать отъ него отреченія отъ престола. То же стихійное движеніе заставило единственное въ Россіи представительное учрежденіе — Государственную Думу, по духу совершенно консервативную, въ лицѣ особаго думскаго комитета, взять на себя дѣло учрежденія въ Россіи Временной Всероссийской Государственной власти. Но и это не сразу сдѣлалось. Помню, въ самомъ началѣ революціоннаго движенія, въ залѣ Государственной Думы ходили группами отдѣльные депутаты и представители различныхъ политическихъ партій. Группа кадетъ, среди которыхъ былъ и П. Н. Милоковъ, весьма азартно доказывала, что никакой всероссійской власти нельзя устроить при условіи существованія Петербургскаго Совѣта рабочихъ депутатовъ; двухъ властей не можетъ и не должно существовать, такъ убѣждали кадеты. Я присоединился къ бесѣдующимъ, и одинъ изъ молодыхъ кадетовъ (фамиліи его я не знаю) сталъ чуть ли не съ нѣмой у рта доказывать мнѣ, что мнѣніе Павла Николаевича совершенно правильно. Однако онъ весьма быстро охладился, когда я его спросилъ, имѣетъ ли — по его мнѣнію — Петербургскій Совѣтъ рабочихъ депутатовъ претензію управлять всей Россіей и не ограничиваетъ ли онъ свои функціи охраной интересовъ только рабочихъ, да и то только одного города Петербурга. Я самъ слышалъ, какъ этотъ депутатъ сталъ велѣть заснмъ защищать мысль о необходимости немедленной организациіи всероссійской власти, учрежденія, существованію котораго никакіе Совѣты рабочихъ депутатовъ помѣшать не могутъ.

Въ первые же дни засѣданій Совѣта рабочихъ депутатовъ былъ поднятъ вопросъ объ охранѣ Государственнаго банка и другихъ государственныхъ учреждений. Однако, какъ только стало извѣстно, что думскій комитетъ избралъ для этой охраны своихъ комиссаровъ, Совѣтъ отъ этой роли немедленно отказался — и безъ всякихъ преній. Было ясно и членамъ Совѣта, что это дѣло общегосударственной власти, на каковую роль въ это время Совѣтъ рабочихъ депутатовъ абсолютно не претендовалъ. Совѣтъ въ первое время своего существованія всегда поддерживалъ Временное Правительство своимъ авторитетомъ въ извѣстной средѣ. Оговариваюсь, однако, что въ рядѣ отдѣльныхъ случаевъ

эту свою роль Совѣтъ не всегда выдерживалъ. Но эту роль не выдерживали и всякія другія политическія организаціи. Происходило много недоразумѣній въ этомъ отношеніи. Власть тогда многихъ увлекала, и границы, гдѣ эта власть не могла и не должна была проявляться, не только не соблюдались, но весьма часто и не понимались.

Думскій комитетъ приступилъ къ избранію состава Временнаго Правительства. Я былъ тогда въ Государственной Думѣ вмѣстѣ съ пріятелемъ своимъ гражданскимъ инженеромъ П. М. Макаровымъ, будущимъ помощникомъ комиссара Ф. А. Головина по управленію дворцовымъ вѣдомствомъ. А. Ф. Керенскій подошелъ къ намъ и обратился къ намъ съ просьбой высказать свое мнѣніе по поводу того, принять ему предложеніе комитета, войти въ составъ Временнаго Правительства въ качествѣ Министра Юстиціи или отказаться. Смущало его слѣдующее обстоятельство: предсѣдатель Совѣта рабочихъ депутатовъ с.-д. Чхендзе категорически отказался отъ сдѣланнаго ему предложенія войти въ составъ Временнаго Правительства, причемъ, повидимому, отказъ этотъ, насколько я вспоминаю объясненія А. Ф. Керенскаго, носилъ характеръ желанія отмежеваться отъ Временнаго Правительства какъ учрежденія, къ которому нельзя относиться положительно и которое онъ считалъ не отвѣчающимъ интересамъ рабочихъ массъ. А. Ф. былъ товарищемъ предсѣдателя Совѣта рабочихъ депутатовъ отъ партіи с.-р. Отказъ Чхендзе ставилъ Керенскаго, въ случаѣ принятія имъ портфеля, въ изолированное положеніе въ Совѣтѣ и могъ повліять на отношеніе къ нему рабочихъ массъ.

Обращеніе А. Ф. къ намъ носило характеръ, какъ мнѣ думается, только повѣрки его собственнаго убѣжденія въ томъ, что онъ долженъ принять сдѣланное ему предложеніе портфеля Министра Юстиціи въ организующейся власти. Для меня и Макарова никакого вопроса въ томъ, идти Керенскому въ составъ Временнаго Правительства или нѣтъ — не существовало. Естественный ходъ событій требовалъ, чтобы наиболѣе популярный членъ Государственной Думы вошелъ въ составъ образуемаго кабинета. Такъ мы ему и сказали.

Керенскій сталъ въ этомъ случаѣ выше партійныхъ интересовъ и вышелъ побѣдителемъ. Онъ объявилъ въ Совѣтѣ рабочихъ депутатовъ о своемъ рѣшеніи вступить во Временное Правительство, поставилъ вопросъ о довѣршіи къ нему, призывалъ поддержать вновь организовавшуюся Государственную власть. Совѣтъ рабочихъ депутатовъ вотировалъ ему свое довѣріе и черезъ него пріялъ Временное Правительство. Чхендзе промахнулся.

Въ основѣ дѣятельности Чхендзе никогда не лежала любовь къ Россіи.

Съ паденіемъ монархической власти и при необходимости создать новую власть, консервативные элементы, враждебные идеѣ народовластія, сами отошли въ сторону; они даже не пытались претендовать на какую либо роль въ новомъ правительствѣ. Если было возможно избраніе въ кабинетъ А. И. Гучкова, то это объясняется тѣмъ, что Гучковъ въ Государственной Думѣ все же боролся съ той правительственной неурядицей и тѣми злоупотребленіями въ военной сферѣ, которыя привели Россію къ пораженію. На такихъ же основаніяхъ пошаль въ правительство и Львовъ въ качествѣ оберъ-прокурора Правительствующаго Синода. Въ Думѣ онъ боролся съ духовной рутинной и злоупотребленіями по управленію церковью. Но все же истинно консервативное, все, что только такъ или иначе могло носить характеръ вліянія на прежнюю русскую политику, должно было свестись на нѣтъ. Во главѣ правительства должны были встать

и стали либералы, избранные по необходимости и по неволѣ консервативной Думой. Избравъ правительство, думскій комитетъ сдѣлалъ свое дѣло и умеръ естественной смертью. Какъ ни старались затѣмъ его оживить Родзянко и стоявшіе не у дѣлъ члены комитета, ничего не выходило — комитетъ умеръ своею смертью.

Когда составъ правительства былъ намѣченъ, и П. Н. Милоковъ въ густой толпѣ собравшихся въ Государственной Думѣ партійныхъ работниковъ прочелъ списокъ избранныхъ, то списокъ этотъ былъ встрѣченъ общими симпатіями. Тогда же стало яснымъ, что наиболѣе популярными лицами въ новомъ правительствѣ были Львовъ, предѣдатель Совѣта Министровъ, и А. Ф. Керенскій. Имя Керенскаго было встрѣчено съ энтузіазмомъ. Оно ярче отражало побѣду народную.

Въ засѣданіи Совѣта рабочихъ депутатовъ Керенскій, хотя и былъ избранъ товарищемъ предѣдателя, появлялся мало; онъ былъ занятъ въ комиссіи по оборонѣ (какъ было ея оффиціальное названіе — я не помню). Черезъ эту комиссію проходили всѣ распоряженія и принимались всѣ мѣры къ огражденію революціоннаго Петербурга отъ вторженія въ него и нападенія войскъ, преданныхъ старому правительству. Работы, крайне нервной, въ этой комиссіи было сверхъ силъ. Во главѣ революціонныхъ войскъ стоялъ тогда членъ Государственной Думы полковникъ Энгельгардтъ. Никогда никто не зналъ, съ какими намѣреніями подходили къ Петербургу вновь прибывавшія войска. Но таково было настроеніе всей русской арміи, что съ прибытіемъ новыхъ полковъ приходилось только кричать «ура». Керенскій дошелъ въ своей работѣ до предѣловъ крайняго утомленія и расшатанности нервовъ, до состоянія близкаго къ истеріи. Когда онъ былъ назначенъ Министромъ Юстиціи, то въ первые дни пребыванія своего въ Министерствѣ, ему приходилось ходить, опираясь на палку; до того онъ чувствовалъ себя ослабѣвшимъ.

Помню слѣдующій эпизодъ изъ первыхъ дней революціи. Я находился въ залѣ Таврическаго Дворца, когда туда привели арестованнаго Министра Юстиціи Щегловитова. Бѣднягу привели въ томъ видѣ, въ какомъ застали при арестѣ, то-есть въ сюртукѣ, безъ пальто и шубы. И провезли такъ по улицамъ въ изрядный морозъ. Щегловитовъ отъ холода, а можетъ быть и отъ волненія, былъ красенъ. Скопфуженный и похожіи на затравленнаго звѣря, огромный, онъ сѣлъ на предложенный ему стулъ. Кто-то далъ ему папиросу, которую онъ закурилъ. Толпа съ любопытствомъ на него гляѣла. Зрѣлище несомнѣнно было очень любопытное. Вдругъ раздались голоса: «Родзянко, Родзянко идетъ». Предѣдатель Государственной Думы дѣйствительно прибылъ и привѣтливо обратился къ Щегловитову, назвавъ его «Иванъ Григорьевичъ». Однако, руки ему не подаль. Онъ обнялъ его за талію и сказалъ: «Пройдемте ко мнѣ въ кабинетъ». Но арестовавшіе Щегловитова солдаты, а можетъ быть и матросы, и частныя лица запротестовали. Они де не имѣютъ права его отпускать безъ приказа Керенскаго. Въ это время раздались крики: «Керенскій, Керенскій идетъ». Удивительный контрастъ представляли собою встрѣтившіеся Щегловитовъ и Керенскій. Первый — высокій, плотный, сѣдой и краснѣй, а второй — видомъ совершенно юноша, тоненькій, безусый и блѣдный. Керенскій подошелъ и сказалъ Щегловитову, что онъ арестованъ революціонной властью. Впервые было тогда сказано это слово, сказано, что существуетъ революціонная власть и что приходится съ этой властью считаться и даже ей подчиниться. Это было

въ первые дни революціи. Кажется, 27 февраля. Щегловитова увели въ павильонъ Таврическаго Дворца, куда въ скоромъ времени стали помѣщать и другихъ арестованныхъ.

А. Ф. Керенскій въ составѣ кабинета съ самаго начала сталъ играть первенствующую роль. Это сказалось и въ томъ, что въ то время, когда искали людей для назначенія на различныя отвѣтственные должности, кандидаты, указанные Керенскимъ, почти всѣ проходили. Чаше же происходило такъ, что кандидатовъ искали и не могли сразу найти, въ то время, какъ у Керенскаго былъ уже готовый на умѣ. Популярнымъ Керенскій оказался и среди иностранныхъ представителей, которые по различнымъ вопросамъ считали нужнымъ заходить къ нему, хотя дѣло относилось къ вѣдѣнію другихъ министровъ. О частной публикѣ и говорить нечего. Все потянулось къ Министру Юстиціи.

Кого же приглашалъ и кого указывалъ А. Ф. Керенскій и на какія должности и посты? Не только имена болѣе или менѣе популярныя, но еще при условіи, чтобы эти популярныя имена были указаны различными общественными и политическими организаціями, — такова была его политика. Такимъ приемомъ онъ стремился заручить довѣріе массъ къ Временному Правительству. Въ извѣстной степени и на первыхъ порахъ, мнѣ думается, этотъ приемъ достигалъ своей цѣли. Тѣмъ не менѣе, онъ принесъ въ будущемъ весьма замѣтные отрицательные результаты. Ибо часто выходило такъ, что популярность не связывалась съ интересами дѣла. Популярный книжный человѣкъ не являлся чело-
вѣкомъ дѣла.

Немедленно по своемъ назначеніи Министромъ Юстиціи Керенскій пригласилъ къ себѣ въ товарищи А. С. Заруднаго, котораго очень любилъ и котораго считалъ маленькимъ Львомъ Толстымъ, то-есть чело-
вѣкомъ, имѣющимъ свои убѣжденія, отъ которыхъ онъ ни при какихъ случаяхъ не отказался бы. — Второго товарища министра Керенскій просилъ указать ему Петроградскій Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ. Тотъ же Совѣтъ Керенскій просилъ указать ему и другихъ лицъ, коихъ пожелалъ бы Совѣтъ видѣть на отвѣтственныхъ мѣстахъ въ Министерствѣ, въ Сенатѣ и въ Судѣ. Въ Совѣтъ Керенскій явился лично, назвалъ старшихъ своихъ товарищей своими учителями, совѣтами коихъ желалъ бы пользоваться на своемъ новомъ посту и въ будущемъ. Все это произвело очень хорошее впечатлѣніе. Шумно и съ излишней восторженностью отзывался о Керенскомъ тогдашній председатель Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ Н. П. Карабчевскій. Былъ созванъ Совѣтъ, дополненный приглашеніемъ наиболѣе популярныхъ въ сословіи лицъ, для обсужденія поднятыхъ Керенскимъ вопросовъ.

Однако, среди Петербургскихъ адвокатовъ Совѣтъ не могъ никого назвать на постъ товарища Министра Юстиціи. Прошелъ первымъ кандидатомъ московскій присяжный повѣренный Тесленко, вторымъ былъ названъ я. Тесленко получилъ противъ меня на одинъ или на два голоса больше. Зато единогласно меня указали, какъ на кандидата въ директора 2-го Департамента Министерства Юстиціи, вѣдающаго назначеніемъ судей на всю Россію.

О результатѣ выборовъ председатель Совѣта Н. П. Карабчевскій сообщилъ Керенскому. Въ душѣ я очень досадовалъ, что въ препроводительной бумагѣ не было сказано (а это, конечно, слѣдовало сдѣлать), что вторымъ кандидатомъ

въ товарищи министра, хотя и не получивъ большинства голосовъ (голосовало, кажется, 29—30 человекъ), былъ указанъ я. Совѣтъ проголосовалъ, между прочимъ, кого рекомендовать Керенскому въ качествѣ чиновника особыхъ порученій. Не смотря на мой протестъ, что назначеніе чиновника особыхъ порученій всегда дѣло личное министра, который въ такихъ случаяхъ стремится имѣть при себѣ болѣе или менѣе близкаго ему человека, собраніе все же остановилось на выборѣ этого лица и избрала А. А. Исаева, не запросивъ даже самого Исаева — хочетъ ли онъ получить это мѣсто или нѣтъ. Керенскій остался этимъ очень недоволенъ.

Чиновникомъ особыхъ порученій онъ пригласилъ къ себѣ близкаго ему пріятеля еще со школьной скамьи, присяжнаго повѣреннаго Сомова.

Тесленко не принялъ приглашенія, и на его мѣсто былъ назначенъ Г. Д. Скарятинъ, лѣвый кадетъ, съ которымъ я былъ всегда въ большой дружбѣ, — человекъ самой высокой моральной марки. Съ Заруднымъ я былъ тоже въ самыхъ хорошихъ отношеніяхъ и на «ты». Создавалась служба въ кругу лицъ, съ которыми имѣть дѣло было въ известной степени наслажденіемъ, такъ какъ, если бы и были между нами разногласія, то только на почвѣ убѣжденій и взглядовъ, а не на почвѣ какихъ либо интригъ, взаимной вражды, недовѣрія или недоброжелательства.

Въ новыхъ условіяхъ политической жизни мнѣ, само собою разумѣется, работать очень хотѣлось, и я съ большой охотой принялъ приглашеніе на постъ директора 2-го Департамента Министерства Юстиціи. Отъ поста комиссара Литейной части я немедленно отказался. Комиссаромъ я былъ очень недолго. За это короткое время особыхъ событій въ комиссаріатѣ не произошло никакихъ. Но работы тамъ было пропасть и самой разнообразной. Дѣятельность новыхъ полицейскихъ частей въ первой стадіи ихъ работы заслуживаетъ того, чтобы кто либо подробно ее описалъ. Присяжные писатели, вѣроятно, это сдѣлаютъ. Однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ комиссаровъ въ Петербургѣ былъ почтенный А. В. Пѣшихоновъ. Надо надѣяться, что онъ опишетъ исторію своей службы въ комиссаріатѣ.

При вступленіи моемъ на должность Керенскій предупредилъ меня, чтобы я не былъ слишкомъ мягкимъ, что мнѣ придется весьма и весьма почистить вѣдомство. Это, конечно, мнѣ было известно, и на это я шелъ.

Директоромъ 2-го Департамента, котораго я долженъ былъ замѣнить, былъ тогда нѣкто Ивановъ*. До назначенія его директоромъ департамента онъ былъ предсѣдателемъ Московскаго Окружнаго суда, а раньше однимъ изъ товарищей предсѣдателя Петербургскаго Окружнаго суда. Это былъ человекъ сравнительно молодой, какъ говорятъ, богатый. Иванову я лично очень не симпатизировалъ. И имѣлъ къ тому основаніе. Ивановъ — типичный карьеристъ. Какъ таковой, онъ, само собою разумѣется, долженъ былъ стоять въ оппозиціи къ адвокатурѣ. Кто хотѣлъ сдѣлать при Щегловитовѣ карьеру, долженъ былъ игнорировать адвокатуру; даже всякая грубость, всякое безсмысленное обрываніе въ судѣ адвоката не только сходило съ рукъ судебнымъ чинамъ, но даже до известной степени поощрялось. Это шло со временъ Александра III, который, какъ ходили

* Касаясь довольно подробно Иванова, оговариваюсь, что дѣлаю это не съ точки зрѣнія общественнаго интереса, а скорѣе, если можно такъ выразиться, «вѣдомственнаго».

слухи, какъ-то и гдѣ-то написали замѣтку на всеподданнѣйшемъ докладѣ: «терпѣть не могу этого сословія». На грубое отношеніе со стороны Иванова наскочили я и адвокатъ М. В. Беренштамъ въ бытность въ Москвѣ. Мы такъ въ первый моментъ были возмущены поведеніемъ Иванова, что рѣшили было написать на него жалобу Щегловитову. Но по русскому обычаю не сдѣлали этого, и вотъ почему: грубый и незаконный отказъ исполнить нашу просьбу по любезности одного изъ товарищей предсѣдателя Московскаго Окружнаго Суда нынѣ покойнаго старика поляка Доната (фамилію не помню) былъ аннулированъ. Донатъ N. сознательно пошелъ противъ воли Иванова и исполнилъ наше законное требованіе въ выдачѣ намъ безъ задержки исполнительнаго листа.

Само собой разумѣется, что когда судьба свела меня съ Ивановымъ, я и виду не показавъ, что я когда-нибудь съ нимъ встрѣчался и имѣлъ съ нимъ столкновеніе. То же было и съ его стороны, хотя я допускаю, что онъ меня могъ и не помнить. Въ Петербургскомъ Судѣ мнѣ тоже не приходилось съ нимъ встрѣчаться. То обстоятельство, что я занималъ его должность, гарантировало Иванова, что онъ при этомъ получить, если не повышеніе по службѣ, то во всякомъ случаѣ все же видный постъ. Словомъ, въ служебномъ отношеніи онъ былъ застрахованъ.

Вышняя сторона службы не представляла никакихъ затрудненій. Дня два я принималъ дѣла при Ивановѣ, и этого было совершенно достаточно, чтобы понять, въ чемъ суть предстоящаго дѣла. Но, если съ вышней стороны дѣло было просто, то по существу оно было труднѣйшимъ. А, кромѣ того, чего я никакъ не могъ предполагать, и до послѣдней степени утомительнымъ. Нельзя себѣ представить, что это за трудъ, принимать просителей, а ихъ приходила вереница съ 10 часовъ утра до 6—7 часовъ вечера. Послѣ пріемовъ я совершенно изнемогалъ. Новымъ служащимъ всѣмъ оказалось дѣла по горло. Достаточно сказать, что всѣ вновь назначенные, въ томъ числѣ и министры, въ какой-нибудь мѣсяцъ всѣ весьма замѣтно похудѣли.

Работа моя заключалась въ вѣдѣніи служебнаго персонала всего судебнаго вѣдомства, хотя назначенія шли, конечно, непосредственно отъ министра. Затѣмъ на директора 2-го Департамента была возложена гражданская часть, то-есть, дача заключеній по всѣмъ, поступающимъ на заключеніе Министра Юстиціи вопросамъ гражданского права, статистика и часть денежныхъ дѣлъ. Первая задача была главнѣйшей. Затѣмъ я уже самъ позаботился, чтобы попасть въ нѣкоторыя законодательныя комиссіи, что я считалъ для себя отдыхомъ отъ своихъ обычныхъ служебныхъ занятій. Много сравнительно времени занималъ просмотръ входящихъ бумагъ по департаменту. Въ прежнее время всѣ входящія бумаги по министерству поступали на просмотръ министра. И это было правильно, но . . . только для мирнаго времени. Послѣ переворота нельзя себѣ представить, какое количество бумагъ стало поступать въ министерство; однѣхъ телеграммъ каждодневно прибывало столько, что еслибы министръ лично занялся ихъ просмотромъ, то ему не хватило бы времени на другія дѣла. Такимъ образомъ, трудъ просмотра поступавшихъ бумагъ былъ раздѣленъ между товарищами министра и двумя директорами департаментовъ, къ неудовольствію А. С. Заруднаго, находившаго это вреднымъ отступленіемъ отъ существовавшихъ традицій.

Новой метлѣ пришлось много поработать. Чистить щегловитовское хозяйство было дѣломъ потому труднымъ, что все должно было идти изъ Петербурга, и изъ-за существованія закона о несмѣняемости судей. Облегчало положеніе

въ этомъ отношеніи то, что при Щегловитовѣ карьеру дѣлали лица исключительнаго типа. Это были люди, безусловно преданные существовавшей власти, что не значитъ однако «преданные въ душѣ»; такіе, которые исполняли не только то, что приказывали сверху, но и догадывавшіеся о томъ, что хотѣли свыше имъ приказать; люди жестокіе, ненавидѣвшіе все лѣвое и по программѣ преслѣдовавшіе все лѣвое. Имена ихъ были болѣе или менѣе всемъ въ судебномъ мѣрѣ извѣстны. Всѣ они при Щегловитовѣ повылѣзли впередъ, а честное поневолѣ спряталось, то-есть продолжало служить, но замолкло, боясь репрессій. Къ чести судебного вѣдомства нужно сказать, что отрицательнаго элемента все же было сравнительно очень немного, но онъ далъ окраску всему судебному вѣдомству. При щегловитовскомъ режимѣ сколько-нибудь талантливая молодежь на службу въ судъ не поступала. Это — несомнѣнный фактъ. Все это искало работы внѣ щегловитовскаго суда. Молодежь шла въ адвокатуру, искала другихъ свободныхъ профессій, можетъ быть, поступала на службу въ другія вѣдомства, но Министерства Юстиціи избѣгала.

Вице-директоромъ 2-го Департамента состоялъ — г. Ложеницынъ, человѣкъ весьма толковый, умѣвшій прекрасно докладывать дѣла; мастеръ въ этомъ дѣлѣ. Но не на немъ лежало главное. Душою дѣла былъ начальникъ Отдѣленія Петръ Петровичъ Жемчужниковъ, молодой человѣкъ, бывшій товарищъ прокурора Петербургскаго Окружнаго Суда. О немъ нужно сказать нѣсколько словъ. Жемчужниковъ началъ свою службу въ министерствѣ при краткосрочномъ пребываніи на посту министра, сенатора А. А. Хвостова, дяди Министра Внутреннихъ Дѣлъ Хвостова. Съ Хвостовымъ я встрѣчался. Съ нимъ познакомилъ меня когда-то родственникъ его, тверской помѣщикъ и земецъ изъ глубоко честныхъ правыхъ Ст. Дм. Квашинъ-Самаринъ, избранный, не помню, земскимъ или дворянскимъ собраніемъ въ члены Государственнаго Совѣта. А. А. Хвостовъ — типичный бюрократъ, но тоже изъ честныхъ. Школу бюрократическую онъ прошелъ блестящую. Какъ умный и честный человѣкъ, онъ хорошо понималъ, что юстиція на щегловитовскомъ лакейскомъ режимѣ держаться не можетъ; то-есть авторитетъ ея долженъ падать, не говоря уже о томъ, что и само дѣло юстиціи не могло идти нормальнымъ путемъ. Онъ рѣшилъ почистить вѣдомство. Себѣ въ помощники онъ пригласилъ своего дальняго родственника П. П. Жемчужникова, вполне надѣясь на его преданность дѣлу. Онъ не ошибся. Жемчужниковъ изучилъ почти наизусть карьеру всѣхъ служащихъ въ судебномъ вѣдомствѣ; зналъ репутацію каждаго изъ нихъ. Въ этомъ отношеніи онъ былъ прямо незамѣнимымъ человѣкомъ. Само собой разумѣется, по возрѣніямъ своимъ Жемчужниковъ былъ консерваторъ, въ чемъ открыто признавался, но онъ никогда никого не прикрывалъ за правизну. Я съ нимъ на служебномъ поприщѣ сдружился и посмѣивался надъ нимъ, увѣряя его, что онъ самъ помогаетъ мнѣ удалять изъ вѣдомства всѣхъ консерваторовъ. На несчастіе Жемчужникова это оказывался наилучшій служебный элементъ.

Чиновникъ, чинуша — въ представленіи независимыхъ обывателей — есть что-то не особенно заслуживающее уваженія, несмотря на то, что вся Россія покрыта чиновничествомъ. Чиновникъ, по свойству своему, по служебному своему положенію, обязанъ исполнять только то, что прикажетъ ему выше его стоящее начальство. Онъ можетъ имѣть, если захочетъ, свое мнѣніе, свои убѣжденія, но долженъ держать ихъ при себѣ. Его обязанность — излагать чужія мысли. И это — его профессія, какъ профессія приказчика — продавать чужое добро. Кузьма Прутковъ удивительно тонко обрисовалъ чиновника въ своемъ афоризмѣ:

«чиновникъ подобенъ стальному перу». Опреѣленіе совершенно вѣрное: не чиновникъ пишетъ, но имъ пишутъ. — Конечно, чиновникъ чиновнику рознь, и бѣда начальствующихъ лицъ, попадающихъ въ лапы чиновниковъ, ведущихъ свою служебную игру въ ущербъ дѣлу. Я потому заговорилъ о чиновникахъ, что весьма недавно встрѣтилъ пріятеля по сословію, извѣстнаго присяжнаго повѣреннаго Т., который сказалъ мнѣ, что я, занявъ постъ сначала директора департамента, а затѣмъ и товарища министра, сталъ, по его мнѣнію, самымъ зауряднымъ бюрократомъ, находившимся въ подчиненіи своихъ же подчиненныхъ, слушающая только ихъ совѣтовъ, а не совѣтовъ товарищей по сословію, и въ ущербъ, конечно, дѣлу. Адвокаты всей Россіи помимо всякихъ просьбъ, обращенныхъ къ нимъ, приняли самое живое участіе въ дѣлѣ обновленія суда. Въ министерство поступало много всякихъ бумагъ со стороны адвокатуры, въ которыхъ бывшіе товарищи по сословію писали о всѣхъ недостаткахъ мѣстнаго суда. Конечно, дѣло клонилось къ необходимости убрать того или иного судью. Адвокатура въ этомъ отношеніи принесла много пользы. Но тѣмъ не менѣе, оказалось весьма и весьма необходимымъ относиться къ ея отзывамъ о лицахъ крайне осторожно. Оказалось, въ этихъ отзывахъ игралъ довольно сильную роль личный элементъ. Тутъ сказывалось, повидимому, и недовольство проигрышемъ дѣла, въ которомъ винили отдѣльныхъ судей, несимпатія къ лицу, словомъ, нѣчто, стоявшее внѣ общественнаго интереса. Были случаи, когда отрицательный отзывъ о судѣ, данный цѣлой группой присяжныхъ повѣренныхъ, замѣнялся затѣмъ отзывомъ положительнымъ объ этомъ же лицѣ. Таковъ случай — съ прокуроромъ Тифлисской Палаты Кисилевскимъ, о чемъ я буду говорить ниже. Лично я, хотя по профессіи и давнишній адвокатъ, состоялъ неоднократно членомъ Совѣта Присяжныхъ Повѣренныхъ и принималъ ближайшее участіе во всѣхъ адвокатскихъ дѣлахъ общественнаго характера, къ адвокатурѣ относился довольно отрицательно, что многимъ изъ моихъ товарищей не особенно нравилось. Я, конечно, глубоко сочувствовалъ тому, чтобы сословіе имѣло свою автономію. Но изъ этой автономіи я не дѣлалъ широкихъ выводовъ о правахъ адвокатуры; права были самыя скромныя. Этими скромными правами адвокатура въ лицѣ ея главарей очень дорожила и гораздо больше, чѣмъ слѣдовало. Боясь потерять автономію, почтенные главари адвокатуры готовы были въ иныхъ случаяхъ фактически отказаться отъ многихъ правъ по автономіи лишь бы и то только номинально сохранить ее. Адвокаты поступали такъ, какъ поступалъ и поступаетъ всегда средній обыватель и обывательскія политическія партіи, ибо и по существу своему адвокатъ за рѣдкими исключеніями есть всегда превосходнѣйшій образецъ обывателя-буржуа. Но какъ бы я отрицательно не относился къ адвокатурѣ въ ея цѣломъ, я все же дорожу тѣмъ, что принадлежу къ сословію присяжныхъ повѣренныхъ. Адвокатура, какъ сословіе, имѣетъ много привлекательныхъ сторонъ. Даже по составу своему она выше другихъ сословныхъ организацій или другихъ сословій, необъединенныхъ въ организаціи. Большинство адвокатовъ люди безукоризненно честныя. Между ними много выдающихся талантливыхъ людей, видныхъ общественныхъ дѣятелей. А за послѣднее время и въ политическомъ отношеніи адвокатура выдвинулась впередъ и сыграла значительную политическую роль въ Россіи. Достаточно упомянуть, что еще во времена Плеве адвокаты подъ сурдинку не побоялись и сумѣли организовать съѣздъ русскихъ адвокатовъ со всей Россіи и на этихъ съѣздахъ выработали основныя положенія необходимѣйшихъ въ Россіи политическихъ реформъ. Политики-адвокаты были въ большинствѣ своемъ политическими защитниками, не

имѣвшими не только крупныхъ заработковъ, но иногда и сколько-нибудь достаточныхъ. Имъ приходилось ѣздить по всей Россіи и Сибири по политическимъ защитамъ на средства, жертвуемые частными лицами, а чаще на средства, собираемые по раскладкѣ между собою. Адвокатъ въ силу того, что вѣчно оперируетъ съ законами и что работа его заключается въ логическихъ построенияхъ, болѣе всякаго другого приспособленъ къ политической дѣятельности. На это его даже наталкиваютъ другіе, ибо кому же, какъ не адвокату, въ эпохи конструирования новой власти взять на себя законодательную работу. Неудивительно, что въ моменты переворота адвокаты вылѣзаютъ на верхъ. Но къ сожалѣнію, адвокаты внесли въ общее россійское дѣло массу легкомыслія и обывательщины. Нужно было относиться съ крайнею осторожностью, какъ я выше сказалъ, ко всякой ихъ рекомендаціи того или иного гражданина на ту или иную должность. Всѣ такія рекомендаціи принимались на верху конечно въ расчетъ, но полной вѣры имъ не давалось. Это тоже весьма многимъ не нравилось, и указаніе Г. на мой бюрократизмъ является отголоскомъ этого недовольства. Само собою разумѣется, я правильности замѣчанія Г. на мой счетъ не признаю. Такъ или иначе, во главѣ Министерства Юстиціи сталъ Керенскій-адвокатъ, товарищемъ его А. С. Зарудный, хотя и бывший товарищъ прокурора, а затѣмъ и чиновникъ Министерства Юстиціи, но все же адвокатъ, другой товарищъ Министра Г. Д. Скарятинъ, бывший членъ Виленской Судебной Палаты, — адвокатъ; я — директоръ 2-го Департамента — адвокатъ. Въ провинціи на первыхъ же порахъ на должности прокуроровъ Судебныхъ Палатъ и Окружныхъ Судовъ были назначены адвокаты. Словомъ, адвокатура въ судебномъ вѣдомствѣ, да и не въ одномъ судебномъ вѣдомствѣ, заблистала. Это вскружило головы многимъ присяжнымъ повѣреннымъ. Ни одинъ присяжный повѣренный, претендовавшій на полученіе какой либо должности, не мнилъ себя достойнымъ должности ниже товарища оберъ-прокурора Правительствующаго Сената. На эту должность претендовали, казалось, самые скромные по своему общественному положенію присяжные повѣренные, а иногда даже и очень молодые. Какъ характерный примѣръ привожу слѣдующее. Ко мнѣ на пріемъ пришелъ весьма недавно принятый изъ помощниковъ присяжнаго повѣреннаго въ присяжные повѣренные — нѣкто К., состоявшій фактическимъ помощникомъ у Н. П. Карабчевскаго. Онъ сказалъ мнѣ, что такъ какъ ему извѣстно, что будетъ нѣсколько вакансій на должность товарища оберъ-прокурора Уголовнаго Кассационнаго Департамента Правительствующаго Сената, то онъ весьма быль бы не прочь занять такую должность, что по своимъ познаніямъ онъ вполне ее достоинъ, и что на мысль занять эту должность его натолкнулъ Н. П. Карабчевскій. Еще до свиданія съ К. я встрѣтился съ Н. П. Карабчевскимъ, который съ своей стороны замолвилъ слово за К., но понимая, что домоганія К. далеко не скромны, прибавилъ, что онъ проситъ за К. по желанію послѣдняго и что въ просьбѣ похлопотать за него онъ не могъ ему отказать. Что мнѣ было дѣлать? Я рѣшился быть съ К. вполне откровеннымъ и заявилъ ему, что должность товарища оберъ-прокурора Сената очень крупный въ служебномъ отношеніи постъ, что этого мѣста добиваются судебные чины послѣ весьма продолжительнаго судебного стажа, и что было бы весьма несправедливо лишать безупречныхъ по службѣ судебныхъ дѣятелей надежды на полученіе этого мѣста, назначивъ на должность товарища оберъ-прокурора очень еще молодого присяжнаго повѣреннаго въ силу того только, что онъ присяжный повѣренный. «Я знаю, сказалъ я К., что при иныхъ обстоятельствахъ приходится

поступаться этимъ началомъ, что иногда это является требованіемъ политическаго момента. Въ силу этой необходимости бывшій директоръ 2-го Департамента Ивановъ долженъ былъ уйти, и на его мѣсто назначенъ я. Дѣло случая, что попалъ въ директора Департамента именно я; но кто-нибудь долженъ же былъ занять эту должность; у меня было нѣкоторое политическое прошлое, меня и пригласили. Но скажите мнѣ, какія же ваши общественныя заслуги, чтобы претендовать на занятіе отвѣтственной должности, и почему эта должность требуетъ непременно человѣка съ общественнымъ прошлымъ». Я сказалъ К., чтобы онъ никакъ не разсчитывалъ на удовлетвореніе своего желанія. — А просьбъ подобнаго рода было не мало. Вотъ почему показалось заслуживающимъ полнаго вниманія случай, когда два молодыхъ присяжныхъ повѣренныхъ, два уголовныхъ защитника съ довольно большой, но мелкой практикой — Бессарабовъ, талантливый ораторъ, и Данчичъ, съ хорошо повѣшеннымъ языкомъ, попросили принять ихъ на скромную должность товарищей прокурора Петроградскаго Окружнаго Суда. Ихъ конечно приняли, такъ какъ вакансіи оказались свободными.

Занявъ должность, я рѣшилъ, что я буду держаться принципа оставленія на мѣстахъ всѣхъ старыхъ дѣятелей, и только тогда замѣнять послѣднихъ, когда въ этомъ будетъ прямая необходимость. Политика революціоннаго правительства никого не должна была безъ нужды обижать. На первыхъ же порахъ пришлось заняться высшими чинами судебнаго міра. Здѣсь поневолѣ не приходилось очень церемониться. Новая власть должна была проявить себя такъ, чтобы общество могло сказать — власть въ надлежащихъ рукахъ. А для этого приходилось замѣнять всѣхъ старыхъ ставленниковъ старой власти, занимавшихъ высокіе отвѣтственные посты какъ въ столицѣ, такъ и въ провинціи и зарекомендовавшихъ себя отрицательно. Жалѣть объ этомъ не приходилось, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ это было нѣчто прямо невозможное. И старые служаки щегловитовскаго пошиба очень хорошо понимали, что ихъ время прошло, и безпрекословно сами уходили въ отставку даже тогда, когда занимали должности несмѣняемыхъ судей. Но были и такіе, которые весьма и весьма упирались.

Правительствующій Сенатъ находился (обидно говорить теперь — «находился» вмѣсто «находится») въ вѣдѣніи Министерства Юстиціи; черезъ Министра Юстиціи проходили всѣ назначенія по Сенату. Въ силу историческихъ событій два департамента Сената, уголовный кассационный и гражданскій, занимали особое мѣсто среди другихъ департаментовъ. Всѣ сенаторы могли быть уволены высшей властью, кромѣ сенаторовъ кассационныхъ департаментовъ, такъ какъ эти сенаторы считались все же судьями и слѣдовательно были несмѣняемы. Но законъ опредѣленно этого положенія нигдѣ не проводилъ; это былъ лишь выводъ, дѣлаемый на основаніи толкованія судебныхъ уставовъ. Между тѣмъ сенаторовъ кассационныхъ департаментовъ ихъ особое положеніе скорѣе обижало, — точно они были не настоящіе сенаторы. Такъ или иначе, отъ новой высшей власти зависѣло принять то или иное толкованіе для опредѣленія судьбы сенаторовъ названныхъ департаментовъ. Особой остроты это положеніе однако не имѣло: сенаторы были послушны; безпрекословно уходили тѣ, которымъ было сказано, чтобы они подали въ отставку.

Въ Сенатѣ было два знаменитыхъ департамента, характеризовавшихъ Сенатъ съ отрицательной стороны — первый административный и уголовный кассационный. Первый департаментъ состоялъ большей частью изъ лицъ администра-

тивнаго вѣдомства, изъ бывшихъ высшихъ чиновъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, бывшихъ губернаторовъ и проч. Между ними попадались лица даже безъ высшаго образованія. Это были ставленники старой власти, безпрекословно дѣлавшіе все то, что имъ прикажетъ высшая власть. Изъ этого департамента новой властью была исключена (черезъ меня) больше чѣмъ половина сенаторовъ и замѣнена новыми лицами, занимавшими общественные посты, или ставшіе такъ или иначе во главѣ общественнаго движенія, какъ уважаемые общественные дѣятели. Сюда пошло много провинціаловъ.

Объ уголовномъ кассационномъ департаментѣ Правительствующаго Сената стоитъ сказать два слова. Самая простая и правильная характеристика стараго дореволюціоннаго уголовного кассационнаго департамента — это назвать его неправосуднымъ; дѣйствительно тамъ дѣлали, что хотѣли, не считаясь съ закономъ, и даже въ отношеніи не однихъ уголовныхъ политическихъ дѣлъ, но и простыхъ уголовныхъ; а о политическихъ и говорить не стоитъ. Достаточно сказать, что «честныхъ» сенаторовъ уголовныхъ (ихъ все же было не мало) отъ участія въ разсмотрѣніи дѣлъ политическихъ старались устранять и садили на дѣла, ничѣмъ не связанныя съ политикой, на примѣръ, по нарушенію акцизныхъ правилъ и т. д. Такъ поступили съ сенаторомъ З. Былъ такой столъ, дѣла изъ котораго поступали на разсмотрѣніе присутствія въ составѣ сенаторовъ Гредингера, Глищинскаго и Бахтіарова. Этотъ столъ считался прямо безнадежнымъ. По крайней мѣрѣ я, если ко мнѣ обращались кліенты, дѣла которыхъ находились въ этомъ столѣ, предупреждалъ ихъ, что какъ бы правильно и законно дѣло ихъ ни было, предсказывать исхода его при разсмотрѣніи его въ составѣ указанныхъ сенаторовъ невозможно. Я не пишу характеристики гг. сенаторовъ, но долженъ сказать, что со вступленіемъ новой власти сенаторъ Гредингеръ подалъ прошеніе объ отставкѣ, не ожидая, чтобы его попросили объ этомъ. Глищинскій тоже лично подалъ такое прошеніе; онъ отлично понималъ, что оставаться на службѣ онъ не можетъ. Но онъ до крайности меня удивилъ своимъ поведеніемъ: при свиданіи со мной на глазахъ у него были слезы; онъ увѣрялъ, что и при новомъ режимѣ онъ могъ бы съ честью служить, хотя и знаетъ, что такое его заявленіе останется безъ послѣдствій. Одинъ только сенаторъ Бахтіаровъ ни въ какіе переговоры не вступалъ и никакихъ прошеній объ отставкѣ не подавалъ.

Когда Керенскій въ качествѣ Министра Юстиціи посѣтилъ Сенатъ, то онъ обратился съ привѣтственною рѣчью къ представлявшимся ему сенаторамъ; въ своей рѣчи онъ однако не упустилъ случая указать на отрицательную роль, которую игралъ при старомъ режимѣ уголовный кассационный департаментъ. Намекъ былъ ясный, и многіе сенаторы уголовники поняли, что часъ ихъ пробилъ. Они уходили безпрекословно, а если и старались кой-когда убѣдить новую власть въ томъ, что, какъ сенаторы, они остаются и теперь годными, то одного указанія на то, что они, столъ видные дѣятели стараго режима, своимъ участіемъ въ новой власти, могутъ подорвать довѣріе къ ней, дѣлало то, что они уже больше не настаивали на своемъ желаніи. Несомнѣнно, весьма многихъ изъ нихъ утѣшала мысль, что ихъ признавали видными дѣятелями стараго режима; а нѣкоторыхъ это признаніе даже умиляло.

Какъ указано выше, съ сенаторомъ Бахтіаровымъ вышла заминка. Бахтіаровъ оказался человекомъ принципиальнымъ, и безъ борьбы отъ своихъ правъ отказываться не хотѣлъ.

Какъ судья онъ былъ, на мой взглядъ, никуда не годный человѣкъ. Но правыхъ взглядовъ онъ держался не по приказу, а *bona fide*; по принципу — онъ отъ лѣвыхъ не ждалъ ничего хорошаго. «Если говорятъ лѣвые — значить, ложь». Убѣждать его въ чемъ либо было бесполезно: онъ просто не слушалъ того, что говорятъ адвокаты лѣвыхъ; лѣвый — всегда виноватъ. Такова въ грубой формѣ характеристика Бахтіарова, какъ судьи. Я къ нему отпосился очень отрицательно. Меня возмущало то спокойствіе, съ какимъ Бахтіаровъ и компанія его отправляли людей на каторгу за ихъ убѣжденія; точно дѣлали дѣло и притомъ дѣло святое. Совѣсть у нихъ при этомъ оказывалась чиста, какъ горній хрусталь. Я думалъ, что если ты давишь людей, то сиди въ своей мрачной конурѣ и на свѣтъ Божій не показывайся. А Бахтіаровъ былъ веселый человѣкъ и любитель легкаго веселаго флирта. Это былъ постоянный посѣтитель маскарадовъ приказничьяго клуба. Сенаторы, товарищи Бахтіарова по службѣ, въ томъ числѣ и честные, относились, однако, къ Бахтіарову дружелюбно. По крайней мѣрѣ, когда было рѣшено удалить его, то за него была масса ходатайствъ — дескать, нельзя удалить со службы такого хорошаго человѣка, это будетъ несправедливо. Но удалить его рѣшилъ Керенскій, и этому рѣшенію я вполне сочувствовалъ. Какъ сдѣлать это?! Бахтіаровъ прошенія объ отставкѣ не подавалъ. Я объяснилъ тогда Керенскому, что власть можетъ не дѣлать различія между сенаторами старыхъ департаментовъ и кассационныхъ, и въ такомъ случаѣ Бахтіарова можно удалить, какъ всякаго сенатора стараго департамента. Я, однако, предупредилъ Керенскаго, что онъ встрѣтитъ, можетъ быть, сильный отпоръ, если эта мѣра будетъ проведена въ отношеніи сенаторовъ кассационныхъ департаментовъ. Сенаторъ Бахтіаровъ былъ удаленъ, но отпоръ былъ данъ, и настолько сильный, что Керенскій вынужденъ былъ признать удаленіе Бахтіарова ошибкой, и послѣдній вновь былъ водворенъ въ своемъ званіи. Бахтіаровъ въ концѣ концовъ все-таки сдѣлалъ уступку: онъ ушелъ изъ кассационнаго департамента и перешелъ въ общее собраніе, то-есть сталъ сенаторомъ на покоѣ.

Интересно отмѣтить слѣдующее. Новая власть родилась неожиданно. Она упала какъ свѣтъ на голову всѣмъ старымъ чиновникамъ. Казалось бы, со стороны послѣднихъ новая власть должна была встрѣтить, если не отпоръ, то по крайней мѣрѣ недружелюбное отношеніе. Но таково было презрѣніе къ старой власти и такія надежды возлагались на новую власть, что не только не было замѣтно со стороны чиновниковъ недружелюбнаго отношенія къ новой власти, а наоборотъ чувствовалось самое предупредительное отношеніе, связанное съ желаніемъ помочь новой власти въ ея новой дѣятельности. Такое отношеніе не можетъ быть объяснено гутаперчевой душой чиновника; слишкомъ ясны были признаки довѣрія къ новой власти, и достаточно краснорѣчивыхъ данныхъ для установленія этого обстоятельства.

Когда Временное Правительство пало, въ зданіи Сената собирались сенаторы и чины прокуратуры для обсужденія вопроса о томъ, какъ помочь Временному Правительству въ возстановленіи его власти. Когда я уже былъ не у дѣлъ, ко мнѣ по этому же поводу приходили на частную квартиру нѣкоторые изъ оберъ прокуроровъ сената. Первоприсутствующій гражданскаго касс. департамента Ганскау бывалъ часто въ Министерствѣ Юстиціи и въ своемъ обращеніи съ новой властью былъ всегда очень простъ и дружелюбенъ. Другой сенаторъ первоприсутствующій крестьянскаго департамента, уважаемый всѣми и далеко стоящій отъ политики сенаторъ Тимофеевскій, всего достигшій въ своей карьерѣ, одина-

ково готовый выйти в отставку и продолжать свою службу, был со мной в самых лучших отношениях, какъ и съ Г. Д. Скарятинымъ. Онъ всегда съ охотой посѣщалъ меня, о чемъ я сузу съ его же словъ, и всѣми силами отстаивалъ «своихъ» сенаторовъ, которыхъ въ силу новыхъ требованій приходилось изъ сената удалять. Помню такой случай: предположено было удалить одного сенатора изъ бывшихъ администраторовъ нѣкоего Х. Тимофеевскій стоялъ горой за него. Вопросъ не былъ еще окончательно рѣшенъ, когда вновь назначенный товарищъ оберъ-прокурора Синода А. В. Карташевъ, одинъ изъ самыхъ крупныхъ людей нашего времени, попросилъ Керенскаго оставить въ Сенатѣ Х., такъ какъ онъ хорошо его знаетъ за вполне хорошаго дѣятеля. Этой рекомендаціи для оставленія Х. сенаторомъ было совершенно достаточно. Когда Тимофеевскій пришелъ въ министерство, я хотѣлъ его обрадовать и сообщилъ ему о судьбѣ Х., упомянувъ, что хорошій отзывъ о немъ далъ Карташевъ. «Пу и слава Богу, сказалъ Тимофеевскій, я радъ за Х., и хорошо, что за него поручился товарищъ оберъ-прокуроръ Синода, если ручательство первоприсутствующаго для Васъ недостаточно». Эти ехидныя слова были сказаны самымъ дружелюбнымъ тономъ и не носили скрытой обиды или желанія уязвить. Тимофеевскій былъ просто остроумный человѣкъ. Тотъ же Тимофеевскій неоднократно выражалъ свое удовольствіе, что «съ нами», т. е. представителями новой власти можно свободно бесѣдовать о дѣлѣ, тогда какъ къ бывшей власти не всегда можно было и подступиться.

Уже послѣ, когда наступилъ періодъ моихъ скитаній, мнѣ пришлось встрѣтить нѣкоторыхъ бывшихъ дѣятелей судебного вѣдомства. Встрѣчи были всегда самыя теплыя. Вспоминали добромъ. Насколько довѣряли новой власти, сказало и въ слѣдующемъ маленькомъ фактѣ. Послѣ паденія Временнаго Правительства я встрѣтилъ однажды на улицѣ двухъ бывшихъ чиновниковъ Государственнаго Совѣта, работавшихъ при Совѣтѣ Министровъ Временнаго Правительства. Когда они узнали, что члены Временнаго Правительства собираются на совѣщанія въ частной квартирѣ, они предложили свои услуги въ качествѣ секретарей этихъ совѣщаній. Никто ихъ объ этомъ не просилъ, это было собственное ихъ стремленіе. Ихъ работу тогда приняли съ благодарностью, и они являлись на совѣщанія, приведи на нихъ еще и другихъ товарищей.

По натурѣ я не рѣзкій человѣкъ; на своемъ посту мнѣ не приходилось жалѣть объ этомъ и проявлять рѣзкость. Напротивъ, я со всѣми старался говорить съ возможной мягкостью, хотя и совершенно откровенно. Сколькимъ сенаторамъ мнѣ пришлось въ глаза говорить, что отъ нихъ требуется отставка, и ни одинъ при этомъ не выразилъ мнѣ своего неудовольствія или какой-либо претензіи по этому поводу; они хорошо понимали, что не ради исполненія только своего желанія я требую ихъ отставки. Но были конечно и недовольные. Были, правда, и очень непріятныя встрѣчи съ нѣкоторыми провинціальными предсѣдателями Окружныхъ Судовъ. Это были большею частью сравнительно молодые люди, успѣвшіе сдѣлать хорошую щеголовитовскую карьеру. Помню хорошо одного съ чрезвычайно плохой репутаціей и, само собой разумѣется, охранника въ душѣ — предсѣдателя Бакинскаго Окружнаго Суда по фамилии (если не ошибаюсь) Кудрявцева. Кудрявцевъ легко согласился подать въ отставку, но вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ, если возможно, оставить его на службѣ. Онъ цинично сказалъ,

что при новой власти онъ совершенно примѣняется къ тактикѣ и требованіямъ новаго Правительства. Само собою разумѣется, услуги его не были приняты. Другой случай былъ не столько непріятенъ, сколько комиченъ. Въ Петербургѣ явился по вызову Министра Юстиціи старшій предсѣдатель Омской Судебной Палаты Едличко. Этотъ вызовъ былъ сдѣланъ ради интересовъ самаго Едличко, ибо, какъ стало извѣстно въ Петербургѣ — съ момента революціи «видныхъ дѣятелей стараго режима» въ г. Омскѣ мѣстной революціонной властью посадили въ тюрьму, въ томъ числѣ и г-на Едличко. По требованію изъ Петербурга — его немедленно освободили и отпустили въ Петербургъ. Я лично не зналъ Едличко, но слышалъ о немъ весьма много. Это былъ суровѣйшій человѣкъ. Само собою разумѣется, строгій судья въ отношеніи политическихъ, близкій пріятель всѣхъ мѣстныхъ властей. Даже канцелярія Судебной Палаты его не навидѣла (миѣ лично на него жаловались канцелярскіе служащіе, когда я былъ по одному гражданскому дѣлу въ Омской Судебной Палатѣ), онъ завелъ у себя въ Палатѣ такой порядокъ, что ни одинъ служащій не смѣлъ ни опоздать на службу, ни раньше уйти. Въ служебные часы вся канцелярія должна была сидѣть на мѣстѣ, никто не смѣлъ ни курить, ни спросить себя стакана чаю. Словомъ — это была гроза. Едличко подлежалъ увольненію. Но это былъ упорнѣйшій человѣкъ; пріѣхавъ въ Петербургъ — онъ ежедневно ходилъ въ Министерство, являясь на пріемъ ко миѣ и къ товарищамъ Министра. Отъ него было очень трудно отдѣлаться. Въ извѣстномъ смыслѣ это былъ честный человѣкъ и весьма дѣятельный. На послѣднее качество свое онъ постоянно ссылался и увѣрялъ, что имъ всегда всѣ были довольны, какъ судей, и даже любили. Въ доказательство послѣдняго онъ приводилъ слѣдующій примѣръ: въ одной изъ сессій, гдѣ онъ предсѣдательствовалъ (не помню, гдѣ это было и по простому ли уголовному дѣлу или политическому), адвокаты выразили ему свою признательность и поднесли въ знакъ этой признательности — серебрянный подстаканникъ. Этотъ серебрянный подстаканникъ не разъ служилъ ему аргументаціей въ его пользу. А я думалъ, «чортъ бы дралъ нашихъ адвокатовъ, всякому готовы покадить, если имъ въ процессѣ не папакостили». Подстаканникъ на меня не производилъ, однако, никакого впечатлѣнія. Случайно миѣ пришлось встрѣтить одного изъ представителей-туземцевъ Алтайскаго Округа. Я спросилъ его, какъ онъ относится къ Едличко. Представитель далъ такой отзывъ: «Я добрый человѣкъ, но если бы было въ моей власти, то я бы его повѣсилъ». Словомъ, Едличко не повезло въ отзывахъ о немъ. Миѣ пришлось чуть ли не въ десятый разъ сказать ему, что на службѣ его оставить не могутъ. Какъ я упомянулъ, Едличко былъ упорный человѣкъ, но онъ оказался и не безъ нѣкоторой наглости. Вотъ что онъ миѣ отвѣтилъ: «Я въ отставку не подамъ, а прошу Васъ, переведите меня сначала въ другой судебный округъ, и тогда, подумавъ, можетъ быть, я и подамъ въ отставку съ новаго мѣста». Словомъ, Едличко продиктовалъ миѣ свои условія дальнѣйшей своей службы. Я ему объяснилъ: «Какъ Вамъ, такъ и миѣ хорошо извѣстно, что Вы, какъ судья, несмѣняемы. Принципъ несмѣняемости судей призналъ въ силѣ и новымъ правительствомъ; слѣдовательно, если Вы сами не подадите въ отставку, Вы въ правѣ продолжать свою службу, но, — прибавилъ я, на прежнемъ мѣстѣ. Такъ какъ Вы настаиваете на продолженіе Вашей службы, то я прошу Васъ немедленно отправиться на мѣсто Вашей прежней службы въ г. Омскъ». Едличко довольно хитро на меня посмотрѣлъ (хитрость, однако, не была веселаго характера), попросилъ у меня листъ бумаги и тутъ же написалъ прошеніе объ отставкѣ. Онъ хорошо

пошмалть, что возвратъ въ Омскъ, гдѣ его такъ любили, что посадили въ тюрьму, не сулить ему въ будущемъ ничего пріятнаго. Такъ или иначе, отъ службы Едличко въ судебномъ вѣдомствѣ мы избавились.

Много заботъ причинялъ намъ предсѣдатель Петроградскаго Окружнаго Суда Рейнботъ. Это былъ дѣлавній карьеру судебный дѣятель; человекъ несомнѣнно даровитый, но принципиально не особенно чистый, т. е. ради карьеры способный покривить въ нѣкоторыхъ случаяхъ душой. Къ адвокатамъ онъ не относился прямо враждебно, но поскольку требовала та же карьера, въ достаточной степени пренебрежительно. Ему, конечно, слѣдовало самому догадаться уйти съ отвѣтственнаго и виднаго поста, когда у власти стали новые люди, но онъ «не догадывался», а мы его не трогали, такъ какъ онъ въ извѣстной степени былъ въ этомъ отношеніи застрахованъ. Сравнительно незадолго до революціи въ Петербургскомъ судѣ подъ его предсѣдательствомъ судили адвокатовъ за воззваніе ихъ по дѣлу Бейлиса. Это былъ по существу своему гнуснѣйшій процессъ. Участники въ преслѣдованіи адвокатовъ не могли заслуживать довѣрія со стороны новой власти, но преслѣдованіе Рейнбота носило бы характеръ мстительнаго отношенія къ нему, ибо большинство адвокатовъ, которые были привлечены по дѣлу Бейлиса къ уголовной отвѣтственности, стояли нынѣ у власти. Это и удерживало насъ устранить съ мѣста Рейнбота. Припоминается, что въ концѣ концовъ его перевели въ сенатъ на мѣсто товарища оберъ-прокурора уголовного кассационнаго департамента, что являлось повышеніемъ по службѣ.

Упорное нежеланіе выходить въ отставку, хотя на словахъ и выражалась въ томъ готовность, проявили нѣкоторые предсѣдатели провинціальныхъ Окружныхъ Судовъ и члены Окружныхъ Судовъ. Это заставило меня поднять вопросъ объ отмѣнѣ на очень короткій срокъ принципа несмѣняемости. Въ этомъ вопросѣ, возбужденномъ при Министрѣ Юстиціи Переверзевѣ, я потерпѣлъ фіаско. Болѣе подробно объ этомъ я скажу ниже.

Для ознакомленія съ дѣятельностью служебнаго персонала служило такъ называемое «дѣло» (досье) о каждомъ чиновникѣ. Эти досье подчасъ носили чрезвычайно интересный характеръ. Въ «дѣлѣ» отмѣчалось не только ходъ службы дѣятеля, но и все свѣдѣнія о немъ, хотя бы сторонняго характера. Щегловитовъ, повидимому, весьма любилъ собирать о человекѣ всю его подноготную. И я думалъ, что «дѣло» Министерства Юстиціи подчасъ мало отличалось отъ «дѣла» охраннаго отдѣленія; оно было даже шире по содержанію. Боже сохрани, было бы скрыть отъ Щегловитова какія либо сплетни относительно служебнаго лица или о случившемся съ нимъ скандалѣ. Всякій подобный случай по требованію Щегловитова подвергался подробному разслѣдованію, иногда тайному. Миѣ приходилось всю эту литературу прочитывать, прежде чѣмъ имѣть общеніе съ тѣмъ или инымъ лицомъ судебного вѣдомства, который являлся ко миѣ на приѣмъ. И вотъ — приходило ко миѣ служебное лицо, человекъ серьезный, обстоятельный, щеголеватый, я слушалъ его, а въ головѣ вертѣлась мысль: «а миѣ, братъ, извѣстно, что ты подозрѣваешь и не безъ основанія свою жену въ измѣнахъ тебѣ; все, братъ, прописано въ твоемъ досье».

Бесѣдовать съ Керенскимъ о дѣлахъ было чрезвычайно трудно: его почти никогда нельзя было захватить; у него никогда не было ни одной свободной минуты. Я сталъ ходить къ нему рано утромъ, когда онъ вставалъ и пилъ кофе. Тутъ на лету происходили у меня съ нимъ всѣ переговоры. Керенскій — «быстрый разумомъ Невтонъ», схватывалъ предметъ бесѣды на лету, и потому не требовалось много времени на рѣшеніе текущихъ вопросовъ. Чуть ли не все время Керенскаго занимали его разъѣзды съ визитами по различнымъ организаціямъ и выступленія съ рѣчами въ разныхъ собраніяхъ. Популярность его была огромна и все росла. Я уже замѣтилъ, что необходимость заставляла Керенскаго проводить такъ время. Публичное слово имѣло тогда громадное значеніе, и много недоразумѣній было сведено на нѣтъ благодаря однимъ публичнымъ выступленіямъ Керенскаго и другихъ; но, конечно, такая ѣзда или такое времяпрепровожденіе отражалось отрицательно на дѣятельности Керенскаго, какъ Министра Юстиціи. Тѣмъ не менѣе, Керенскій все же всюду поспѣвалъ и не меньше другихъ министровъ занимался дѣломъ.

За Керенскимъ создавалась слава, и воплиѣ имъ заслуженная, большого оратора. Онъ умѣлъ зажигать сердца.

Керенскій, какъ талантливый защитникъ, зарекомендовалъ себя въ адвокатурѣ съ первыхъ же своихъ выступленій. Но какъ ораторъ онъ имѣлъ много отрицательныхъ сторонъ.

Онъ всегда слишкомъ нервничалъ. Не безъ основанія его называли неврастеникомъ. Онъ обладалъ громкимъ и излишне рѣзкимъ голосомъ, и въ рѣчахъ его всегда слышались высокія крикливыя ноты. Онъ никогда не говорилъ спокойно, и это слушателей иногда раздражало. Вообще, слушать его было довольно тяжело. Таковъ онъ былъ и въ своихъ первыхъ думскихъ выступленіяхъ. Но только на первыхъ порахъ. Въ послѣднюю же сессію 4 Государственной Думы онъ почти преобразился; уже не было въ его рѣчахъ ни крика, ни излишней нервности. Онъ сдѣлался настоящимъ ораторомъ, слушать котораго было удовольствіемъ и слушать котораго собиралась вся Дума, каковой чести изъ думскихъ ораторовъ удостоивались весьма немногіе. Керенскій произнесъ въ Думѣ нѣсколько великолѣпныхъ рѣчей незадолго до революціи. Я помню, что даже Милюковъ, несомнѣнный и крайній недоброжелатель Керенскаго, поздравилъ его за блескъ одного изъ его выступленій. Рѣчи же Керенскаго за время революціи всегда сопровождались его триумфомъ. Керенскій отличился, когда, какъ премьеръ Временнаго Правительства, выступилъ въ Московскомъ Государственномъ совѣщаніи. Объ его заключительной рѣчи много писалось; Керенскій въ этомъ своемъ заключительномъ словѣ, если можно такъ выразиться, сдѣлалъ проскачку. Неожиданно, нарушая программу рѣчи, онъ впалъ въ лирику, внесъ въ свою рѣчь ноту какого-то отчаянія. Это всѣхъ поразило, и кто-то изъ слушателей громко воскликнулъ: «Не надо, не надо». Во время Московскаго Совѣщанія я жилъ у прокурора Московской Судебной Палаты Сталя, у котораго остановился и милѣйшій, нынѣ покойный, князь Крапоткинъ. Крапоткинъ признавалъ за Керенскимъ величайшій даръ слова. Онъ кромѣ того сказалъ, что не знаетъ въ Европѣ другого такого человѣка, который сумѣлъ бы съ такимъ умѣніемъ вести публичное засѣданіе, состоящее изъ 4 тысячъ слишкомъ человѣкъ. Говорить въ такомъ собраніи, конечно, составляло огромную трудность. Керенскій, произнося рѣчь, каждое свое слово отчеканивалъ, и оно слышалось въ любомъ мѣстѣ театральной залы. На каждомъ абзацѣ своей рѣчи онъ останавливался, давалъ слушателямъ время вос-

пріяты его мысль. Таковъ постоянный способъ говорить рѣчи у Ф. И. Родичева. Керенскій примѣнилъ этотъ способъ въ подлежащей обстановкѣ. Сообразно случаю Керенскій говорилъ свою рѣчь чрезвычайно торжественно и языкомъ, какимъ писали въ старину законы. Это было очень красиво. И все же нашелся какой-то профессоръ изъ кадетъ, прїѣхавшій съ Юга Россіи (фамилію его не знаю), который громко заявлялъ, что онъ слышалъ о Керенскомъ, какъ о крупномъ ораторскомъ талантѣ, и удивляется такой его репутаціи, ибо Керенскій показалъ себя въ Совѣщаніи абсолютно не ораторомъ.

Скажу еще нѣсколько словъ о двухъ рѣчахъ Керенскаго. Крайніе лѣвые элементы, хотя и участвовали въ Московскомъ Государственномъ Совѣщаніи, однако остались имъ очень недовольны. Они находили, что въ немъ не сказался въ достаточной степени демократическій духъ. Правильнѣе сказать, что выразителемъ этого духа (а это и не правиломъ крайнимъ лѣвымъ) были не только крайніе лѣвые, но и правые, каковыми считались всѣ, стоящіе правѣе социаль-демократовъ и социаль-революціонеровъ. Поэтому, по инициативѣ лѣвыхъ, было созвано второе совѣщаніе (я не помню порядка избранія членовъ этого собранія), которое собралось въ Петербургѣ въ зданіи Александринскаго театра. Въ то время Временное Правительство уже не пользовалось тѣй популярностью, какою пользовалось въ первый періодъ своей дѣятельности; Керенскій уже имѣлъ много враговъ. Совѣщаніе въ Александринскомъ театрѣ было явно настроено противъ него. Керенскій своей рѣчью въ Александринскомъ театрѣ поднялъ престижъ Временнаго Правительства, онъ почти заставилъ Совѣщаніе стать на сторону Временнаго Правительства, хотя собраніе по настроенію до рѣчи Керенскаго не думало стать на этотъ путь. Этой рѣчи Керенскаго лично я не слышалъ, но мнѣ рассказывали, что онъ превзошелъ себя, и было похоже на то, что онъ являлся укротителемъ посаженныхъ въ клѣтку звѣрей. Третья, на мой взглядъ, и тоже замѣчательная рѣчь Керенскаго была имъ произнесена въ Совѣтъ Республики, почти наканунѣ паденія Временнаго Правительства и торжества большевиковъ. Тогда кадеты явно стояли противъ Керенскаго, хотя настроеніе это имѣло скорѣе личный характеръ. Повидимому, кадеты отдѣляли Керенскаго отъ Временнаго Правительства; Корниловская исторія уже сыграла тогда свою роль. Всѣ, стоявшіе правѣе кадетъ, а таковыхъ было не мало въ Совѣтъ Республики, а также часть социаль-демократовъ и лѣвые эсеры были всѣ настроены противъ Керенскаго. Въ Совѣтъ былъ внесенъ, если не ошибаюсь, кадетами запросъ, что думаетъ дѣлать Правительство въ виду явной опасности большевизма. Керенскій отвѣчалъ, что Правительство приготовилось встрѣтить большевиковъ, что имъ подготовленъ отпоръ (какъ извѣстно, войска предназначенные къ отпору, перешли затѣмъ на сторону большевиковъ, чѣмъ обезпечили торжество послѣднихъ). Закончилъ свою рѣчь Керенскій призывомъ не винить ни въ чемъ обезпеченнаго грязнаго, худо одѣтаго, обмыганнаго русскаго солдата. Финалъ рѣчи былъ произнесенъ съ большимъ подъемомъ. И опять всѣ, кромѣ лѣвыхъ эсеровъ, оказались на сторонѣ Керенскаго, а кадеты сдѣлали Керенскому овацію, аплодируя ему, вставъ со своихъ мѣстъ. Это была та рѣчь, о которой кадетъ Стенановъ, нынѣ тоже покойный, въ своихъ воспоминаніяхъ говорилъ, что «вотъ вышелъ на кафедру кривляться великій человѣкъ». Другой кадетъ прие. пов. Мандельштамъ въ своихъ воспоминаніяхъ тоже высказался объ этой рѣчи отрицательно, забывая объ оваціяхъ, сдѣланныхъ Керенскому его же собратіями по партіи. Я хорошо зналъ Стенанова; это былъ честнѣйшій и милѣйшій во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ, но онъ былъ

арымъ кадетомъ, т. е. послушнѣйшимъ рабомъ кадетской партіи. Степановъ много вреда принесъ въ послѣднее время своей дѣятельностью, когда поддерживалъ ген. Деникина тамъ, гдѣ его слѣдовало учить не дѣлать того, что послѣдній дѣлалъ. Но отзывъ Степанова о Керенскомъ тѣмъ непріятнѣе, что Степановъ былъ въ свое время пріятелемъ Керенскаго.

Популяренъ Керенскій былъ во всѣхъ кругахъ, даже юмористическіе журналы, поднимавшіе такъ или иначе на смѣхъ Министровъ или остря надъ ними, не трогали одного Керенскаго, т. е. не задѣвали его. При канцеляріи Новаго Правительства работали чиновники, состоявшіе при Государственномъ Совѣтѣ. Это были почти все сыновья крупныхъ же чиновниковъ и богатыхъ людей; молодые люди, дѣлавшіе большую карьеру. Само собой разумѣется, какъ принадлежащіе къ кругу блестящихъ старыхъ чиновниковъ, они всѣ были консерваторы по направленію. Нужно было слышать ихъ отзывы о Керенскомъ. Они называли его блестящимъ. Все умное, оригинальное, свѣжее исходило въ засѣданіяхъ Временнаго Правительства, по ихъ мнѣнію, отъ Керенскаго. Это замѣчалось чиновниками и цѣнилось ими. Отрицательнаго отношенія среди нихъ къ Керенскому не было. Это мнѣ лично извѣстно.

Мнѣ приходится останавливаться на личности Керенскаго потому, что теперь, когда я пишу свои замѣтки, имя его одіозно. Нѣтъ лица, которое походя не ругало Керенскаго. Даже эсеры, къ партіи которыхъ принадлежитъ Керенскій, и тѣ не останавливались передъ оханваніемъ послѣдняго. Явленіе это заслуживаетъ вниманія, и я на немъ вкратцѣ останавлиюсь, хотя для этого приходится забѣжать впередъ.

Года два тому назадъ, когда я жилъ въ г. Тифлисѣ послѣ выхода моего изъ тюрьмы, куда меня здорово-живешь засадило Грузинское Правительство, я сталъ заниматься частной газетной работой въ эсеровскомъ партійномъ органѣ «Знамя Народа». Помню, что въ одной изъ своихъ статей я упомянулъ о Керенскомъ, отозвавшись о немъ съ положительной стороны. Редакція вычеркнула этотъ отзывъ, главнымъ образомъ изъ боязни не угодить читающей публикѣ. Меня это удивило, и я сказалъ заправиламъ газеты, что, по моему мнѣнію, тогда только наступитъ нормальное политическое положеніе или тогда умы человѣческіе придутъ въ нормальный порядокъ, когда къ дѣятельности Керенскаго въ Временномъ Правительствѣ перестанутъ относиться только отрицательно. Это не значило, однако, по моему мнѣнію, что Керенскій всегда въ политикѣ правильно поступалъ, хотя онъ иногда былъ вынужденъ дѣйствовать въ извѣстномъ направленіи, нынѣ считающемся неправильнымъ; вообще, я считаю, что за политику Временнаго Правительства должны нести отвѣтственность всѣ лица, входившія въ составъ кабинета, а не одинъ Керенскій; все Правительство цѣликомъ, ибо это Правительство вовсе не состояло изъ однихъ ставленниковъ Керенскаго, и не изъ мальчиковъ, состоявшихъ у него на побѣгушкахъ. Керенскій ничего единоличной властью не дѣлалъ, а все, что дѣлалось, исходило отъ имени Временнаго Правительства, то-есть отъ всѣхъ лицъ, въ него входившихъ. Дѣйствительно колоссальная популярность Керенскаго давила всѣхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ избаловала его. Понятно поэтому, что съ мнѣніемъ Керенскаго всѣ должны были такъ или иначе считаться. Идти противъ Керенскаго никто не хотѣлъ, ибо это связывалось съ вопросомъ о потери своей собственной популярности. Въ послѣднемъ Керенскій конечно былъ несколько не виноватъ, это была отрицательная сторона товарищей его по Совѣту Министровъ.

Во время управленія Керенскаго Министерствомъ Юстиціи въ столовой Министра къ часу завтрака собиралось довольно много народу. Это былъ часъ отдохновенія и общей бесѣды. Къ этому часу являлись съ визитами близкіе ему партійные дѣятели, эмигранты, вернувшіеся въ Россію, бывшіе политическіе ссыльные и иностранные гости. Изъ иностранцевъ бывалъ чаще другихъ французскій Министръ Тома. Приходила Вѣр. Ник. Фигнеръ, а по пріѣздѣ въ Петербургъ въ квартирѣ Министра поселилась сама бабушка русской революціи, Брешко-Брешковская, которая повидимому очень тепло относилась къ Керенскому. О ней я хочу сказать нѣсколько словъ. Это былъ очень симпатичный и милый человѣкъ, по облику своему напоминавшій хорошихъ нашихъ бабушекъ изъ старыхъ помѣщицъ. Она была очень привѣтлива; со всѣми своими знакомыми, даже когда ей представляли новое лицо, она, здороваясь, непременно цѣловалась и всѣмъ говорила «ты». Это цѣлованіе походило у ней на какой то обрядъ. Вѣроятно такая привычка была присуща всѣмъ ссыльнымъ политическимъ. Они могли встрѣчаться въ ссылкѣ, какъ знакомые, только съ такими же политически пострадавшими, какъ и они сами, считались между собою близкими и при встрѣчахъ должны были цѣловаться. Я, помню, защищалъ одну барышню, обвинявшуюся въ томъ, что она принадлежала къ партіи с. д. и состояла въ Петербургскомъ комитетѣ. Ее оправдали. Передъ уходомъ изъ Суда она со всѣми осужденными, прощаясь, перецѣловалась. Словомъ, это былъ обычай, которымъ вообще дорожили. Такъ какъ бабушка жила въ Министерствѣ, и я каждый день съ ней встрѣчался, то и цѣловаться съ ней приходилось каждый день, что мнѣ казалось не столько излишнимъ, сколько неловкимъ; мнѣ казалось, что и ей должно же это надобѣсть. Я поэтому сталъ съ ней издали здороваться. Съ бабушкой мнѣ приходилось неоднократно бесѣдовать, но врядъ ли она знала, кто съ ней говорилъ. Народу къ ней приходило множество, и врядъ ли ее особенно интересовало, кто съ ней здоровается. Бабушка прекрасно говорила; у нея была отличная дикція. Рѣчь ея, произнесенная въ Московскомъ Государственномъ Совѣщаніи, показала, какъ она умѣетъ владѣть словомъ, и какъ она умѣетъ говорить, не напрягая голосовыхъ связокъ, такъ, чтобы ее слышали. Но не всѣ ее любили изъ тѣхъ, кто ее помнилъ молодой. А такъ вообще она была привлекательнѣйшей старушкой. Въ шутку я называлъ ее «Чортовой бабушкой» и вотъ почему. Однажды бесѣдуя съ ней о земельномъ вопросѣ, проблему котораго она кстати сказать разрѣшала весьма радикально, я сказалъ ей, что всего лучше было бы назначить Министромъ Земледѣлія А. В. Пѣшехова. «Хорошій человѣкъ, очень хорошій, и министромъ пусть его назначать, но только пусть онъ перемѣнитъ свою земельную программу». Такая наивность въ бабушкѣ была довольно удивительна. Когда же при продолженіи разговора я упомянулъ о крестьянскихъ безпорядкахъ и замѣтилъ, что крестьянскіе союзы сыграли въ свое время положительную роль, такъ какъ гдѣ они были учреждены, тамъ не было разгромовъ помѣщичьихъ имѣній, она сказала: — «Да какіе же это были разгромы, вѣдь помѣщикамъ говорили, чтобы они уѣзжали, громили вѣдь только тѣхъ, которые не хотѣли уѣзжать». Вотъ какіе взгляды были у бабушки. Помню, что при этомъ разговорѣ присутствовалъ Керенскій, который, смѣясь, сказалъ: «вотъ и ѣзди съ такой бабушкой по Россіи».

Однимъ изъ первыхъ дѣлъ, имѣвшимъ государственное значеніе, въ обсужденіи котораго, хотя и не официально, я принялъ участіе по вступленіи моемъ въ министерство, былъ вопросъ о смертной казни. Резолюцію объ отмѣнѣ смертной казни составляли А. С. Зарудный и проф. Чубинскій. Они, конечно, стояли за отмѣну смертной казни, но дѣлали исключеніе для примѣненія ея во время войны. Я стоялъ за полную ея отмѣну. Керенскій тоже всталъ на ту же точку зрѣнія и о томъ, что Временное Правительство стоитъ за полную отмѣну смертной казни, объявилъ на одномъ изъ политическихъ публичныхъ засѣданій въ Москвѣ. Какъ извѣстно, полная отмѣна смертной казни въ отношеніи и военнаго времени была затѣмъ тѣмъ же Временнымъ Правительствомъ отмѣнена, что я лично всегда считалъ большой ошибкой. Но Керенскій сдѣлалъ впоследствии еще большую ошибку, когда гдѣ-то сказалъ, что онъ въ качествѣ Верховнаго Главнокомандующаго никогда на практикѣ примѣнять ее не станетъ. Тогда и огорода городить не слѣдовало. Керенскій своимъ признаніемъ и себя, и Временное Правительство сильно въ то время дискредитировалъ.

Особый и совершенно понятный интересъ представляли дѣла такъ называемой охраны. Была создана комиссія, которая занялась приведеніемъ въ порядокъ дѣлъ Департамента полиціи. Знающихъ эти дѣла было нѣсколько человекъ; во главѣ ихъ стояли литераторы Щеголевъ и Бурцевъ, бывшіе редакторы журнала «Былое». Порядокъ въ разрозненныхъ дѣлахъ, архивъ которыхъ былъ перенесенъ въ нижній подвальный этажъ Министерства Юстиціи, былъ очень быстро наведенъ, что однако потребовало много труда. Но все же пансекретнѣйшія дѣла, повидимому, были либо скрыты, либо своевременно заинтересованными въ нихъ лицами уничтожены. Последнее вполне возможно, такъ какъ въ первые дни революціи толпа народа устремилась къ департаменту полиціи, ворвалась въ зданіе и принялась жечь все, что попадалось ей подъ руки. Весьма вѣроятно, помогли толпѣ жечь дѣла опытные руководители, заинтересованные въ уничтоженіи нѣкоторыхъ документовъ. Въ первые дни революціи дважды поджигали Петроградскій Окружной Судъ. Одинъ разъ какъ-то отстояли судъ, но при второмъ поджогѣ его спасти не удалось. Не было абсолютно никакого основанія ни съ точки зрѣнія общественнаго интереса, ни съ точки зрѣнія революціоннаго жечь дѣла Суда. Однако ихъ сожгли. И тутъ вѣроятно помогали руки заинтересованныхъ лицъ. Этими заинтересованными лицами могли быть только уголовные, очутившіеся на свободѣ. Правда, могъ быть интересъ поджигать и уничтожать со стороны тѣхъ, которыхъ подзадаривалъ къ этому духъ разрушенія вообще. И такой духъ существовалъ, но расцвѣлъ онъ въ эпоху большевизма.

Стремленіе создать популярность новой власти заставило Керенскаго принять близкое участіе въ дѣлахъ печати. Нужно было, чтобы печать всегда была подъ рукой, чтобы сообщать политическія новости и все, что совершалось новымъ правительствомъ. Было создано особое бюро печати при Министерствѣ Юстиціи. Этому бюро было поручено собирать все интересное, что могло имѣть какой либо общественный интересъ, либо интересъ минуты. Составлялись особые бюллетени, которые каждодневно передавались Керенскому. Это бюро печати имѣло повидимому пропасть работы и не малое число служащихъ. Помѣщалось оно въ отдѣль-

ныхъ для сего компатахъ квартиры министра. Конечно, все это стоило большихъ денегъ, что не особенно правилось Зарудному, которому затѣя Керенскаго вообще не особенно была по вкусу. Бюро это работало до того времени, пока Керенскій былъ Министромъ Юстиціи. Когда же онъ былъ назначенъ Военнымъ и Морскимъ Министромъ и переѣхалъ въ новое помѣщеніе, то бюро печати при Министерствѣ Юстиціи постепенно захирѣло и затѣмъ было ликвидировано.

Новое Правительство ознаменовало себя созданиемъ массы законодательныхъ комиссій. Особенно много было работы въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, на долю котораго пришлось пересматривать и создавать новые законы по административному управленію страной. Все земское и городское законодательство подлежало переработкѣ. Я получилъ приглашеніе участвовать въ комиссіи по земскому законодательству. Эта комиссія имѣла — въ свою очередь — массу подкомиссій. Я попробовалъ посѣщать ихъ. Но мнѣ это не удалось, такъ какъ это могло отнять у меня все время. Пришлось бросить это дѣло. Въ то время очень увлекались созданиемъ административнаго суда. А такъ какъ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ было очень заинтересовано въ созданіи этого органа, то оно взяло на себя трудъ созданія новаго закона. Административный Судъ долженъ былъ составлять органическое цѣлое съ обыкновеннымъ судомъ; каждый Окружной Судъ долженъ былъ имѣть свое административное судебное отдѣленіе, административные судьи должны были войти въ корпорацію обычныхъ мировыхъ (или назначенныхъ) судей, или членовъ Окружныхъ Судовъ. Мнѣ случайно пришлось познакомиться съ проектомъ закона объ учрежденіи административнаго суда Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Онъ мнѣ показался очень плохо написаннымъ; писали его люди, мало знакомые съ судебными установленіями. Я указалъ на это Керенскому и просилъ его создать свою комиссію для выработки закона, столь близкаго Министерству Юстиціи. Комиссія была создана. Въ нее вошли нѣкоторые изъ лицъ, участвовавшихъ въ такой же комиссіи при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ. Весьма многое было передѣлано въ прежнемъ проектѣ, но одинъ, на мой взглядъ, крупный недостатокъ проекта остался въ силѣ. Какъ я сказалъ, идея созданія административнаго суда весьма многихъ прельщала. Благодаря этому, новому закону стали придавать большее значеніе, чѣмъ онъ заслужилъ. Пришли къ убѣжденію, что всякая жалоба на рѣшеніе Окружнаго Суда по административному отдѣленію подлежитъ разсмотрѣнію только вышшаго судебного органа въ Россіи, то-есть Сената. Судебную Палату нашли для этого недостаточно авторитетною. Повторили ту ошибку, которая имѣлась уже въ старомъ строѣ относительно коммерческихъ судовъ, у которыхъ апелляціонной инстанціей являлся непосредственно Сенатъ. Мое мнѣніе о неправильномъ игнорированіи Судебной Палаты въ качествѣ апелляціонной инстанціи не было признано заслуживающимъ уваженія. Я, однако, не терялъ надежды добиться своего; существовалъ такой порядокъ работъ въ комиссіяхъ: послѣ принятія комиссіей окончательнаго текста проекта новаго закона, таковой отпечатывался на машинкѣ, а копии съ него рассылались всемъ членамъ комиссіи, которые въ правѣ были сдѣлать свои замѣчанія на проектъ закона. Проектъ вмѣстѣ съ замѣчаніями отдѣльныхъ членовъ комиссіи отсылался затѣмъ въ Совѣтъ Министровъ, гдѣ разсматривался и получалъ силу закона. Я думалъ внести свое замѣчаніе о неправильности принятаго порядка жалобъ на рѣшеніе административныхъ судовъ при передачѣ проекта закона въ Совѣтъ Министровъ. Однако,

вопреки обычаю, на этотъ разъ проектъ закона не былъ разосланъ членамъ комисіи, а прямо попалъ въ Совѣтъ Министровъ. Спрошенный мною по этому поводу директоръ 1-го Департамента Министерства Юстиціи Мордухай-Болтовской, въ вѣдѣніи котораго находился законодательный отдѣлъ, объяснилъ мнѣ, что члены какъ старой, такъ и новой комисіи настолько были довольны новымъ проектомъ закона и такъ стремились къ скорѣйшему признанію за нимъ силы закона, что рѣшили не терять время на исполненіе, по ихъ мнѣнію, пустой формальности, какъ разсылки проекта, окончательно принятаго комисіей. Такимъ образомъ я потерпѣлъ фіаско въ своемъ домоганіи.

Въ Министерствѣ Юстиціи было создано по инициативѣ А. С. Заруднаго другая чрезвычайно важная комисія — комисія по пересмотру судебныхъ уставовъ Императора Александра II. Въ созданіи этихъ уставовъ, какъ извѣстно, игралъ огромную роль сенаторъ Зарудный, отецъ Александра Сергѣевича. Естественно, что сынъ хотѣлъ возстановить уставы въ томъ видѣ, къ которому такъ стремились отецъ его и первые создатели устава, и отъ проведенія въ каковомъ составителямъ приходилось въ нѣкоторыхъ случаяхъ отказываться противъ своего желанія. Кромѣ того, уставы были еще испорчены разными новеллами позднѣйшаго происхожденія. Предсѣдателемъ этой комисіи былъ избранъ товарищъ Министра Юстиціи А. С. Зарудный. Конечно, это было для него чрезвычайно лестно, но онъ былъ недоволенъ, такъ какъ главная работа по исправленію уставовъ должна была происходить въ многочисленныхъ подкомиссіяхъ, а не въ пленарномъ собраніи огромной по составу комисіи. Въ комиссіяхъ же были свои предсѣдатели. Задуманная работа была чрезвычайно обширна. Я считалъ это ея грѣхомъ. Такая работа необходима и хороша для мирнаго времени, а мы жили въ горячее время, когда нужны были быстрыя измѣненія законовъ, несоотвѣтствующихъ времени. Мнѣ казалось болѣе цѣлесообразнымъ въ первую очередь заниматься исправленіями частичными, дабы скорѣе внести въ законодательство необходимыя новшества. Но и къ такого рода измѣненіямъ не было, повидимому, большой склонности у большинства членовъ комисіи. Пульсъ жизни не особенно четко бился у старыхъ, хотя и чрезвычайно добросовѣстныхъ, сенаторовъ и профессоровъ юриспруденціи. А кромѣ того, и А. С. Зарудный былъ нѣсколько виноватъ въ своемъ преклоненіи передъ уставами. Напримѣръ, въ старыхъ уставахъ была проведена совершенно правильная мысль, что всякое преступленіе, въ томъ числѣ и государственное, должно было быть разсматриваемо при участіи присяжныхъ засѣдателей. Но уставы сохранили дѣленіе преступниковъ по рангамъ. Поэтому одо и то же преступленіе могло разсматриваться либо въ Окружномъ Судѣ, либо въ Судебной Палатѣ, либо, наконецъ, въ Сенатѣ. Для новаго времени такое раздѣленіе ответственности являлось чистѣйшимъ вздоромъ. Но Зарудный не хотѣлъ мѣнять уставовъ и нашелъ въ этомъ отношеніи много сочувствовавшихъ ему. Слѣдуетъ прибавить, что къ проведенію идеи суда, равнаго для всѣхъ, Временное Правительство въ послѣдствіи склонилось, но провести этотъ принципъ въ жизнь не успѣло. А это имѣло большое практическое значеніе.

Мнѣ съ моими сотрудниками въ вопросѣ о назначеніи на службу лицъ судебного вѣдомства много пришлось перебрать (и при томъ бесполезно) фамилій. чтобы отыскать подходящее лицо для занятія должности предсѣдателя Петроградскаго Окружнаго Суда на вакантное мѣсто послѣ Рейнбота. Необходимо было

назначить очень опытного и даже талантливого председателя в виду предстоящих громких судебных процессов. Достаточно упомянуть процесс бывшего Военного Министра Сухомлинова или предстоящий процесс большевиков. Но острота вопроса отпала, когда решено было судить Сухомлинова в Сенате, где председателем присутствия был Таганцев-сын, очень опытный и умный судья.

Но как бы ни была продуктивна работа комиссии по пересмотру судебных уставов, она успела сделать только некоторую подготовительную часть возложенной на нее работы. Для придания простоты составу этой комиссии (другого подходящего слова не нахожу), Зарудный пригласил для участия в ней нескольких лиц не судебного мира: в том числе ныне покойного шлессельбуржца Германа Лопатина. Лопатин был очень доволен, как происходила работа в комиссии; его не то радовало, не то поражало, что в заседаниях комиссии все происходит чинно и гладко, а не так, как в политических собраниях, с их горячими дебатами, подчас с криками и ссорами. Было бы в самом деле любопытно посмотреть, как бы наши сенаторы стали кричать при спорах! . . .

Одним из первых назначений по Министерству Юстиции было назначение на должность прокурора Петроградской Судебной Палаты присяжного повременного П. Н. Переверзева. Сам по себе милый человек, «душа человек», веселый и экспансивный, Переверзев производил на всех очень хорошее впечатление. Он пользовался хорошей репутацией, как оратор. И действительно, он владел свободно речью, имел хорошую голос. Насколько я могу судить, речи его, однако, никогда не были программы, но мысли, им высказываемые, были метки, и речи его с внешней стороны были не без блеска. Помню, что в революционное время он приехал в Петербург с какого-то фронта, где завывал в драматическом поезде имени Петербургских присяжных повременных. Явился он в Министерство Юстиции, одетый в форму, соответствующую военному образцу, и, как оказалось, подвез к Министерству верхом. Он понравился даже П. Н. Жемчужникову. Как он служил в должности Прокурора Палаты, я не знаю.

Работы у него конечно были полон рот. Ему хотелось, как он говорил, иметь при себе своих людей. Поэтому он просил прикомандировать к нему Бессарабова и Данчица. Просьба его была, конечно, исполнена, и оказалось, что Данчиц и Бессарабов поступили дальновидно, удовлетвовавшись на первых порах скромною должностью, они вскоре получили повышение. Переверзеву очень много пришлось возиться с бывшими министрами, теми, которые были арестованы. Часть их он вдруг здорово-живешь в каком-то порыве выпустил из заключения, то-есть сделал это, не посоветовавшись ни с кем, чем поставил в очень неловкое положение Керенского, который по этому поводу, раздраженный, сделал ему весьма серьезный реприманд, кричал на него, как рассказывал Переверзев. Выпущенных лиц Переверзеву немедленно пришлось водворить в тюрьму. Он был этим достаточно сбит с толку.

Во время своего прокурорства Переверзеву пришлось участвовать в очень серьезном деле; именно в Кроштадтском. Керенский командировал его туда, в качестве представителя власти, чтобы убедить кроштадтский Совет

рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ выпустить изъ тюрьмы арестованныхъ матросами морскихъ офицеровъ. Подробности этого дѣла у меня изгладились изъ памяти. Вѣроятно, кто либо изъ близко стоявшихъ къ этому событію его опишетъ. Помню, однако, слѣдующее. Кронштадтскій Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, хотя и стоялъ въ оппозиціи Временному Правительству, однако, сравнительно былъ мирно настроенъ, то-есть онъ признавалъ Временное Правительство, какъ высшую власть въ Россіи, и готовъ былъ подчиниться ему. Но «краса и гордость революціонной Россіи» — матросы, будущіе большевики, были далеки отъ этого настроенія, и съ своей «красой» собственный ихъ Совѣтъ, повидимому, справиться никакъ не могъ. Переверзевъ долженъ былъ поѣхать въ Кронштадтъ и уговорить матросовъ перестать дѣлать оппозицію власти, то-есть по-просту бунтовать. Переверзеву пришлось, повидимому, испытать много неприятностей въ Кронштадтѣ. Достаточно упомянуть, что во время его рѣчи въ собраніи матросовъ многіе матросы, а можетъ быть и солдаты, демонстративно передъ его носомъ щелкали ружейными затворами. Переверзевъ велъ себя храбро. Но сдѣлалъ какой-то промахъ, что-то обѣщавъ, чего-то по своему обѣщанію не исполнилъ, словомъ, сдѣлалъ какую-то тактическую ошибку, вслѣдствіи которой ему пришлось покинуть Кронштадтъ и даже, насколько я помню, при условіи, что правительство его снова въ Кронштадтъ не пошлетъ.

Теперь, оглядываясь назадъ, надо признать, что Временное Правительство сдѣлало крупнѣйшую ошибку въ своихъ сношеніяхъ съ Кронштадтомъ. Политическое положеніе тогда не было понято, не уразумѣлъ его и делегатъ Правительства Переверзевъ. Ошибки не было въ томъ, что послали «убѣждать». Какъ я раньше говорилъ, «слово» тогда имѣло громадный вѣсъ; и значеніе «слова» нужно было испытать и въ Кронштадтскомъ дѣлѣ. Но разъ «слово» не дало результата, необходимо было употребить средства до военныхъ дѣйствій включительно для наведенія порядка въ Кронштадтѣ, что было равносильно наведенію порядка въ самой Россіи. Въ то время войско еще стояло на сторонѣ Временнаго Правительства, и приказъ идти на взбунтовавшійся Кронштадтъ могъ бы имѣть успѣхъ. Такъ надо полагать, ибо антиправительственное движеніе въ войскахъ все же начиналось.

Новому Правительству волей-неволей приходилось заняться судьбой экс-правителей Россіи въ лицѣ ея бывшихъ министровъ и другихъ отвѣтственныхъ лицъ. Была создана особая чрезвычайно-слѣдственная коммиссія для выясненія вредной и преступной дѣятельности этихъ лицъ съ тѣмъ, чтобы по выясненіи этой дѣятельности либо привлечь экс-министровъ къ уголовной отвѣтственности, либо реабилитировать ихъ передъ новымъ строемъ и отпустить съ миромъ. Предсѣдателемъ этой коммиссіи былъ назначенъ московскій присяжный повѣренный Н. Конст. Муравьевъ. Муравьевъ самъ редактировалъ указъ о своемъ назначеніи, въ которомъ опредѣлялись права его какъ товарища министра. Упоминаю объ этомъ потому, что Муравьевъ очень заботился о своемъ служебномъ положеніи. Независимости его, какъ предсѣдателя названной коммиссіи, ничего вообще не угрожало, почему стремленіе его получить должность съ правами товарища министра было лишь данью его самолюбію или честолюбію. Муравьевъ очень энергично повелъ свое дѣло. Мнѣ, какъ директору 2-го Департамента, приходилось очень считаться съ его дѣятельностью. Муравьевъ — популярный уголовный защитникъ по политическимъ дѣламъ, зналъ почти всю Россію и хорошо

познакомился съ дѣятельностью судебныхъ чиновъ. Въ свою комиссію онъ постарался собрать весь цвѣтъ судебной администраціи, хотя были, конечно, и ошибочки съ его стороны. Миѣ постоянно приходилось вызывать въ Петербургъ провинціальныхъ дѣятелей для пополненія чрезвычайной слѣдственной комиссіи и дѣлать въ виду этого множество перемѣщеній. Въ своихъ требованіяхъ Муравьевъ былъ очень пастойчивъ, хотя противодѣйствія ему я никогда не чинилъ. Но всякая медленность въ исполненіи его требованій раздражала Муравьева, и онъ немедленно приходилъ ко миѣ за справкой, въ чемъ заключаются затрудненія для вызова необходимаго ему лица. Въ числѣ ошибочныхъ назначеній я считаю приглашеніе въ комиссію судебного слѣдователя по особо важнымъ дѣламъ Середу, того самого Середу, который велъ слѣдствіе по адвокатскому Бейлисовскому процессу. Середѣ велъ это дѣло самымъ предосудительнымъ для судебного дѣятеля способомъ. Кромѣ того, какъ я слышалъ, въ его судебномъ прошломъ, былъ поступокъ крайне позорный, когда онъ, явившись подъ видомъ якобы защитника, допросилъ нужнаго ему по политическому дѣлу подслѣдственнаго, находившагося подъ арестомъ. Но въ Щегловитовскомъ періодѣ управленія Министерствомъ Юстиціи подобный поступокъ не былъ въ диковишку. Я помню, въ одномъ изъ обвинительныхъ актовъ по Варшавскому Округу была сдѣлана прямая ссылка на то, что обвиняемый изобличенъ признаніемъ, сдѣланнымъ имъ фальшивому защитнику въ то время, когда въ сосѣдней тюремной камерѣ сидѣли посаженные туда специально для подслушанія ничѣмъ не стѣснявшіеся агенты охранки. Достоинно замѣчанія, что и судебные дѣятели не постыдились сообщить объ этомъ фактѣ въ обвинительномъ актѣ. Миѣ удалось отвратить назначеніе Середы въ слѣдственную Муравьевскую комиссію. Удалить же Середу изъ судебныхъ слѣдователей, какъ несмѣяемаго судью, было нельзя. Входить же съ Середой по этому поводу въ какіе либо переговоры миѣ не хотѣлось.

Комиссія Муравьева была очень многочисленна по своему составу. Я не имѣлъ рѣшительно никакого касательства къ чрезвычайной слѣдственной комиссіи и мало ею интересовался. Муравьевъ часто ѣздилъ къ Керенскому и докладывалъ о томъ, чего эта комиссія достигла. Керенскій не былъ доволенъ успѣхами этой комиссіи; повидимому, онъ не совсѣмъ былъ доволенъ и дѣятельностью Муравьева. Но врядъ ли можно было кого либо винить въ томъ, что комиссія по существу не достигла цѣли, ради которой была создана. Она и не могла достигъ ея, ибо цѣль эта была недостижима. Я полагаю, что и Керенскій, и Муравьевъ должны были это понять съ момента ея образованія. Совершеніе какихъ преступленій можно было приписать бывшимъ министрамъ?! Еслибы послѣднихъ можно было привлечь къ уголовной отвѣтственности за преступленія, подобныя совершеннымъ военнымъ министромъ Сухомлиновымъ, то конечно чрезвычайная слѣдственная комиссія была бы у мѣста, но что могли совершить бывшіе министры — максимумъ — правосудіе, если дѣло касалось Щегловитова, неправильное лишеніе кого либо свободы, совершенное Министеромъ Внутреннихъ Дѣлъ, казнокрадство, мздоимство и проч., каковыя преступленія не представляютъ изъ себя чего либо ужасающаго, то-есть влекущаго чрезмѣрное наказаніе. Между тѣмъ, общество считало старыхъ дѣятелей власти, и совершенно справедливо, злодѣями по отношенію къ русскому народу. Но злодѣи не есть еще преступники, и не всякое злодѣяніе предусмотрено уголовными законами, въ особенности злодѣянія, совершаемыя высшими міра сего. Нужно было взять быка за рога и всенародно объявить — старая власть преступна, но на нее нѣтъ по закону достаточнаго наказанія; а по сему, вмѣсто

наказанія по закону, враги народа будутъ изгнаны изъ Россіи. Преслѣдованіемъ старыхъ вельможъ въ уголовномъ порядкѣ новая власть ничего не достигла, а сѣла межъ двухъ стульевъ. Вотъ почему нельзя винить ни Муравьева, ни комиссію въ томъ, что комиссія-гора родила мышь. Между тѣмъ общество безусловно было заинтересовано въ томъ, какое же рѣшеніе вынесетъ чрезвычайно-слѣдственная комиссія по дѣлу бывшихъ министровъ. Заинтересованъ былъ въ этомъ и Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Съ докладомъ по дѣламъ, производящимся въ комиссіи, насколько мнѣ известно, безъ вѣдома Министра Юстиціи (кто тогда былъ министромъ, я не помню, но помню, что меня это возмущало), Муравьевъ, боявшійся потерять свою популярность, являлся въ Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Какъ и что онъ доложилъ Совѣту, мнѣ неизвѣстно, но фактъ этотъ былъ оповѣщенъ въ свое время въ газетахъ.

У революціонеровъ, въ томъ числѣ и у Керенскаго, существовалъ, искренній или неискренній, я не знаю, но совершенно неосновательный страхъ передъ контръ-революціей. Даже во время государственнаго совѣщанія въ Москвѣ въ одной изъ своихъ рѣчей Керенскій упомянулъ объ обнаруженномъ контръ-революціонномъ заговорѣ. Дѣло заключалось въ слѣдующемъ: до правительства дошли слухи, что производился какой-то денежный сборъ на освобожденіе Николая II, что существовала какая-то переписка по этому поводу, что ѣздила куда-то какая-то дама, которую посвятили въ эту тайну и которая, испугавшись отвѣтственности, эту тайну кому-то разгласила. Въ этомъ, помнится мнѣ, и заключалось все дѣло. Керенскій поручилъ разслѣдованіе этого дѣла Московскому прокурору Судебной Палаты А. Ф. Стало. Сдѣлалъ онъ это распоряженіе помимо Министра Юстиціи Заруднаго, который въ то время находился въ Петербургѣ. Помню, что Зарудный такимъ распоряженіемъ Керенскаго остался крайне недоволенъ, а попутно и Сталемъ, не извѣстившемъ его о данномъ ему порученіи. Выяснилось, что контръ-революціонный сборъ дѣйствительно производился, но что дѣло было чисто мошенническое, основанное на эксплуатаціи патріотическихъ чувствъ приверженцевъ стараго режима. Гора родила мышь и настолько маленькую, что прокуроръ Сталь былъ нѣсколько сконфуженъ результатами разслѣдованія; ему казалось, что онъ допустилъ ошибку, принявъ съ самаго начала шутовское дѣло за серьезное. Я его утѣшилъ, сказавъ ему, что даже въ такомъ видѣ дѣло требовало разслѣдованія. Меня это дѣло заинтересовало, не потому, конечно, что оно было связано хотя бы и внѣшне съ идеей контръ-революціи, а потому, что мнѣ казалось, что за такое дѣло могли взяться только мошенники довольно высокой пробы. Изъ дѣла было видно, что заправилы его находились гдѣ-то близъ Москвы (одинъ изъ нихъ и былъ обнаруженъ), но что въ дѣлѣ замѣшаны были еще какіе-то почтенные чины, имѣвшіе мѣстопребываніе на Минеральныхъ водахъ. Мнѣ очень хотѣлось всѣхъ лицъ, замѣшанныхъ въ вымогательствѣ, обнаружить. Я стоялъ за то, чтобы дѣло продолжать и послать на югъ Россіи опытнаго слѣдователя для разслѣдованія всей сути дѣла. Объ этомъ поговорили, но изъ этого ничего не вышло — обрадовались, что контръ-революціонный заговоръ оказался пуфомъ. Обрадовалась, вѣроятно, такому финалу и маленькая шайка заговорщиковъ на карманы нанвныхъ приверженцевъ стараго режима.

Какъ примѣръ подозрительнаго отношенія со стороны А. Ф. Керенскаго ко всему тому, что можетъ носить характеръ контръ-революціи, можно привести

еще слѣдующій фактъ. Генераль Калединъ не пользовался довѣріемъ массъ въ силу того, что онъ былъ видной военной фигурой стараго режима. Я лично не былъ знакомъ съ генераломъ Калединымъ, но я былъ всегда увѣренъ въ томъ, что онъ служить новому правительству честно, такъ какъ онъ открыто призналъ его власть; а въ своей рѣчи, произнесенной въ Московскомъ Государственномъ Совѣщаніи, онъ высказалъ свое политическое сгедо, которое совпадало съ тѣмъ, къ чему стремилась новая власть. Онъ связалъ себя словомъ, и въ его устахъ это не было пустымъ звукомъ. Но такъ называемый пролетаріатъ въ лицѣ его представителей не вѣрилъ Каледину, можетъ быть, просто не хотѣлъ ему вѣрить, что Каледина повидимому обижало. Распространились въ Петербургѣ слухи о его контръ-революціонной дѣятельности на югѣ Россіи среди Донскаго казачества, слухи ни на какихъ опредѣленныхъ данныхъ не основанные. Однако, они возбудили подозрѣніе со стороны Керенскаго. Но до разслѣдованія дѣятельности генерала Каледина на мѣстѣ дѣло все же не дошло. Прокуроръ Новочеркасской Судебной Палаты Ермоленко, нами же назначенный, телеграфировалъ Керенскому и мнѣ, что слухи о контръ-революціонной дѣятельности генерала Каледина носятъ характеръ провокаціонный, что благонадежность послѣдняго внѣ сомнѣній. Это повидимому остановило Керенскаго отъ удаленія генерала Каледина отъ занимаемыхъ ими должностей. Дѣло не было начато, хотя было близко къ этому.

Подошло время, когда князю Львову пришлось изъ Временнаго Правительства уйти, а его мѣсто занять наиболѣе популярному человѣку въ Россіи — Керенскому. Послѣдній въ то время уже занималъ постъ военнаго и морскаго министра. Керенскій сталъ искать замѣстителя себя въ Министерствѣ Юстиціи и остановился на П. Н. Переверзевѣ, занимавшемъ въ то время должность прокурора Петербургской Судебной Палаты. Повидимому, этотъ выборъ былъ самому Керенскому по вкусу. По крайней мѣрѣ обращеніе его ко мнѣ — хорошаго ли министра онъ нашель, выражало ожиданіе одобренія его выбору. Я промолчалъ, ибо ничего сказать не могъ. Переверзевъ — давнишній и одинъ изъ наиболѣе близкихъ мнѣ пріятелей. Противъ него говорить я не могъ. Но я зналъ его за самага неположительнаго человѣка, человѣка, который подъ вліяніемъ минуты могъ наговорить такого, что потомъ нельзя было найти выхода изъ его словъ, развѣ только, «мало ли что можно сказать», «не всякое лыко въ строку» и проч. Я удивляюсь и теперь, какъ Керенскій могъ не знать Переверзева съ этой стороны и какъ онъ не учелъ этого обстоятельства, встрѣчаясь съ Переверзевымъ не рѣже меня.

Переверзевъ сталъ министромъ. Въ то время уже поговаривали о необходимости назначенія двухъ новыхъ товарищей министра. Я не сомнѣвался, что однимъ изъ нихъ буду назначенъ я. Такъ оно и вышло. Вторымъ товарищемъ министра пригласили популярнаго въ Харьковѣ присяжнаго новѣреннаго Б. Г. Вальца. Въ качествѣ товарища министра я продолжалъ завѣдывать моими отдѣлами, которые находились и раньше въ моемъ вѣдѣніи. На мое же мѣсто директора 2-го Департамента былъ приглашенъ по выбору Переверзева общій же нашъ пріятель присяжный новѣренный М. В. Беренштамъ. Керенскій не сочувствовалъ этому назначенію. По многимъ основаніямъ я тоже не желалъ этого назначенія, хотя не имѣлъ основанія возражать противъ него. Я объясню, почему. Оговариваюсь, однако, что мнѣ крайне непріятно писать о Переверзевѣ

и Беренштамъ, ибо мнѣ придется говорить о пріятеляхъ то, что мнѣ не нравилось въ нихъ. Но я уже рѣшился, не скрывая, писать правду, поскольку эта правда будетъ касаться общественныхъ вопросовъ.

Беренштамъ — до крайности самолюбивый человѣкъ, нѣсколько избалованный вниманіемъ къ нему нѣкоторыхъ товарищей, по натурѣ нѣсколько грубоватый и чрезвычайно дорожающій своимъ независимымъ положеніемъ. Всѣ эти качества на мой взглядъ должны были мѣшать ему въ оперированіи надъ личностями служебнаго персонала. Беренштамъ при вступленіи въ должность прямо заявилъ мнѣ, что онъ желалъ бы быть вполне самостоятельнымъ въ назначеніи служащихъ. До известной степени это не было опаснымъ, такъ какъ всѣ главныя назначенія уже до него состоялись. Но такое требованіе все же было неумѣстно. Онъ заявилъ мнѣ о немъ, какъ товарищу министра, завѣдующему отдѣломъ назначеній. Не знаю — говорилъ ли онъ на эту тему съ министромъ Переверзевымъ. Я этого не думаю. Въ такомъ случаѣ претензія его являлась странной, ибо всѣ рѣшительно назначенія идутъ за подписью министра, и всѣ министры очень дорожатъ этимъ своимъ правомъ. И я не думаю, чтобы Переверзевъ могъ отказаться, хотя бы на словахъ, въ пользу Беренштама отъ этого своего права, тѣмъ болѣе, что онъ любилъ давать обѣщанія устраивать на мѣста. Я тоже не отказался отъ права имѣть за собою окончательное рѣшеніе вопроса въ назначеніи лицъ на службу, поскольку этотъ вопросъ находился въ стадіи рѣшенія его въ канцеляріи. Беренштамъ жаловался потомъ мнѣ же, что я мѣшалъ ему самостоятельно работать. Жалоба эта была, однако, несправедлива. Всѣ вопросы и назначенія я рѣшалъ съ Беренштамомъ на чисто товарищескихъ началахъ; обо всемъ у насъ шли съ нимъ предварительныя бесѣды, и я ни разу не указывалъ Беренштаму о непремѣнномъ желаніи моемъ назначить то или иное лицо на опредѣленное мѣсто.

У Беренштама не было мягкости въ обращеніи съ просителями, что, можетъ быть, онъ ставитъ себя въ заслугу; я встрѣчалъ въ послѣдствіи лицъ, которые говорили мнѣ, что на своихъ пріемахъ онъ былъ въ достаточной мѣрѣ генераломъ, то-есть мало церемонился съ просителями. Но онъ былъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ и безцѣльно жестокъ. Въ своей практикѣ я помню такой случай: пришелъ ко мнѣ кандидатъ на судебную должность, бывший правовѣдъ, фамиліи котораго теперь не помню, и рассказалъ мнѣ слѣдующее: онъ служилъ въ какомъ-то судѣ кандидатомъ на судебную должность, когда одинъ знакомый его матери, одинъ изъ болѣе или менѣе видныхъ чиновниковъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ предложилъ ей опредѣлить ея сына на службу въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, гдѣ онъ легко, по его словамъ, могъ бы составить себѣ карьеру. Мать, конечно, съ радостью на это согласилась. Оказалось, однако, что знакомый опредѣлилъ его на службу въ Департаментъ полиціи. Революція застала его въ то время, когда опредѣленіе на новую должность не было еще оформлено. Правовѣдъ просилъ не увольнять его съ судебного мѣста и увѣрялъ, что лично онъ никогда не имѣлъ въ виду и не желалъ служить въ Департаментѣ полиціи. — Мнѣ было все равно, говорилъ ли онъ правду или втиралъ мнѣ очки. Я просто не хотѣлъ придавать этому, ничтожному на мой взглядъ, случаю особаго значенія и портить дальнѣйшую службу начавшаго только служить молодого человѣка. Я ему, однако, объяснилъ, что служебное его положеніе во всякомъ случаѣ шатко, такъ какъ новое время не гладитъ по головкѣ лицъ, служившихъ или желавшихъ служить въ такой клоакѣ, какъ Департаментъ полиціи; что, если узнаютъ, что онъ былъ кан-

дитатомъ на службу въ Департаментъ полиціи, то многіе могутъ заявить претензію на назначеніе его на службу въ судѣ, гдѣ вакансій свободныхъ вообще довольно мало. Я сказалъ ему, что переведу его на службу куда-нибудь въ глухую провинцію, гдѣ о немъ ничего не знаютъ. Я такъ и сдѣлалъ. Правовѣдикъ остался этимъ рѣшеніемъ очень доволенъ. Приблизительно такой же случай былъ и при директорствѣ Беренштама. Одинъ изъ служащихъ южнаго района весьма долго состоялъ въ своей должности безъ движенія. Его начальство за него хлопотало, но почему-то это ни къ чему не приводило. Онъ усталъ ждать и рѣшилъ, что если ужъ дѣлать карьеру, то не слѣдуетъ останавливаться передъ поступленіемъ на службу въ департаментъ полиціи. По всѣмъ видимостямъ это былъ шагъ съ его стороны только легкомысленный. Новое время застало его, когда онъ только что подалъ прошеніе въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ. И этого было достаточно, чтобы потерять старое мѣсто и не получить новаго. Онъ слезно просилъ оставить его на службѣ Министерства Юстиціи, объяснялъ, что ему безъ службы жить печѣмъ, что пусть опредѣлятъ его, хотя бы, на мѣсто кандидата на судебную должность, но не лишаютъ работы изъ-за куска хлѣба. Но Беренштамъ уперся. Убѣдить его измѣнить свое отношеніе къ судьбѣ этого несчастнаго товарища прокурора я не могъ и не имѣлъ основанія требовать его оставленія на службѣ. Формально Беренштамъ былъ правъ, и я долженъ былъ уступить. Если-бы я настаивалъ на своемъ — Беренштамъ вправѣ былъ бы говорить, что я безъ нужды лишаю его голоса. Но эта жестокость была мнѣ очень и очень не по вкусу.

Беренштамъ недолго прослужилъ въ Министерствѣ Юстиціи; его назначили вскорѣ товарищемъ Министра Продовольствія, то-есть товарищемъ А. В. Пѣшехова, съ которымъ онъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ. Однако, онъ ушелъ съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ. Онъ надѣялся получить мѣсто 5-го товарища Министра Юстиціи, каковое мѣсто ему обѣщаль Переверзевъ. (Товарищами министра при Переверзевѣ были: бывшіе — Зарудный и Скарятинъ и два новыхъ — я и харьковскій прис. пов., съ которымъ я очень подружился, — милѣйшій Вальць.)

Само собою разумѣется, что мѣсто пятого товарища министра предложилъ Беренштаму Переверзевъ, ни съ кѣмъ объ этомъ не посоветовавшись. Когда же зашла объ этомъ рѣчь съ товарищами министра, то было рѣшено, что въ назначеніи пятого товарища министра не встрѣчается рѣшительно никакой надобности. Для меня кромѣ того ясно было, что свое предложеніе Беренштаму Переверзевъ сдѣлалъ совершенно зря, ибо любилъ обѣщать мѣста, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда ясно было, что обѣщаніе это явно неисполнимо. Меня нисколько, напимѣръ, не удивило, когда я здѣсь на Кавказѣ узналъ изъ открытаго письма московскаго прис. пов. Ш., обвинявшагося въ рядѣ неблаговидныхъ поступковъ по управленію продовольственной частью при Грузинскомъ правительствѣ, что въ бытность его въ Россіи Переверзевъ обѣщаль и ему мѣсто товарища министра. Объ этомъ обѣщаніи Переверзева рѣшительно никто изъ насъ ничего не зналъ. Беренштамъ, конечно, не былъ въ положеніи Ш. Но все же ему слѣдовало о своемъ назначеніи поговорить не только съ Переверзевымъ. Ему должно было быть извѣстнымъ, что безъ общаго обсужденія вопросъ о назначеніи пятого товарища министра вообще пройти не могъ. Внослѣдствіи, какъ я слышалъ, Беренштамъ обвинялъ именно меня, что я воспрепятствовалъ его назначенію. Закулисно, т. е. безъ вѣдома товарищей министра, между Беренштамомъ и Переверзевымъ былъ рѣшенъ вопросъ даже о томъ, кто сядетъ на мѣсто

Беренштама, когда онъ получить новое назначеніе. Предполагалось назначить директоромъ 2-го Департамента бывш. прис. пов. В. Н. Новикова, ближайшаго друга Беренштама, абсолютно неподходящаго для занятія должности директора 2-го Департамента, человѣка нервнаго, несправедливаго, который всегда передъ кѣмъ нибудь либо преклонялся, либо къ кому либо относился недружелюбно. Беренштаму Новиковъ всегда кадилъ. Въ скобкахъ долженъ сказать, что Новиковъ самъ по себѣ честнѣйшій человѣкъ и ближайшими пріятелями весьма любимъ. Обиженный Беренштамъ ушелъ, и по нашему рѣшенію на его мѣсто былъ приглашенъ отбывавшій воинскую повинность — кадетъ, прис. пов. округа Саратовской Судебной Палаты Б. Б. Араповъ, добросовѣтнѣйшій въ мірѣ человѣкъ, который всѣмъ пришелся ко двору.

Со вступленіемъ Переверзева въ должность Министра Юстиціи начались мои мученія, иначе я не могу назвать тогдашнее длительное свое настроеніе духа.

Какъ я уже раньше сказалъ, Переверзевъ назначилъ меня своимъ товарищемъ. Переверзевъ былъ однимъ изъ моихъ ближайшихъ товарищей, съ которымъ мы были настолько близки, что церемоній между нами не было никакихъ. Такимъ образомъ, все предсказывало, что работа у насъ пойдетъ при взаимномъ другъ къ другу довѣрїи совершенно гладко. Однако, съ первыхъ же шаговъ я увидѣлъ, что Переверзевъ не обо всемъ со мной говоритъ, т. е., что есть области, въ которыя онъ избѣгалъ меня пускать, и не потому, что онъ дорожилъ бы полной своей самостоятельностью въ рѣшеніи нѣкоторыхъ вопросовъ (что я вполне бы одобрялъ, если бы это было такъ, и на что я бы и не претендовалъ), а потому, что, казалось, боялся встрѣтить съ моей стороны неодобреніе его дѣйствій.

Переверзевъ состоялъ членомъ Совѣта прис. пов. и, естественно, онъ долженъ былъ нанести свой визитъ Совѣту, когда былъ назначенъ Министромъ Юстиціи, что онъ и сдѣлалъ, посѣтивъ предсѣдателя совѣта прис. повѣр. Н. П. Карабчевскаго на его частной квартирѣ, куда были приглашены по этому случаю всѣ члены Совѣта. Въ качествѣ бывш. члена Совѣта былъ у Карабчевскаго и я. Переверзевъ произнесъ рѣчь, которую я слушалъ съ большимъ удивленіемъ, или скорѣе, недоумѣніемъ. Въ основу рѣчи Переверзева было положено слѣдующее приблизительно положеніе: властямъ часто приходится дѣлать беззаконія; онъ самъ это испыталъ, будучи прокуроромъ Палаты; также вѣроятно ему придется поступать и въ качествѣ министра; онъ знаетъ, что послѣ такой его дѣятельности Совѣтъ прис. пов. врядъ ли согласится принять его обратно въ сословіе. Какая то особенная муха укусила тогда Переверзева. Я иначе не могъ объяснить его рѣчь, какъ желаніемъ съ его стороны быть оригинальнымъ, сказать что-то свое и новое. Дѣйствительно сказалъ! Я не желаю дѣлать никакихъ комментарій на эту курьезную рѣчь. На мой взглядъ, достаточно привести ея содержаніе, чтобы отнестись съ подозрительностью къ представителю власти, на которомъ особенно лежитъ обязанность слѣдить, чтобы законы не нарушались.

Адвокаты приняли рѣчь Переверзева вѣроятно такъ, какъ принимаютъ всякую застольную рѣчь. Въ содержаніе ея никто не вникалъ. По крайней мѣрѣ я ни отъ кого не слышалъ критики ея.

Еще до назначенія Переверзева министромъ ходили слухи (я ихъ не провѣрялъ, ибо это было въ сторонѣ отъ вопросовъ, меня касавшихся), что при прокурорѣ Пестербургской Судебной Палаты, т. е. при Переверзевѣ существуетъ

какой-то товарищ прокурора Судебной Палаты, на обязанности коего лежить подысканіе квартиръ для какихъ то политическихъ организацій. Такъ ли оно было или нѣтъ, я не зналъ хорошенько. Говорилось это съ извѣстной ироніей. Никакихъ законовъ о реквизиціи квартиръ тогда вообще не существовало, слѣдовательно, если оно такъ и было, то дѣло это было со стороны прокурора частное и, вѣроятно, въ основу его была положена извѣстная любовь. Во всякомъ случаѣ произошло слѣдующее: тотчасъ по назначеніи Переверзева министромъ къ нему явилась на пріемъ какая-то группа «товарищей» и просила его подыскать квартиры для собравшихся пріѣзжихъ крестьянскихъ депутатовъ, а также для какой то политической организаціи (я не допущу особенной ошибки, если сдѣлаю предположеніе, что организація эта была близкой къ большевикамъ).

Объ этой просьбѣ «товарищей» я узналъ совершенно случайно, войдя въ пріемную министра, когда онъ принималъ этихъ посѣтителей. Само собой разумѣется, я не вмѣшался въ ихъ бесѣду. Помню, что когда просители уходили, то одинъ изъ нихъ театрално поднялъ руку къ потолку и, потрясая ею, театральнымъ же голосомъ говорилъ Переверзеву: «Павель Николаевичъ, позаботьтесь же объ этой организаціи, они никакъ не могутъ найти себѣ помѣщенія». Я слушалъ это съ негодовапіемъ, и когда просители ушли, я сказалъ Переверзеву, что позаботиться о помѣщеніи крестьянскихъ депутатовъ еще кое какъ допустимо, такъ какъ это все же похоже на какое то общественное дѣло, но заботиться министерству о частныхъ политическихъ организаціяхъ и подыскивать имъ квартиры — не дѣло властей. Надо гнать такихъ просителей къ черту. Вотъ это мое вмѣшательство, повидимому, не особенно пришлось по вкусу Переверзеву. Я это почувствовалъ. Онъ сказалъ мнѣ, что надо же имъ помочь, что нельзя и опасно со всѣми ссориться и проч. Я же былъ очень недоволенъ всѣмъ этимъ. Я неоднократно послѣ этого случая слышалъ разговоры о томъ, что Переверзевъ ищетъ кому то какія то квартиры. Вѣрно это было или нѣтъ — не сумѣю сказать.

На первыхъ порахъ своей дѣятельности Переверзеву пришлось натолкнуться на очень острый вопросъ объ обыскахъ, арестахъ и высылкахъ лицъ въ административномъ порядкѣ. Не помню, почему этотъ вопросъ возникъ именно въ Министерствѣ Юстиціи и почему завѣдываніе этимъ чисто административнаго характера дѣломъ было возложено на Министерство Юстиціи. Кажется, это было послѣдіе послѣ Керенскаго, который хотѣлъ взять это дѣло въ свои руки. Переверзевъ очень горячо занялся возложенной на него задачей составить проектъ новаго закона, но дѣло было дырявое. Было нѣсколько обсужденій этого вопроса между министромъ и его товарищами, но безъ особаго толка. Переверзевъ говорилъ, что надо быть вооруженнымъ до зубовъ для успешной защиты проекта новаго закона въ Совѣтѣ Министровъ. Но трудно было сосредоточить въ Министерствѣ Юстиціи право административныхъ взысканій или что почти то же — право совершать произволъ. Конечно, административныя взысканія есть дѣло исключительно Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, какъ высшаго органа административной власти. Проектъ Министерства Юстиціи нѣсколько разъ докладывался въ Совѣтѣ Министровъ и каждый разъ неудачно; въ концѣ концовъ онъ такъ и не былъ принятъ (что было совершенно правильно), и дѣло обысковъ, арестовъ и высылки въ административномъ порядкѣ было передано Министру Внутреннихъ Дѣлъ и Военному для совмѣстнаго ихъ разрѣшенія. Переверзеву надо было въ свое время объяснить въ Совѣтѣ что проектъ новаго закона имъ

составленъ въ томъ направленіи, въ какомъ ему было поручено составить, что по существу онъ ничего не имѣетъ противъ передачи дѣлъ объ арестахъ, высылкѣ и обыскахъ въ вѣдѣніе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Между тѣмъ, Переверзевъ, повидимому, горой стоялъ за свой проектъ, защищая его цѣлесообразностью, чѣмъ подорвалъ къ себѣ довѣріе Совѣта. Онъ самъ, въ весьма скоромъ времени послѣ назначенія министромъ, жаловался, что не имѣетъ успѣха въ Совѣтѣ и что все проекты новыхъ законовъ Министерства Юстиціи откладываются разсмотрѣніемъ, почитаясь повидимому не имѣющими серьезнаго значенія. Словомъ, престижемъ въ Совѣтѣ Переверзевъ не пользовался почти никакимъ.

Какъ то такъ случилось, что Переверзеву, еще когда онъ былъ прокуроромъ Палаты, по его ли инициативѣ или по инициативѣ Керенскаго было поручено завѣдываніе дѣломъ контръ-развѣдки. Когда онъ сдѣлался министромъ, онъ оставилъ это дѣло у себя. Для этого дѣла нужны были средства. Деньги ему отпустилъ Совѣтъ Министровъ. Какъ оказалось, отпустили какъ бы на вѣру, ибо не было сдѣлано никакого постановленія объ учрежденіи контръ-развѣдки и о томъ, въ вѣдѣніи кого она должна находиться и на какихъ основаніяхъ дѣйствовать. Завѣдующимъ контръ-развѣдкой состоялъ какой-то вернувшійся изъ Франціи эсъ-эръ Мироновъ, который каждое утро являлся къ Переверзеву и о чемъ-то съ нимъ довольно долго бесѣдовалъ. — Этимъ бесѣдамъ Переверзевъ, повидимому, придавалъ серьезное значеніе.

Заруднаго учрежденіе этой контръ-развѣдки именно при Министерствѣ Юстиціи глубоко возмущало; какъ человѣкъ горячій, онъ говорилъ о ней чуть ли не съ иѣной у рта и увѣрялъ, что изъ за нея онъ выйдетъ въ отставку.

Впослѣдствіи мнѣ пришлось имѣть по поводу этой развѣдки столкновеніе съ Мироновымъ, но при Переверзевѣ я въ это дѣло не вмѣшивался, ибо оно было, если можно такъ выразиться, не моего стола. За всеѣмъ угоняться было невозможно.

Переверзеву пришлось послѣ его назначенія въ качествѣ министра явиться въ засѣданіе комиссіи по пересмотру судебныхъ уставовъ. Онъ обратился къ сенаторамъ и профессорамъ съ привѣтственной рѣчью, и эта рѣчь его мнѣ не понравилась. Тонъ ея была таковъ: «Вы мнѣ нужны для того-то и того-то; я прошу васъ сдѣлать то-то и то-то». Мнѣ казалось — комиссія нужна не для министра Переверзева, а нужна для дѣла, общаго всеѣмъ, дѣла, въ которомъ Переверзевъ работаетъ только по положенію какъ глава; онъ только первый изъ равныхъ. Переверзевъ въ своей рѣчи находилъ нужнымъ подчеркнуть свое положеніе главы, чтобы показать, какой дескать онъ, Переверзевъ, настоящій, энергичный министр. Словомъ, тонъ рѣчи былъ напускной и для дѣла ненужный.

Еще до засѣданія комиссіи, въ которой председательствовалъ Переверзевъ, мнѣ пришлось поднять вопросъ въ Министерствѣ о несмѣняемости судей, о чемъ я выше говорилъ. Моя точка зрѣнія была такова: законъ о несмѣняемости судей есть законъ необходимѣйшій, ибо ставитъ судью въ независимое отъ администраціи положеніе. Но все же это ни болѣе ни менѣе, какъ гарантія противъ произвола администраціи. Если бы администрація была идеальна и не стремилась бы къ подчиненію себѣ совѣсти судей, то не было бы никакой необходимости въ законѣ о несмѣняемости судей. Принципъ несмѣняемости не есть принципъ

самодовлѣющей; онъ есть все же зло, но гарантирующее противъ большаго зла; нельзя представить себѣ ничего худшаго, какъ несправедливаго судью, котораго никто не можетъ смѣстить. Дореволюціонное время посадило въ Россіи множество худыхъ судей, намъ нужно избавиться отъ нихъ. Слѣдуетъ издать законъ, отмѣняющій несмѣняемость судей на очень краткій срокъ, въ каковой и избавиться отъ этихъ дурныхъ судейскихъ элементовъ. Правильность моей точки зрѣнія признавали весьма многія лица. Переверзевъ стоялъ на моей сторонѣ. Но когда вопросъ былъ переданъ на предварительное разсмотрѣніе судебной комиссіи, что было явнымъ проваломъ идеи временнаго уничтоженія несмѣняемости, то было ясно, что этотъ вопросъ въ комиссіи провалится, ибо такіе вопросы, если хотять ихъ разрѣшить въ положительномъ смыслѣ, нельзя ставить на обсужденіе цѣлыхъ коллегій; нельзя заставлять цѣлую комиссію отвергнуть принципъ, уважать который является чуть ли не аксіомой.

Очень многія лица внѣ комиссіи стояли за временную отмѣну несмѣняемости судей. Но храбро выступилъ за это въ самой комиссіи только будущій Министръ Юстиціи прис. пов. Малянтовичъ. Большинство же изъ тѣхъ, которые въ бесѣдахъ со мной стояли на моей точкѣ зрѣнія, въ пленарномъ засѣданіи комиссіи, не только отказались отъ своей прежней точки зрѣнія, но даже о ней не заявили. Главными защитниками принципа несмѣняемости судей стали первоприсутствующіе Гражд. Кассац. Департамента Ганскау и оберъ-прокуроръ уголовнаго Кассац. Департамента Носовичъ. Сенаторъ Ганскау говорилъ даже объ этомъ вопросѣ съ волненіемъ.

Словомъ, я провалился. А помогъ этому провалу и Переверзевъ, который въ комиссіи сталъ на сторону защитниковъ несмѣняемости. Онъ объяснилъ впослѣдствіи это тѣмъ, что вопросъ о временной отмѣнѣ несмѣняемости судей явно клонился къ провалу. Но мнѣ не нравилась его непослѣдовательность.

Въ острую оппозицію къ Переверзеву, завершившуюся, однако, благополучно, мнѣ пришлось встать по дѣлу о назначеніи прокурора Тифлисской Судебной Палаты Кисилевскаго на новую должность. Я выше упомянулъ, что тифлисскіе адвокаты дали свой отрицательный отзывъ о Кисилевскомъ, но потомъ взяли его обратно. Это, конечно, не могло поправиться Кисилевскому, который не желалъ оставаться далѣе на службѣ въ Тифлисѣ. Нужно было его какъ-нибудь устроить на новомъ мѣстѣ, такъ какъ претензія его была справедлива. Я имѣлъ частныя свѣдѣнія о Кисилевскомъ, какъ о хорошемъ человѣкѣ; мнѣ особенно хотѣлось оказать ему услугу. Однако, въ то время нигдѣ не было для него подходящихъ свободныхъ вакансій. Но Переверзевъ такую вакансію нашелъ. Постъ старшаго предсѣдателя Петроградской Судебной Палаты былъ вакантнымъ. Было очень трудно найти настоящаго замѣстителя на этотъ постъ. О томъ, чтобы назначить на это мѣсто Кисилевскаго, никому въ голову не могло прийти, такъ какъ это было бы рѣдкостнымъ скачкомъ по службѣ. Мѣсто старшаго предсѣдателя Петербургской Судебной Палаты за послѣднее время занимали все сенаторы. Если бы къ этому времени сенаторъ Таганцевъ-сынъ самъ не заявилъ желанія получить вакантное мѣсто старшаго предсѣдателя Петербургской Судебной Палаты, то мы были бы въ большомъ затрудненіи, что намъ дѣлать. И вдругъ въ періодъ переговоровъ съ Таганцевымъ Кисилевскій, послѣ уже состоявшагося частнаго соглашенія съ Таганцевымъ, пришелъ ко мнѣ съ пріема у Переверзева и заявляетъ, что Переверзевъ сказалъ ему, что назначить его старшимъ предсѣдателемъ Петербургской Судебной Палаты. Я былъ франшированъ этимъ сообщеніемъ до послѣдней степени. Я сказалъ

Кисилевскому, что при всем моем желаніи оказать ему всякое содѣйствіе въ его служебномъ положеніи, я все же предупреждаю его, что постараюсь отклонить это назначеніе, и надѣюсь, что онъ не будетъ за это на меня въ претензіи. Кисилевскій отнесся къ моимъ словамъ безъ всякой предубѣжденности; онъ очень хорошо понималъ, что Переверзевъ перехватилъ черезъ край. Я отправился къ Переверзеву и просилъ его (ранѣе я ему то же говорилъ) безъ предупрежденія меня никого никуда не назначать, что его воля, какъ министра, будетъ исполнена, но онъ не долженъ сводить всякую работу канцеляріи на нѣтъ неожиданностью своихъ распоряженій. Я ему объяснилъ, что всякое назначеніе на должность въ буквальномъ смыслѣ приводитъ въ движеніе все вѣдомство, ибо съ назначеніемъ одного лица передвигается съ мѣста на мѣсто цѣлая плеяда другихъ служащихъ. Въ частности я сказалъ ему и о томъ, что Кисилевскаго по ходу его службы слишкомъ рано назначать старшимъ предсѣдателемъ Петроградской Судебной Палаты, что такимъ назначеніемъ будутъ недовольны въ судебномъ мѣрѣ. Переверзевъ по обыкновенію выслушалъ, что я ему сказалъ, не возражалъ мнѣ и молча предоставилъ мнѣ дѣйствовать по своему усмотрѣнію. Къ моему удовольствію открылась вакансія въ Сенатѣ на должность товарища обер-прокурора, на которую къ всеобщему удовлетворенію и былъ назначенъ Кисилевскій.

Былъ такой случай. П. Н. Переверзевъ попросилъ меня устроить одного своего пріятеля присяжнаго повѣреннаго предсѣдателемъ Окружнаго Суда одного изъ южныхъ городовъ Россіи. Онъ назвалъ и городъ. Этотъ городъ на югѣ служилъ лакомымъ кускомъ для многихъ. Всѣ, кто чувствовалъ себя физически плохо или имѣлъ въ семьѣ больныхъ, стремился попасть туда. Кандидатовъ на открывавшуюся тамъ вакансію предсѣдателя Окружнаго Суда было множество. Но главное несчаствіе заключалось въ томъ, что адвокатъ Х., на мой взглядъ, былъ абсолютно неспособенъ занять эту должность. Это былъ адвокатъ безъ практики и въ достаточной мѣрѣ лѣнливый. Переверзевъ настаивалъ на его назначеніи, несмотря на мой протестъ. Я былъ въ очень трудномъ положеніи. Я старался косвенно повліять на Х., объясняя ему, какъ трудно и сложно положеніе всякаго предсѣдателя суда. Но Х., какъ и нѣкоторые другіе адвокаты, не чувствовалъ, что онъ былъ неспособенъ на занятіе этой должности; онъ де не хуже другихъ. Что мнѣ было дѣлать?! Въ то время въ Петербургѣ находился старшій предсѣдатель той Судебной Палаты, къ которой былъ приписанъ упомянутый выше Судебный Округъ. Это былъ одинъ изъ лучшихъ судей въ Россіи. Я откровенно рассказалъ ему положеніе дѣла и необходимость вслѣдствіе постояннаго министра назначить Х. предсѣдателемъ —скаго суда. Тотъ сказалъ: «Назначайте; всякихъ предсѣдателей суда мы видѣли; будетъ плохъ, поможемъ ему». Я сообщилъ Х., что желаніе его будетъ удовлетворено. Тогда Х., все же скромный человѣкъ, испугался будущей своей отвѣтственности и отъ мѣста предсѣдателя суда отказался.

Еще одна черта П. Н. Переверзева:

Въ тѣ времена на пріемные часы министровъ являлась масса народа. Это была цѣлая лавина людей. Нужно было всѣхъ просителей по возможности удовлетворить, хотя бы однимъ отвѣтами. Трудъ по пріему просителей былъ почти даромъ потраченное время: Ни одного вопроса, походя, рѣшать нельзя. Нужно сразу понять, что просить проситель и сдѣлать отмѣтку на прошеніи, что тре-

буется сдѣлать по этому прошенію. Керенскій былъ мастеръ принимать; всѣ уходили отъ него удовлетворенные. Но, конечно, Керенскій на пріемы смотрѣлъ, какъ на обузу. А Переверзевъ чуть что не любилъ ихъ; онъ находилъ, что на пріемахъ узнаешь истинныя нужды народа. Керенскій при своей быстротѣ рѣшеній почти всегда попадалъ въ цѣль. А Переверзевъ дѣлалъ промахъ за промахомъ. Одно дѣтище Керенскаго было крайне неудачно — это новое устройство мирового суда: дѣла стали рѣшать судья съ двумя ассистентами (откуда и какъ ихъ назначали — я не помню); это былъ судъ безапелляціонный. Почему и кому въ угоду сравнительно популярный мировой судъ нужно было испортить! Эти судьи такого парѣшили, что пришлось создать право Министра Юстиціи пересматривать эти рѣшенія и отмѣнять ихъ. И вотъ тутъ Переверзевъ неоднократно отличался. Не разсмотрѣвъ всего производства суда, по жалобѣ потерпѣвшей стороны отмѣнялъ рѣшеніе суда. Словомъ было столько и серьезнаго, и мелочей, которыя раздражали меня въ Переверзевѣ и даже болѣе, чѣмъ раздражали, что я рѣшилъ подать въ отставку, о чемъ и сказалъ Скарятину и Вальцу: Они меня стали уговаривать остаться, между прочимъ, мотивъ ихъ былъ — необходимость не оставлять Переверзева безъ помощи, на что я согласился при условіи сохраненія за собою права открыто критиковать дѣйствія Переверзева, чтобы его дѣятельности не смѣшивали съ дѣятельностью его товарищей, ибо я боялся, оставаясь на службѣ, дискредитировать себя.

Въ бытность Переверзева министромъ, ко мнѣ, какъ завѣдывающему гражданской частью, былъ направленъ проситель, московскій купецъ Нѣмчиновъ, владѣлецъ гостиницы «Дрезденъ». Вотъ, что онъ мнѣ рассказалъ. Какъ только старое правительство пало, въ Москвѣ образовалась революціонная организація, во главѣ которой встали московскіе общественные дѣятели, въ томъ числѣ докторъ Кникинъ. Эта организація захватила для своихъ нуждъ принадлежащую ему гостиницу «Дрезденъ», что онъ считаетъ крайне несправедливымъ. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ искать защиты у Правительства и возстановленія своихъ нарушенныхъ правъ. Въ душѣ я очень обрадовался приходу Нѣмчинова. Начавшаяся вакханалія нарушеній всякихъ правъ подъ флагомъ «революціоннаго правотворчества» была мнѣ далеко не по вкусу. Мнѣ хотѣлось такъ или иначе положить ей, гдѣ можно, предѣлъ. Случай съ Нѣмчиновымъ давалъ къ тому нѣкоторый поводъ. Я, конечно, не показалъ Нѣмчинову и вида, что просьба его мнѣ по душѣ, а весьма холодно замѣтилъ ему, что гражданскіе законы новымъ правительствомъ не отмѣнены и что, слѣдовательно, онъ можетъ судебнымъ порядкомъ выселить непрошенныхъ гостей изъ своей гостиницы. Нѣмчиновъ усумнился въ такомъ своемъ правѣ. Я, однако, разъяснилъ ему, что всѣ права на его сторонѣ, и прибавилъ, что, конечно, безъ адвоката ему обойтись нельзя, что противникъ у него будетъ сильный и что ему поэтому придется пригласить для услугъ опытнаго и съ именемъ защитника. Я указалъ ему на московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ Тесленко и Малянтовича, которые будутъ въ этомъ дѣлѣ ему полезны, но оговорился, что Тесленко и Малянтовичъ люди съ хитрецей и, пожалуй, не пожелаютъ вступить въ его дѣло, чтобы не ссориться съ общественной организаціей, но что во всякомъ случаѣ они укажутъ, къ кому нужно будетъ ему обратиться.

Нѣмчиновъ уѣхалъ; однако въ Москвѣ ничего не сдѣлалъ; онъ затѣмъ вновь пріѣхалъ въ Петербургъ, чтобы повидаться со мной, но меня въ мини-

стерствѣ ему не удалось застать и вечеромъ онъ позвонилъ ко мнѣ по телефону на домъ, спрашивая совѣта. Я былъ съ нимъ болѣе, чѣмъ сухъ. Замѣтилъ ему, что по дѣламъ со мною можно бесѣдовать только въ министерствѣ, а не дома, и что вообще по его дѣлу не можетъ быть никакихъ разговоровъ, что ему уже указанъ путь, по которому ему надлежитъ идти и что все дальнѣйшее всецѣло зависитъ отъ него. На этотъ разъ Пѣмчиновъ послушался меня, уѣхалъ въ Москву и предъявилъ искъ у мирового судьи о выселеніи организаціи. Рѣшеніе судьи было превосходно написано, и моя догадка, что рѣшеніе было написано судьей по совѣщаніи съ другими судьями, оказалась по наведенной справкѣ правильной. Въ этомъ рѣшеніи судъ писалъ, что новая власть особенно должна въ интересахъ довѣрія къ ней ограждать незыблемость существующихъ законовъ. Но что въ этомъ дѣлѣ меня особенно поразило, это то, что дѣло со стороны организаціи велъ П. Н. Малянтовичъ (будущій Министръ Юстиціи). Рѣшеніе мирового судьи вошло въ окончательную силу; жалоба Малянтовича въ Сѣздъ Мировыхъ Судей по формальнымъ основаніямъ вслѣдствіе допущенной имъ какой-то ошибки была ему возвращена. Объ этомъ дѣлѣ мнѣ пришлось говорить съ товарищемъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ Леонтьевымъ, который одобрилъ въ этомъ дѣлѣ мою точку зрѣнія; и отъ Леонтьева я получилъ вскорѣ затѣмъ приглашеніе принять участіе въ комиссіи при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ по вопросу объ изданіи особаго закона о правѣ правительства на реквизицію частныхъ помѣщеній для нуждъ правительственныхъ и общественныхъ. Вопросъ объ изданіи новаго закона подняла указанная выше московская организація. Комиссія была довольно торжественно обставлена; въ ней было много пріѣзжихъ гостей изъ Москвы. Въ качествѣ представителя организаціи въ комиссіи выступилъ московскій присяжный повѣренный Метакса, который сказалъ длиннѣйшую рѣчь на тему, какъ необходимо для правительства и общественныхъ организацій право на реквизицію частныхъ помѣщеній. Въ его рѣчи сквозило большое неудовольствіе по поводу «несправедливаго» рѣшенія мирового судьи, который не сумѣлъ понять значенія поднятаго у него дѣла. Мнѣ пришлось ему отвѣчать. Въ то время въ Петербургѣ было уже въ полномъ ходу дѣло объ особнякѣ Кшесинскій и о дачѣ Дурново. Я сравнилъ дѣйствія московской организаціи съ дѣйствіемъ большевиковъ въ Петербургѣ; я указалъ, что московская организація должна полностью признать свою неправоту и что она даже признала ее тѣмъ, что обратилась къ правительству, потерпѣвъ фіаско въ судебномъ пути, — съ ходатайствомъ объ изданіи новаго необходимаго закона о реквизиціи. Метакса разсердился на мою рѣчь. Онъ сказалъ: «Мы въ другомъ мѣстѣ поговоримъ съ Демьяновымъ на задѣтую имъ тему». Въ какомъ мѣстѣ я долженъ былъ бесѣдовать съ Метаксой, я не зналъ, но съ нимъ мнѣ не пришлось потомъ встрѣчаться. Законъ новый былъ разработанъ, но не помню, чтобы онъ окончательно былъ принятъ Временнымъ Правительствомъ. Энергичный товарищъ Министра Леонтьевъ вышелъ вскорѣ въ отставку, когда ушелъ изъ Временнаго Правительства кн. Львовъ — Министръ Внутреннихъ Дѣлъ.

Съ Леонтьевымъ мнѣ пришлось познакомиться въ Маломъ Совѣтѣ Министровъ. Въ засѣданіяхъ этого Совѣта принимали участіе товарищи Министровъ. Въ немъ разсматривались, такъ называемыя, безспорныя дѣла. Но какъ только вопросъ возбуждалъ споръ, и получалось разногласіе, безспорное дѣло передавалось на разсмотрѣніе непосредственно въ Совѣтъ Министровъ. Засѣданія Малаго

Совѣта меня интересовали, и я къ нимъ готовился. Въ этомъ мнѣ помогаль чиновникъ Юстиціи г. Гепнеръ, весьма опытный юристъ. Онъ очень хорошо зналъ, гдѣ и на какой законъ надо опереться. Мнѣніе же о томъ, что нужно поддерживать въ Совѣтѣ и что подлежитъ провалу, было уже дѣломъ моимъ личнымъ. Съ г. Гепнеромъ мы подружились; онъ охотно со мной бесѣдовалъ и о старыхъ временахъ и много передавалъ мнѣ любопытнаго изъ бывшей жизни Министерства. Г. Гепнеръ, ознакомившись съ вопросами, которые подлежали обсужденію въ Совѣтѣ, докладывалъ мнѣ о нихъ, сообщалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, не нарушаются ли принятіемъ «безспорнаго вопроса» старые законы и, если приходилось ихъ отмѣнить, то какъ нужно было бы это оформить съ внѣшней стороны, ибо, еслибы вводился новый законъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не оговаривалось бы въ немъ, какія статьи стараго закона отмѣняются, то вышла бы большая путаница въ примѣненіи новыхъ законовъ. Придавалъ значеніе (что весьма правильно) посѣщеніямъ Малаго Совѣта и товарищъ Министра Юстиціи А. С. Зарудный. Въ то время предсѣдателемъ Малаго Совѣта Министровъ состоялъ профессоръ Гриммъ. Поговаривали, что онъ уйдетъ, и Зарудный находилъ наиболѣе правильнымъ, чтобы въ замѣстители проф. Гримма по предсѣдательствованію въ Совѣтѣ былъ назначенъ одинъ изъ товарищей Министра Юстиціи.

Я сталъ довольно часто посѣщать засѣданія Малаго Совѣта. Рѣже посѣщали его Зарудный и Скарятинъ. Я весьма быстро сошелся съ проф. Гриммомъ, который относился ко мнѣ съ довѣріемъ, что мнѣ известно со стороны.

Къ этому времени относится слѣдующій эпизодъ: У меня вышло нѣчто въ родѣ скрытаго столкновенія съ Министромъ Путей Сообщенія Некрасовымъ. Однажды ко мнѣ обратился мой бывший клиентъ съ просьбой выслушать двухъ его пріятелей южныхъ заводчиковъ, которые хотѣли посоветоваться со мной по поводу какой-то поставки въ Министерство Путей Сообщенія. Я сначала наотрѣзъ отказался съ ними говорить, но когда бывший довѣритель мнѣ объяснилъ, что дѣло касается взятки, которую заводчики хотятъ обойти, я согласился ихъ выслушать. Заводчики побывали у меня и дѣйствительно рассказали мнѣ, что безъ взятки они никакой поставки сдѣлать не могутъ. Взятку требовали на какой то южной желѣзной дорогѣ. Въ правдивости ихъ словъ я не имѣлъ основаній сомнѣваться. Я написалъ Некрасову письмо, въ которомъ просилъ его выслушать заводчиковъ, оговорившись однако, что лично съ ними я не знакомъ, но что не имѣю основанія имъ не довѣрять, такъ какъ они мнѣ рекомендованы лицомъ, заслуживающимъ съ моей стороны полного довѣрія. Заводчикамъ же я сказалъ слѣдующее: «я даю вамъ письмо къ Некрасову, но съ условіемъ, что вы будете говорить съ нимъ также откровенно, какъ со мной». Черезъ нѣсколько дней послѣ сего, заводчики были вновь у меня и рассказали мнѣ, что мое письмо къ Некрасову имѣло скорѣе отрицательное для нихъ значеніе. Некрасовъ принялъ ихъ очень хорошо, но когда они передали мое письмо къ нему и рассказали, въ чемъ заключается ихъ просьба, Некрасовъ падулся. Рассказъ ихъ меня удивилъ. Съ Некрасовымъ я былъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ. Я и мысли не могъ допустить, чтобы онъ могъ отрицательно отнестись къ просителямъ только потому, что они сослались на меня. Въ чемъ же было дѣло?! Я нашель объясненіе въ слѣдующемъ: Некрасовъ не могъ допустить, чтобы у него, въ его вѣдомствѣ могли быть какія либо безобразія, чтобы въ Министерствѣ Путей Сообщенія при немъ, какъ и въ старину, могли брать взятки. Указаніе на возможность безпорядковъ въ его вѣдомствѣ показалось ему вѣроятно несправедливымъ. Его, можетъ быть, могло разсердить непрощенное по его мнѣнію вмѣ-

шатательство съ моей стороны не въ свое дѣло. Чѣмъ кончилось дѣло съ постановкой, я не узналъ. Кажется, заводчики не достигли ничего.

Переверзевъ, повидимому, самъ чувствовалъ, что не все удачно идетъ у него по Министерству. Онъ все время былъ въ удрученномъ состояніи духа; дѣйствовалъ на это состояніе, конечно, и то, что онъ не пользовался авторитетомъ во Временномъ Правительствѣ. Ему стало казаться, что все идетъ прахомъ. Въ то время еще всѣ данныя были на лицо, чтобы бороться за программу Временнаго Правительства, т. е. за доведеніе Россіи до Учредительнаго Собранія, отчаянію не было еще мѣста. Переверзевъ самъ вскорѣ показалъ, что съ большевиками можно и должно бороться. Первый натискъ на нихъ былъ имъ сдѣланъ, когда большевиковъ выдворяли изъ дома Кшесинской. Положеніе было таково: большевики, и Ленинъ въ томъ числѣ, заняли насильно домъ Кшесинской и не желали оттуда уходить. На это насиліе собственница особняка Кшесинская еще въ то время не жаловалась и не подавала иска о выселеніи непрошенныхъ гостей. Казалось бы, не было повода къ началу дѣла, если смотрѣть на насильственное занятіе чужого дома какъ на актъ только самоуправства, т. е. какъ на преступленіе, преслѣдуемое только въ частномъ порядкѣ по жалобѣ потерпѣвшаго. Нужно признать, что такой взглядъ Временнаго Правительства на дѣло съ захватомъ особняка Кшесинской былъ ошибочнымъ; нужно было видѣть въ дѣйствіяхъ Ленина и другихъ нѣчто большее, чѣмъ самоуправство, то-есть нѣчто, требовавшее непосредственнаго вмѣшательства властей. Въ концѣ концовъ, Кшесинская не стерпѣла издѣвательства надъ собою и предъявила у мирового судьи искъ о выселеніи изъ ея дома какъ Ленина, такъ и занимавшихъ ея особнякъ различныхъ большевистскихъ организацій. Искъ этотъ былъ предъявленъ повѣреннымъ Кшесинской, присяжнымъ повѣреннымъ Хесинымъ. Само собою разумѣется, мировой судья иначе не могъ поступить, какъ удовлетворить справедливое требованіе Кшесинской. Дѣло было выиграно, но оставалось еще привести въ исполненіе рѣшеніе судьи. Ленинъ и компанія не пожелали ему подчиниться. Наступилъ острый моментъ примѣненія къ нимъ вѣншей силы. Судебный приставъ не смогъ этого сдѣлать; оставалось позвать на помощь ему военныя части. Переверзевъ, не ожидая вызова войскъ, обратился къ совѣту рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ съ просьбой повліять на отвѣтчиковъ, чтобы они добровольно оставили помѣщеніе, кстатіи и дачу Дурново, по поводу которой не производилось никакого дѣла*.

Замѣчательный въ своемъ родѣ отзывъ далъ Исполнительный Комитетъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ Министру Юстиціи по поводу его обращенія. Онъ указалъ ему, что существуетъ законъ, который предоставляетъ право владѣльцу дома и власти выселить квартирантовъ изъ насильно занятаго ими помѣщенія, что надо обратиться по дѣлу только въ судъ, а не въ Совѣтъ рабочихъ депутатовъ. Врядъ ли, однако, справедливый, поучительный и вмѣстѣ съ тѣмъ простой и ехидный отвѣтъ Исполнительнаго Комитета повліялъ сколько нибудь на Переверзева. Врядъ ли онъ его заставилъ покраснѣть. Однако, таковъ характеръ Переверзева, что когда пришлось дѣйствовать, то-есть когда призванная войн-

* Очень можетъ быть, что я ошибаюсь относительно времени обращенія Переверзева въ совѣтъ рабочихъ депутатовъ по поводу дома Кшесинской и дачи Дурново. Очень вѣроятно, что обращеніе состоялось раньше и помимо дѣла по иску Кшесинской. Но вѣрно то, что такое обращеніе на самомъ дѣлѣ было.

ская часть, должна была осадить домъ Кшесинской и выселить оттуда квартирантовъ, Переверзевъ оказался на мѣстѣ дѣйствія, и я не ошибусь если выскажу предположеніе, что онъ лично руководилъ дѣломъ выселенія. Энергія, которая могла поправиться, хотя и не дѣло Министра входитъ самолично въ исполненіе рѣшеній судебныхъ мѣстъ, какъ бы важны они ни были по существу.

Кончилъ свою министерскую карьеру Переверзевъ совершенно соотвѣтственно своему облику.

Петербургской прокуратурой было начато слѣдствіе по дѣлу о большевикахъ. Прокуроръ палаты Каринскій велъ это дѣло съ энергіей. Къ слѣдствію привлечено было очень много лицъ. Какъ мнѣ помнится, Ленинъ въ началѣ производства не былъ привлеченъ къ уголовной отвѣтственности. Одно большевистское дѣло цѣплялось за другое, и производство возросло до громаднхъ размѣровъ. Все дѣло обнимало уже 15 томовъ производства. Керенскій былъ крайне недоволенъ кажущейся ему медленностью веденія дѣла, такъ какъ не видѣлъ его результата, то-есть, чтобы кто либо былъ привлеченъ къ уголовному суду. Пока дѣло находилось въ стадіи предварительнаго слѣдствія положеніе большевиковъ во виѣ все укрѣплялось. Публичные выпады большевиковъ дѣлались все смѣлѣе и смѣлѣе, а общество какъ будто переставало видѣть во Временномъ Правительствѣ силу, способную дать имъ отпоръ. Одно большевистское наступленіе было ликвидировано благодаря помощи казаковъ. Но затѣмъ вновь возросло. Казаки остались не у дѣлъ, обиженные какимъ-то несправедливымъ распоряженіемъ Керенскаго, непосредственно ихъ касавшимся. (Подробностей не помню.) Нужно было повернуть психологію массъ въ отношеніи къ большевикамъ, нужно было нанести имъ моральный ударъ, дабы отвлечь отъ нихъ симпатіи массъ. Сдѣлалъ это Переверзевъ. Онъ опубликовалъ часть обвинительнаго матеріала по дѣлу о большевикахъ. Было напечатано письмо Ленина къ Радеку, въ которомъ, хотя и туманно, но можно было видѣть, что въ денежномъ отношеніи Ленинъ не чистъ, а въ связи съ нѣкоторыми другими матеріалами, что большевики, а значитъ и Ленинъ, тѣ огромныя деньги, которыя ими тратились на пропаганду, получали отъ нѣмцевъ. Если это было такъ, то Ленинъ, конечно, не могъ не знать этого обстоятельства. Ударъ, нанесенный Переверзевымъ, былъ мѣтокъ. Негодование охватило русское общество. Только и было разговору, что о продажничествѣ большевиковъ. Но Переверзевъ по обыкновенію не додѣлалъ дѣла. Одновременно съ опубликованіемъ обвинительнаго матеріала онъ не далъ распоряженія о немедленномъ арестѣ всѣхъ тѣхъ лицъ, о которыхъ упоминалось въ его сообщеніи*.

Кстати вспомнить — нашлись доктринеры, въ томъ числѣ новый сенаторъ Н. Д. Соколовъ, которые обвиняли Переверзева за это опубликованіе слѣдственнаго матеріала, видя въ немъ нарушеніе закона, запрещающаго опубликованіе матеріаловъ слѣдственнаго производства, забывая, что право опубликованія всегда принадлежало слѣдственной власти и только виѣ ея такое опубликованіе преслѣдовалось по закону.

---

* Хронологическая канва нѣсколько искажена авторомъ. Опубликованіе Переверзевымъ обвинительныхъ противъ большевиковъ матеріаловъ состоялось во время перваго выступленія большевиковъ въ началѣ Іюля 1917 г. Распоряженіе Керенскаго, обидѣвшее казаковъ, касалось похоронъ казаковъ, павшихъ при подавленіи этого же выступленія большевиковъ. Прим. ред.

Упущеніе, сдѣланное Переверзевымъ, имѣло послѣдствіемъ крупную стычку его съ Некрасовымъ, тогдашнимъ замѣстителемъ Керенскаго въ Совѣтъ Министровъ. (Описывая въ краткихъ словахъ дальнѣйшія событія, оговариваюсь, что къ сожалѣнію помню ихъ весьма туманно. Однако, полагаю, что въ общемъ изложеніе ихъ правильно.) Некрасовъ и Переверзевъ были довольно близки другъ къ другу, а въ политикѣ даже и друзьями. Некрасовъ былъ повидимому тоже съ этомъ дѣлѣ неправъ, но по соображеніямъ особаго свойства. Насколько мнѣ помнится, у него сконились свои собственные матеріалы по обвиненію большевиковъ въ сношеніяхъ съ нѣмцами. Онъ, кажется, слѣдилъ за Радекомъ, который долженъ былъ пріѣхать въ Россію черезъ Норвегію. Некрасовъ былъ неправъ въ томъ, что велъ какую то свою политику даже безъ вѣдома Керенскаго. Повидимому, у него было желаніе отличиться и своимъ политическимъ чутьемъ, и предусмотрительностью. Выпадъ Переверзева противъ большевиковъ разстроилъ его планы. Стало извѣстнымъ, что Радекъ, узнавъ, что творится въ Петербургѣ, на границѣ съ Россіей остановился и укатилъ обратно въ Германію. Стычка Переверзева съ Некрасовымъ была очень рѣзка. Они другъ на друга кричали, но Некрасовъ больше горячился и личныхъ выпадовъ противъ Переверзева себѣ не позволилъ, тогда какъ послѣдній передъ этимъ не остановился; разошлись они обозленные. Переверзевъ затѣмъ сдѣлалъ огромную ошибку, напечатать свое оправдательное письмо въ газетахъ, гдѣ рѣзко обвинялъ Некрасова. Въ пападкахъ на Некрасова помогалъ ему товарищъ прокурора судебной палаты Бессарабовъ. Въ обществѣ очень много говорили объ этомъ событіи. Некрасовъ написалъ съ своей стороны оправдательное письмо, но отъ браннаго тона воздержался, указавъ однако, что и Переверзеву не слѣдовало переносить въ печать брань по его адресу. Переверзевъ долженъ былъ бросить службу и уѣхать изъ Петербурга. Говорили, что между Некрасовымъ и Переверзевымъ долженъ былъ состояться третейскій судъ; называли мое имя, какъ суперъ-арбитра въ этомъ судѣ. Судъ вѣроятно и состоялся бы, еслибы Переверзевъ не уѣхалъ изъ Петербурга. Лично меня поведеніе Переверзева возмущало. Я отдавалъ дань его выпаду противъ большевиковъ, считалъ его крайне удачнымъ, сожалѣлъ, что онъ, какъ я говорилъ выше, не додѣлалъ дѣла до конца, считалъ неправымъ и Некрасова, что онъ велъ свою собственную какую то тайную политику противъ большевиковъ, но ругань Переверзева по адресу Некрасова, перенесенная имъ затѣмъ на столбцы газеты, ничѣмъ не могла быть оправдываема. Помимо неполитичности дѣйствій Переверзева, онъ не имѣлъ права забыть свои отношенія къ Некрасову, основанныя на дружбѣ и связывавшія его съ нимъ общимъ общественнымъ и государственнымъ дѣломъ. Карьера Переверзева — этого во всѣхъ своихъ ошибкахъ все же чистаго и честнаго человека, но большого фактазера, безпрограмнаго и неумѣлаго администратора, — кончилась. *Я думалъ тогда — она никогда и не можетъ возродиться — столько промаховъ онъ сдѣлалъ. Но людей такъ мало, что чего добраго его опять призовутъ къ власти, и меня это не удивитъ.

Большевики должны ненавидѣть Переверзева. Я знаю, что, когда пришло ихъ время, они готовили крупный процессъ съ именемъ Переверзева. Предупрежденный Переверзевъ скрылся изъ Петербурга. Большевики преслѣдовали его семью. Если бы Переверзева судили, то врядъ ли бы онъ избѣжалъ смертной казни. Но большевики не постѣснялись бы казнить его и безъ суда.

Государственные преступники — министры императорскаго правительства находились подъ арестомъ и были посажены въ Петропавловскую крѣпость, охраняемые «вѣрными» солдатами. Этихъ «вѣрныхъ» солдатъ весьма хвалили въ печати за ихъ браваый видъ и вѣрность долгу; отъ нихъ, дескать, не уйдешь. Дѣйствительно, отъ нихъ уйти было трудно. Бывшіе правители и вельможи были люди все пожилые, немощные. Переносить физическія передраги, связанные хотя и съ льготнымъ, по все же тюремнымъ режимомъ, имъ было не легко. Многіе изъ нихъ захворали. Тюремный докторъ, а также призванныя медицинскія свѣтила требовали измѣненія ихъ содержанія. Правительство признало возможнымъ нѣкоторыхъ изъ бывшихъ министровъ перевести подъ домашній арестъ. Но этому воспротивилась «вѣрная» тюремная стража. Она прямо сказала, что изъ тюрьмы ихъ не выпуститъ. Однако, послѣ переговоровъ все же выпустила.

Когда я объ этомъ узналъ, мнѣ впервые запала въ голову мысль о непрочности Временнаго Правительства. Протестъ стражи и необходимость переговоровъ съ ней показали слабость правительства. Я тогда же нашелъ, что инцидентъ съ домомъ Кшесинской и дачей Дурново — это цвѣточки сравнительно съ тѣмъ, что произошло въ Петропавловской крѣпости. Тамъ былъ протестъ и непризнаніе авторитета и силы правительства со стороны организации, враждебной правительству; здѣсь было то же, но со стороны силы, подчиненной самому правительству.

Новымъ Министромъ Юстиціи былъ назначенъ членъ четвертой Государственной Думы, лидеръ группы прогрессистовъ, почтенный Ефремовъ, честиѣйшій и прекраснѣйшій человекъ. Тѣмъ не менѣе, назначеніе его министромъ ничѣмъ другимъ нельзя было объяснить, какъ только тѣмъ, что Ефремовъ стоялъ во главѣ хотя и немногочисленной, но все же пользовавшейся всеобщимъ уваженіемъ политической группы и, слѣдовательно, былъ до извѣстной степени популяренъ. И это назначеніе было той ошибкой, какую неоднократно совершала новая власть, когда имѣла въ виду кого либо назначить на отвѣтственный постъ, полагая, что популярность сдѣлаегъ больше, чѣмъ знаніе и умѣніе. Ефремовъ къ юридическому міру имѣлъ только то отношеніе, что когда-то и то недолго на своей родинѣ (въ казачествѣ) былъ предсѣдателемъ съѣзда мировыхъ судей. Не помню, окончилъ ли онъ даже юридическій факультетъ, но знаю, что на практикѣ ему не приходилось заниматься какой либо юриспруденціей. Безъ ошибки можно сказать, что разрѣшеніе самыхъ простыхъ юридическихъ вопросовъ должно было ставить его втупикъ. Я не могу понять, какъ самъ Ефремовъ могъ согласиться пойти въ Министры Юстиціи; объясняю это тѣмъ, что онъ, какъ и другіе, признавалъ необходимымъ, чтобы во главѣ отдѣла власти было лицо, такъ или иначе стоявшее во главѣ революціоннаго движенія. Ефремовъ очень хорошо сознавалъ свое положеніе. Какъ умный и добросовѣтный человекъ онъ не сталъ брать на себя разрѣшеніе самостоятельно вопросовъ по его Министерству. А такъ какъ онъ давно состоялъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ со мной и Скарятинимъ и не имѣлъ основанія не довѣрять намъ, то фактически въ то весьма недолгое время, пока онъ стоялъ во главѣ министерства, министерствомъ управляли мы, его товарищи. При Ефремовѣ наступило все же спокойное время, когда не мѣшали работать никакія неожиданности. Но Ефремовъ вскорѣ ушелъ, и я думалъ, по собствен-

ному желанію, видя свою безпомощность. Его назначили предсѣдателемъ Малаго Совѣта Министровъ, а на его мѣсто пригласили А. С. Заруднаго.

Зарудный — крупная личность; человекъ убѣжденій и проводящій свои убѣжденія въ жизнь. Когда-то былъ товарищемъ прокурора Петербургскаго Окружнаго Суда, откуда долженъ былъ уйти вслѣдствіе какой-то исторіи на политической подкладкѣ; служилъ затѣмъ въ Министерствѣ Юстиціи въ юрис-консультской части и перешелъ наконецъ въ адвокатуру, гдѣ сразу занялъ почетное положеніе. Прекрасный судебный ораторъ, онъ, когда служилъ въ прокуратурѣ и обвинялъ, былъ чрезвычайно неприятенъ защитникамъ, такъ какъ никогда не стремился къ обвиненію во что бы то ни стало или къ наиболѣе строгому наказанію обвиняемаго. Мякотинъ, не особенно долюбивающій Заруднаго, увѣрялъ, что своей манерой обвиненія онъ все же добивался болѣе строгаго наказанія, чѣмъ слѣдовало по справедливости, такъ какъ, заручившись довѣріемъ къ себѣ присяжныхъ засѣдателей, добивался своего.

Зарудный, какъ адвокатъ, всегда зналъ дѣло, которое ему поручали, до тонкости. Въ этомъ отношеніи онъ былъ добросовѣстнѣйшимъ повѣреннымъ. Въ интересахъ своего подзащитнаго онъ доходилъ до тонкости; все принималъ въ расчетъ, изучалъ составъ присяжныхъ засѣдателей и принималъ въ расчетъ характеръ судей. Всегда зналъ, какъ поведетъ защиту и что будетъ говорить. Я всегда считалъ Заруднаго однимъ изъ лучшихъ нашихъ уголовныхъ защитниковъ. Зарудный никогда не стремился къ рекламѣ. Мало того — онъ даже не интересовался, чтобы о рѣчахъ его давали отчетъ въ газетахъ, или чтобы рѣчь его была напечатана даже тогда, когда она имѣла общественное значеніе. Я — не любитель слушать чужія рѣчи и только изрѣдка, да и то скорѣй случайно, являлся на чужую защиту. Помню, какъ-то у меня была своя защита въ судебной палатѣ, и до моего дѣла въ той же палатѣ выступалъ Зарудный. Онъ велъ дѣло (даромъ) какого-то редактора, привлеченнаго къ отвѣтственности за статью въ газетѣ, направленную противъ присяги. Зарудный принесъ съ собою въ судъ цѣлые фоліанты книгъ — ученіе и разборъ ученій отцовъ церкви. Въ защитѣ своей онъ не только ссылался на Евангеліе, но и на ученія отцовъ церкви и доказалъ самымъ неопровержимымъ образомъ, что даже съ ихъ точки зрѣнія присяга есть зло, только по неволѣ терпимое. Палата оправдала редактора. Замѣчательная рѣчь Заруднаго канула въ Лету. А можно вѣрно сказать, что любой прогрессивный журналъ помѣстилъ бы ее у себя съ величайшей охотой. Роль Заруднаго въ процессѣ Бейлиса всѣмъ извѣстна. Онъ былъ душой этого процесса и врядъ ли безъ Заруднаго могъ пройти такъ блестяще этотъ процессъ, несмотря на рѣчи Маклакова, Грузенберга и другихъ. Зарудный взялъ на себя труднѣйшую задачу, требовавшую огромнаго труда и эрудиціи — доказать, что по ученію самихъ евреевъ никакихъ ритуальныхъ убійствъ совершенно быть не можетъ. Онъ произнесъ прекрасную рѣчь, но весь блескъ его защиты заключался въ репликѣ гражданскимъ истцамъ, когда онъ, опровергая ихъ доводы и ссылаясь на Талмудъ и другія религіозныя книги еврейства, показалъ, какъ глубоко онъ изучилъ свой предметъ, свою находчивость и блескъ въ репликѣ.

Какъ политическій дѣятель Зарудный имѣетъ массу крупнѣйшихъ недостатковъ. Онъ вѣрится только себѣ; онъ не можетъ вслѣдствіе сего состоять въ какой либо партіи, какъ активный ея дѣятель; и если онъ вступилъ въ трудовую народно-соціалистическую партію, то потому только, что по времени необходимо было примкнуть къ какой либо политической партіи, чтобы не остаться внѣ поли-

тической жизни страны. Но само собою разумѣется, что разъ Зарудный сказалъ, что онъ является членомъ партіи, онъ подчинялся ей велѣніямъ безпрекословно. Таковъ его характеръ. Когда Зарудный увлекается, онъ весь горитъ; глаза всегда выдають его волненіе. Двоюродный братъ Ал. С. Заруднаго сенаторъ С. М. Зарудный сравнивалъ своего брата Сашу «съ Савонаролой»; онъ говорилъ: «посмотрите на его глаза; если кто насъ приговоритъ къ смертной казни, то это братъ Саша». Однако увѣренность Заруднаго въ себѣ была сверхъ мѣры. Онъ часто бывалъ неправъ и только потому, что не провѣрялъ правильности своихъ мыслей черезъ другихъ, онъ бывалъ иногда несправедливъ. Вѣра въ себя дѣлала его нетерпимымъ къ чужимъ мнѣніямъ. Такъ какъ онъ былъ по характеру весьма настойчивъ, то былъ тяжелъ въ сношеніяхъ съ другими. вмѣстѣ съ тѣмъ, это былъ до крайности добрый человѣкъ. Нужно было видѣть его кроткую улыбку, когда онъ шутилъ, или былъ веселъ, чтобы полюбить его. Зная его самостоятельность мнѣній и нетерпимость, я былъ увѣренъ, что министромъ онъ долго не пробудетъ. Такъ оно и вышло.

Какъ только Зарудный вступилъ въ министры, онъ сталъ проводить въ жизнь свои служебныя воззрѣнія. Тотчасъ же онъ потребовалъ, чтобы вся почта, получаемая министромъ, поступала непосредственно къ нему. Когда онъ не успѣвалъ ее просмотрѣть, онъ поручалъ дѣлать это мнѣ. А такъ какъ у министровъ вообще мало времени даже на нужную работу, то этотъ просмотръ часто ложился бременемъ только на одного меня. Я конечно производилъ эту, на мой взглядъ, почти бесполезную работу (бесполезную по времени, которое она отнимала), ругаясь въ душѣ, но ничего съ Заруднымъ подѣлать было нельзя.

Зарудный самъ рѣшилъ выйти въ отставку. Его не просили уходить, но и не удерживали, когда онъ заявилъ желаніе уйти изъ министерства. Повода къ уходу его въ отставку я не помню. Но помню, что онъ радовался своему уходу. По обыкновенію онъ увлекся. У него появилась тогда идея помощи власти со стороны; Зарудный думалъ принести ей пользу въ качествѣ публичнаго оратора. Чиновники министерства недолюбливали Заруднаго; онъ заставлялъ ихъ работать больше, чѣмъ слѣдовало по ходу дѣла. Иной разъ излишняя работа, какъ мнѣ казалось, являлась результатомъ того, что онъ не зналъ всѣхъ обычаевъ чиновничьей службы. Такъ, напримѣръ, когда Зарудный интересовался какимъ либо вопросомъ или нуждался въ справкѣ, онъ писалъ на бумагѣ: «сдѣлать докладъ». А дѣлать министру «докладъ» по установившемуся въ министерствѣ обычаю значило сдѣлать его въ письменной формѣ. Когда я нуждался въ справкѣ, я поступалъ иначе: я вызывалъ къ себѣ того чиновника, въ столѣ котораго производилось дѣло, и устно выяснялъ съ нимъ вопросъ. Такое непосредственное общеніе съ чиновниками приносило и больше пользы и было болѣе по вкусу чиновникамъ. Въ иныхъ случаяхъ Зарудный меня удивлялъ. Помню такой фактъ: во время его управленія министерствомъ, началось слушаніемъ въ особомъ присутствіи Сената, подъ предсѣдательствомъ Таганцева-сына, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, дѣло Сухомлинова. Обвинителемъ выступалъ оберъ-прокуроръ уголовного кассационнаго департамента Носовичъ. Не знаю, кому въ голову пришла мысль, что въ помощь оберъ-прокурору по политическимъ соображеніямъ нужно пригласить еще «общественнаго обвинителя». Мысль эта врядъ ли была здоровой. Носовичъ, какъ только узналъ объ этомъ, всталъ было на дыбы; онъ увидѣлъ въ этомъ шагѣ недовѣріе къ нему. Но вскорѣ онъ понялъ всю выгоду имѣть при себѣ такого союзника: всякая вина за неудачный исходъ процесса ложилась бы не на одного него. Поэтому

и онъ, а также и Таганцевъ, стали горой за назначеніе въ процессъ общественнаго обвинителя. Начали искать кого бы назначить на эту роль. Времени было мало на вызовъ кого либо изъ провинціи. Начали перебирать своихъ петербургскихъ адвокатовъ. Было рѣшено, что еврей ни подъ какимъ видомъ не можетъ участвовать въ процессъ въ качествѣ представителя власти. Остановились въ концѣ концовъ на присяжномъ повѣренномъ Феодосьевѣ, въ достаточной мѣрѣ талантливомъ адвокатѣ, умѣющемъ произносить горячія рѣчи. Особенность Феодосьева та, что его можно было всегда настроить въ извѣстномъ направленіи; онъ великоколѣбно ухватывалъ чужую мысль. Но вообще же это легкомысленнѣйшій человѣкъ въ мірѣ. И съ этой стороны онъ немедленно себя и показалъ. Когда на его имени остановились, я лично его спрашивалъ — имѣетъ ли онъ какія либо чисто внѣшнія препятствія къ принятію предложенія. Онъ увѣрялъ, что не имѣетъ никакихъ. Когда же открылось засѣданіе Правительствующаго Сената, защитникъ Сухомлинова отвелъ его, какъ адвоката, съ которымъ совѣщались по дѣлу и котораго якобы приглашала въ защитники Сухомлинова. На самомъ дѣлѣ факта этого не было, а былъ лишь разговоръ о томъ, не согласится ли Феодосьевъ защищать Сухомлинова, если къ нему обратятся съ этой просьбой. Такъ было дѣло со словъ самого Феодосьева. Феодосьевъ однако не сумѣлъ отпарировать нанесенный ему ударъ и немедленно ушелъ изъ процесса, то-есть съ перваго же засѣданія. Въ министерствѣ тогда возникъ вопросъ о нахожденіи ему замѣстителя. Это оказалось чрезвычайно труднымъ. Зарудный однако нашелся; онъ указалъ на молодого адвоката, на товарища прокурора Судебной Палаты (таковымъ его сдѣлалъ Переверзевъ), «талантливаго» Данчича. Всѣмъ же намъ было ясно, что Данчичу такая задача не по плечу. Но Зарудный настоялъ на своемъ. По обыкновенію онъ созвалъ по возникшему вопросу совѣщаніе, наговорилъ членамъ этого совѣщанія кучу любезностей, сказалъ, что вполне подчинится тому, что скажетъ совѣщаніе. Когда же совѣщаніе единогласно выразило мнѣніе, что Данчичъ для этого дѣла не годится, Зарудный все же назначилъ Данчича замѣстителемъ Феодосьева. Данчичъ — добродушный человѣкъ. Онъ открыто признавался послѣ процесса, что не только не былъ въ процессѣ, какъ адвокатъ, на высотѣ, но что онъ въ самомъ лучшемъ видѣ провалился со своею рѣчью въ дѣлѣ Сухомлинова. На мой же взглядъ провалъ Данчича былъ проваломъ самого министерства. На Заруднаго же вся эта исторія не произвела рѣшительно никакого впечатлѣнія. Какъ будто случилось все такъ, какъ слѣдовало случиться. Сенаторы желали, чтобы помимо Носовича выступилъ въ дѣлѣ общественный обвинитель, и онъ, министръ, это устроилъ, и больше отъ него ничего не требовалось; чего же въ такомъ случаѣ беспокоиться и волноваться. Вотъ такого настроенія въ Зарудномъ я и не понималъ. Съ Заруднымъ, какъ я говорилъ, у меня всегда были самыя дружественныя отношенія, что не мѣшало намъ разнo смотрѣть на нѣкоторыя вещи. Я предвидѣлъ, что во многомъ съ Заруднымъ мы можемъ не сойтись. Въ дѣловомъ отношеніи я могъ быть ему не по вкусу. На всякій случай я ему сказалъ, что не дорожу мѣстомъ товарища Министра. Меня вообще по существу интересовала тогда больше дѣятельность Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, гдѣ бился, по-моему, ключъ жизни, хотя Министерство Военное все же во всемъ главенствовало изъ-за состоянія войны. Мой намекъ, что я могу уйти, Зарудный принялъ, повидимому, какъ намекъ, что онъ, по моему мнѣнію, никуда негодный министръ, чего я абсолютно и въ мысляхъ не имѣлъ.

Какъ на образчикъ самостоятельнаго мышленія Заруднаго, я могу сослаться на слѣдующее: Отрицательное положеніе Временнаго Правительства заключалось въ томъ, что оно съ самаго момента своего возникновенія дѣйствовало какъ бы вѣѣ пространства. Оно управляло, но никому не давало отчета въ своемъ управленіи. Все было основано на одномъ довѣрїи. Должны были вѣрять, что Временное Правительство ведегъ народъ къ благу. А такъ какъ составъ самого Временнаго Правительства вовсе не былъ таковъ, чтобы вселить къ нему особое довѣрїе крайнихъ партій, а кромѣ того, и вообще одно «довѣрїе» вовсе не такой фундаментъ, на которомъ можно было бы строить что либо государственно прочное, то нужно было создать какое-то учрежденіе, которое явилось бы, хотя бы временно, представителемъ народа, для наблюденія и критики дѣйствій правительства. Въ этомъ отношеніи положительную роль сыграло Московское Государственное Совѣщаніе, которое несомнѣнно укрѣпило, хотя и не глубоко, положеніе правительства, но учрежденіе это было непостоянное, а созданное ad hoc; не принесло правительству вреда и демократическое совѣщаніе въ Александринскомъ театрѣ. Окончательно же должно было укрѣпить положеніе Временнаго Правительства Совѣтъ Республики, если бы къ этому времени уже не созрѣло большевистское движеніе. Зарудный проникся идеей, что правительство обязано передъ кѣмъ-то отчетностью, но не вникъ въ вопросъ о томъ, кто и какъ долженъ создать это учрежденіе. Въ своемъ умѣ онъ упростилъ положеніе, признавъ, что правительство обязано подчиниться функционирующему представительному учрежденію въ лицѣ Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Мысль негодная, такъ какъ Совѣтъ не давалъ представительства всей массы народа, а главное, являлся представителемъ въ цѣломъ только одной арміи, а въ отношеніи рабочихъ только одного Петербургскаго района. Я не помню, чтобы Зарудный съ кѣмъ либо не только совѣтовался по поводу пришедшей ему въ голову мысли, но даже говорилъ на эту тему. Припоминается мнѣ, что мысль свою о необходимости Временному Правительству подчиниться власти Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ онъ все же высказалъ въ Совѣтѣ Министровъ.

Неправильно было отношеніе Заруднаго еще къ одному чрезвычайно важному, на мой взглядъ, законодательному вопросу. Во главу всякаго политическаго требованія, всегда предъявлявшагося существующему правительству, ставилось требованіе неприкосновенности личности, свободы печати и проч. . . . Временное Правительство съ первыхъ же шаговъ выработало законъ о печати, а вопросъ о неприкосновенности личности продолжалъ оставаться въ тѣни. Я же считалъ его чуть ли не самымъ серьезнымъ вопросомъ дня; я полагалъ, что законъ о свободѣ личности будетъ имѣть значеніе не только закона важнаго по всей сущности, но и имѣющаго декларативный характеръ, то-есть могущаго поднять довѣрїе массы къ Временному Правительству. Такого значенія за проектированнымъ закономъ не усматривали ни Зарудный, ни даже Керенскій; причемъ первый признавалъ, что и безъ изданія новаго спеціальнаго закона личность гражданина вообще неприкосновенна, ибо она ограждается и существующимъ уже русскимъ законодательствомъ, и что новый законъ можетъ имѣть лишь то практическое значеніе, что въ одномъ мѣстѣ сконцентрируетъ все то, что касается свободы личности. Зарудный былъ правъ только отчасти, да и то въ немногомъ. Суть дѣла заключалась именно въ томъ, чтобы во всѣхъ случаяхъ нарушенія свободы личности гражданинъ точно могъ сослаться на законъ, запрещающій нарушать его свободу, а не искать статей закона, на основаніи

коихъ можно было сдѣлать только выводъ о томъ, что безнаказанно свободу человѣка нарушать нельзя. Кромѣ того, требовалась выработка точныхъ условій, когда и въ какихъ случаяхъ свобода каждаго отдѣльнаго лица могла быть нарушена въ силу самого закона. Зарудный исполнилъ мое желаніе — была создана особая комиссія подъ моимъ предсѣдательствомъ для выработки новаго закона. Я постарался создать проектъ закона въ самое короткое время, что мнѣ и удалось сдѣлать. Проектъ закона былъ представленъ въ ближайшій срокъ въ Совѣтъ Министровъ. Но на этомъ дѣло и остановилось. Зарудный не торопился въ Совѣтъ съ новымъ закономъ, считая, что хотя новый законъ очень хорошъ, но что имѣются другія болѣе важныя и неотложныя дѣла, которыя требуютъ тоже ближайшаго разсмотрѣнія. Такъ проектъ новаго закона и лежалъ безъ движенія въ Совѣтъ Министровъ, пока я не вступилъ въ управленіе Министерствомъ. Но и тутъ мнѣ не повезло. По моему настоянію Керенскій дѣйствительно пустилъ его на обсужденіе. Разсмотрѣніе закона стояло уже въ повѣсткѣ засѣданія Совѣта, но въ этотъ день нѣкоторые министры не явились въ засѣданіе Совѣта и потому «столь важный», по выраженію Керенскаго, законъ былъ имъ снятъ съ обсужденія. Такъ вопросъ и умеръ. Наступили худыя времена.

Зарудный имѣлъ стычки съ сослуживцами. Онъ очень оберегалъ свое положеніе, какъ Министра, то-есть главы Министерства, и не позволялъ, чтобы ему наступали на ногу. Во время Московскаго совѣщанія былъ открытъ монархическій заговоръ. Были данныя, указывавшія, что заговоръ на самомъ дѣлѣ существовалъ. Керенскій поручилъ разслѣдованіе дѣла прокурору Московской судебной Палаты Сталю, о чемъ я выше говорилъ, забывъ предупредить о семъ Заруднаго, Министра Юстиціи. Зарудному это не понравилось. Когда Сталь былъ въ Петербургѣ, они по какому-то поводу, связанному съ дѣломъ «заговора», при разговорѣ по телефону, наговорили другъ другу непріятностей, причемъ Зарудный въ разговорѣ не позволилъ себѣ ничего рѣзкаго по отношенію Сталя, а Сталь сказалъ Зарудному какую-то непозволительную дерзость. Это страшно взбѣсило Заруднаго, который потребовалъ отставки Сталя. Сталь призналъ свою вину. Дѣло окончилось тѣмъ, что Сталь формально попросилъ извиненія у Заруднаго, а Заруднаго убѣдили, что Сталя въ ту пору было нечѣмъ замѣнить и что вся исторія, если ее не затушишь, надѣлаетъ много совершенно лишняго общественнаго шума.

Другой весьма характерный для Заруднаго случай произошелъ по поводу рапорта прокурора Харьковской Судебной Палаты, бывшаго присяжнаго повѣреннаго П. Д. Шидловскаго. Когда Шидловскаго назначили прокуроромъ палаты, онъ съ первыхъ же шаговъ сдѣлалъ одну промашку. Желая ознакомить со своими служебными требованіями сослуживцевъ по прокуратурѣ, онъ обратился къ нимъ съ циркуляромъ, въ которомъ коснулся суда, отнесясь критически къ его дореволюціонной дѣятельности. Это обидѣло судей. Въ своихъ распорядительныхъ засѣданіяхъ нѣкоторые суды подвергли обсужденію циркуляръ прокурора палаты Шидловскаго и раскритиковали его, о чемъ довели до свѣдѣнія по начальству, то-есть представили о семъ министерству. Шидловскій ликвидировалъ инцидентъ тѣмъ, что написалъ второй циркуляръ, аннулировавшій значеніе перваго. Зарудный былъ крайне недоволенъ дѣйствіями Шидловскаго. Онъ сталъ относиться къ Шидловскому явно враждебно. Случилась такая исторія: Старшій предсѣдатель Харьковской Судебной Палаты Крыловъ представилъ Министру списокъ лицъ, которыя должны были получить

повыя назначенія. Въ числѣ ихъ онъ упомянулъ объ одномъ лицѣ, характеризую его приблизительно такъ: «старательный, очень давно служить и вѣроятно будетъ на мѣстѣ». Эта характеристика, если читать между строками представленія, была самая отрицательная въ отношеніи способностей служащаго. Еслибы такой чиновникъ въ будущемъ оказался на службѣ изъ рукъ вонъ плохимъ, то Крыловъ всегда могъ бы умыть въ этомъ дѣлѣ руки и сказать: я же васъ предупреждалъ, что чиновникъ этотъ только терпимъ. Рекомендуемое лицо должно было получить мѣсто судебного слѣдователя или можетъ быть даже товарища прокурора какого-то Окружнаго Суда. Съ своей стороны Шидловскій представилъ своихъ кандидатовъ на вакантныя мѣста. Онъ упомянулъ въ своемъ рапортѣ и о кандидатѣ Крылова и самымъ положительнымъ образомъ отвергалъ эту кандидатуру, заботясь о хорошемъ составѣ своихъ сослуживцевъ. Не было рѣшительно никакихъ основаній идти въ этомъ вопросѣ наперекоръ Шидловскому, такъ какъ удовлетвореніе просьбы послѣдняго нисколько бы и не обидѣло Крылова. Такъ на это смотрѣли я и Жемчужниковъ. Однако, дѣло получило неожиданный оборотъ. Я доложилъ Зарудному о положеніи кандидата Крылова, и почему дано предпочтеніе кандидату Шидловскаго. Зарудный неожиданно для меня взялъ сторону отвергаемаго лица и съ горячностью, совершенно не идущей къ дѣлу, сталъ бранить Шидловскаго и говорить, что ни одно представленіе Шидловскаго не заслуживаетъ уваженія, такъ какъ къ нему самому нельзя питать никакого довѣрія. — Онъ вычеркнулъ нашего кандидата и замѣнилъ его Крыловскимъ. Миѣ это было чрезвычайно непріятно; я боялся, что изъ этого выйдетъ исторія, что Шидловскій можетъ принять къ сердцу неисполненіе его представленія и выйдетъ въ отставку. Но дѣлать было нечего. Всѣ назначенія были Заруднымъ сдѣланы, но еще имъ не подписаны, когда самъ Зарудный вышелъ въ отставку, а я занялъ его мѣсто. Вопреки обычаю я не исполнилъ распоряженія ушедшаго Министра; кандидата Крылова я немедленно замѣнилъ кандидатомъ Шидловскаго.

Третья стычка была у Заруднаго съ прокуроромъ Петроградской Судебной Палаты Каринскимъ, бывшимъ московскимъ присяжнымъ повѣреннымъ, приглашеннымъ на службу Министромъ Переверзевымъ. Зарудный не влюбилъ Каринскаго, а послѣдній Заруднаго. Зарудный въ служебныхъ отношеніяхъ съ подчиненными всегда держался оффиціальнаго тона, то-есть какъ начальство. Онъ считалъ это принципиально необходимымъ. А прежнихъ товарищей его по сословію это раздражало; они не признавали за Заруднымъ права распоряжаться ими по своему усмотрѣнію. Они были конечно въ этомъ отношеніи достаточно неправы, ибо кто-нибудь же долженъ приказывать, если распоряженіе идетъ отъ одного лица.

Стычка Заруднаго съ Каринскимъ была очень рѣзка. Каринскій подалъ въ отставку. Зарудному такъ претило назначать въ прокуратуру товарищей по сословію, то-есть присяжныхъ повѣренныхъ, что онъ настоялъ на назначеніи прокуроромъ Петроградской Судебной Палаты бывшаго прокурора Саратовской Судебной Палаты Карчевскаго, вышедшаго изъ Саратовской прокуратуры по настоянію мѣстныхъ революціонныхъ кружковъ. Съ этой послѣдней точки зрѣнія назначеніе Карчевскаго было смѣлымъ шагомъ со стороны Заруднаго. Но Зарудный былъ очень доволенъ тѣмъ, что на посту прокурора Петроградской Судебной Палаты очутился опытный служака, а не любитель. Онъ даже выражался такъ, что въ работѣ Карчевскаго видно даже изящество.

Меня въ то время интересовало съ практической точки зрѣнія, какъ разрѣшится земельный вопросъ при разсмотрѣннн его въ центральной земельной комиссіи (или комитетѣ), гдѣ предсѣдательствовалъ уважаемый и любимый всѣми профессоръ Постниковъ. Это была обширная комиссія по своему составу. Въ ней участвовали представители различныхъ вѣдомствъ, въ томъ числѣ двое изъ Министерства Юстиціи. Одинъ изъ этихъ представителей былъ сенаторъ Семеновъ-Тянь-Шанскій. Комиссія работала совершенно самостоятельно и, хотя законовъ не издавала, но играла роль руководителя въ изданнн земельныхъ законовъ Министерствомъ Земледѣлія. Какую роль играли въ комиссіи, и играли ли ее вообще, представители Министерства — я не знаю; отчета объ этомъ никому не давалось. Выходило такъ, что чуть ли не для собственнаго удовольствія посѣщали эти комиссіи представители вѣдомствъ. Когда я вступилъ въ отправленіе должности управляющаго Министерствомъ Юстиціи, я вызвалъ къ себѣ сенатора Тянь-Шанскаго и попросилъ его періодически докладывать мнѣ, что дѣлалось въ земельной комиссіи. Въ то время Министромъ Земледѣлія былъ М. Черновъ, — человекъ по душѣ чрезвычайно самолюбивый, безцеремонный и мало считающійся съ чужими мнѣніями и съ своими товарищами по Кабинету Министровъ. Стало извѣстнымъ, что онъ ведетъ свою самостоятельную политику помимо политики земельного комитета; разсылаетъ циркуляры по провинціальнымъ земельнымъ комитетамъ, по содержанию своему иногда расходящіеся съ существующими земельными законами. Объ одномъ такомъ циркулярѣ много говорилось въ Совѣтѣ Министровъ, но министры другихъ вѣдомствъ никакъ не могли, несмотря на заявленное ими желаніе, получить отъ Чернова копію этого циркуляра. Я рѣшилъ подробнѣе ознакомиться съ тѣмъ, что дѣлаетъ Черновъ.

Не имѣя передъ собою документовъ, я не могу теперь передать сущность циркуляра Чернова и даже содержаніе той записки по поводу дѣйствій министра Чернова, которую я въ свое время разослалъ по вѣдомствамъ.

Я досталъ знаменитый циркуляръ и убѣдился въ правильности тѣхъ слуховъ, которые ходили объ этомъ циркулярѣ. Я занялся разборомъ этого циркуляра, въ чемъ мнѣ помогалъ талантливый видный чиновникъ 1-го Департамента (фамилію котораго, къ сожалѣнію, не помню). Записка моя вышла довольно обширной. Съ внѣшней стороны она была полнымъ противорѣчіемъ тому облику записокъ, которыя составлялись въ казенныхъ вѣдомствахъ. Обыкновенно въ казенныхъ бумагахъ, гдѣ критиковалось мнѣніе одного вѣдомства другимъ, употреблялись дипломатическія выраженія въ родѣ: «едва ли», «казалось бы» и проч. Въ своей запискѣ всѣ эти «едва ли», «казалось бы» я выкинулъ. Составленная мною записка по моему предложенію должна была быть разосланной по другимъ министерствамъ. Но я зналъ, что Зарудный, который весьма дорожилъ вѣдомственными традиціями, перековеркаетъ записку на старыи бюрократическій ладъ, чего мнѣ въ данномъ и столь важномъ вопросѣ особенно не хотѣлось. Я сдѣлалъ такъ: чтобы моя записка осталась въ неприкосновенности, я рѣшилъ отъ своего имени официально представить ее Министру Юстиціи съ тѣмъ, чтобы онъ уже самъ рѣшилъ ея судьбу, то-есть оставилъ бы въ томъ видѣ, въ какомъ она была написана или передѣлалъ ее по своему, или же, наконецъ, оставилъ ее безъ движенія. Моя записка въ такомъ случаѣ осталась бы въ цѣлости, хотя бы въ одномъ Министерствѣ Юстиціи. Но въ данномъ случаѣ судьба была за меня. Въ это самое время Зарудный подалъ въ отставку, и я сталъ его замѣстителемъ. Немедленно я сдѣлалъ распоряженіе о разсылкѣ

ея по вѣдомствамъ уже отъ своего имени. О моей запискѣ говорили, и я услышалъ довольно много лестныхъ для меня отзывовъ о ней. Вслѣдъ за ней я разослалъ циркуляръ прокурорамъ окружныхъ судовъ, въ которомъ требовалъ отъ нихъ особеннаго вниманія къ тому, что дѣлалось въ земельныхъ комитетахъ, дабы существующіе земельные законы ими не нарушались. Циркуляръ этотъ далъ тоже свои результаты. Комитеты стали осторожнѣе въ своихъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ. А въ Псковской губерніи, гдѣ былъ особенно энергичный прокуроръ, комитеты стали чуть ли не пустовать; члены ихъ перестали собираться, боясь привлеченія къ уголовной отвѣтственности за превышеніе власти. Все это было отмѣчено въ Министерствѣ Земледѣлія и закулисно стали говорить, что въ работѣ по разрѣшенію земельного вопроса мѣшаетъ Министерство Юстиціи. Я тогда написалъ второй циркуляръ, въ которомъ указывалъ прокуратурѣ, что она не должна быть особенно рьяной въ преслѣдованіяхъ нарушителей закона, что она должна имѣть въ виду, что нарушители законовъ дѣйствуютъ согласно предписаніямъ, даннымъ имъ свыше, но что прокуратура не лишена права привлекать къ отвѣтственности интеллектуальныхъ виоениковъ въ совершеніи беззаконія. Такимъ образомъ прокуратура получила право добраться до самыхъ верховъ Министерства Земледѣлія. Циркуляръ этотъ былъ составленъ, но я не помню — успѣлъ ли онъ быть разосланъ.

Моя записка о земельномъ вопросѣ почему-то сильно задѣла предсѣдателя земельной комиссіи профессора Постникова. Онъ явился ко мнѣ въ Министерство и сказалъ мнѣ, что въ запискѣ все правильно изложено и правильны ея выводы, но что не слѣдовало ее разсылать, предварительно не ознакомивъ его съ содержаніемъ записки. «За что вы на старости лѣтъ пожелали предать меня суду?» — сказалъ бѣдный Постниковъ. Конечно, почтенный А. С. Постниковъ былъ неправъ, сдѣлавъ такое заключеніе; записка абсолютно не касалась дѣятельности земельной комиссіи, гдѣ онъ предсѣдательствовалъ, и я былъ радъ, что при бесѣдѣ съ Постниковымъ присутствовалъ Г. Д. Скарятинъ, который съ своей стороны подтвердилъ ему, что земельная комиссія и онъ, Постниковъ, абсолютно не затронуты въ запискѣ, дѣло касалось Министерствъ и Министра, не желавшаго считаться съ законами и стремившагося дѣйствовать по-диктаторски самостоятельно.

Передъ уходомъ въ отставку Зарудный передалъ мнѣ дѣла. Между прочимъ онъ сказалъ мнѣ: «На твоемъ мѣстѣ я непременно бы уничтожилъ отдѣлъ контръ-развѣдки при Министерствѣ». Я уже упоминалъ, какъ Зарудный относился къ этому отдѣлу. Почему онъ самъ этого не сдѣлалъ въ бытность свою Министромъ, я не знаю и объясняю это только тѣмъ, что онъ не успѣлъ. По существу я вполнѣ сочувствовалъ въ этомъ вопросѣ Зарудному и потому въ первую же голову рѣшился заняться этимъ отдѣломъ. Въ тотъ же день «все дѣло» я взялъ къ себѣ на домъ. Ознакомившись съ нимъ, я убѣдился, насколько правъ былъ Зарудный. Не было ни закона, ни постановленія властей объ учрежденіи отдѣла контръ-развѣдки, было только одно распоряженіе со стороны Совѣта Министровъ: выдать на расходы по контръ-развѣдкѣ Министру Юстиціи Переверзеву 100.000 рублей — и больше ничего. Какую-то инструкцію по веденію дѣла въ контръ-развѣдкѣ составлялъ или, можетъ быть, вѣриѣе, намѣревался составить Переверзевъ. Какія-то данныя въ этомъ смыслѣ, помнится, въ дѣлѣ были. Я уже указалъ, что завѣдующій контръ-развѣдкой Мироновъ

васадилъ въ тюрьму челоуѣкъ десять, не знавшихъ, за что они снядгъ. Въ день назначенія меня управляющимъ Министерствомъ ко мнѣ приходила хлопотать за мужа, молодого офицера Сумарокова, жена его, завѣрявшая меня, что не только нѣтъ никакихъ данныхъ обвинять ея мужа въ контръ-революціи, но что даже и сплетень по этому поводу не можетъ быть никакихъ. Ея ходатайство объ освобожденіи мужа поддерживалъ матросъ Баткинъ, который былъ свидѣтелемъ ареста Сумарокова. Я убѣдился, что незаконность существованія контръ-развѣдки была настолько ясна, что, не уничтоживъ ея, впослѣдствіи нельзя было бы раздѣлаться съ запросами парламента по поводу ея существованія. Я немедленно вызвалъ къ себѣ Миронова и въ присутствіи товарища Министра Вальца попросилъ его изложить мнѣ, какія дѣла по развѣдкѣ находятся въ данный моментъ у него въ производствѣ, кого и за что онъ посадилъ въ тюрьму и сколько времени эти лица сидятъ уже въ заключеніи. Оказалось, никакихъ определенныхъ дѣлъ у Миронова въ производствѣ не имѣется, что публику подъ арестъ онъ посадилъ только по подозрѣнію и что нѣкоторыя лица сидятъ уже довольно долго безъ допроса. Такъ какъ я велъ бесѣду въ качествѣ Министра Юстиціи, то-есть совершенно оффиціальнымъ тономъ, то, какъ генералъ-прокуроръ, выразилъ Миронову свое неудовольствіе по поводу того, что онъ вопреки строгому требованію революціоннаго времени держитъ людей подъ арестомъ, не допрашивая ихъ. Задѣтый моимъ замѣчаніемъ за живое «революціонеръ» Мироновъ объяснилъ мнѣ, что онъ заваленъ работой, которую ведетъ по необходимости одинъ, ибо всѣ его сослуживцы забастовали. Тогда я вповѣ тѣмъ же оффиціальнымъ тономъ замѣтилъ ему, что онъ поступаетъ неправильно, если своевременно не доводитъ до свѣдѣнія начальства о существующемъ въ его отдѣлѣ безпорядкѣ. Я потребовалъ затѣмъ немедленнаго выпуска всѣхъ заключенныхъ изъ тюрьмы, а когда Мироновъ указалъ, что ему еще надо допросить нѣкоторыхъ изъ нихъ, я ему сказалъ, чтобы, въ случаѣ надобности, допросъ этотъ онъ произвелъ путемъ вызова къ себѣ заподозрѣнныхъ повѣстками, поручившись вмѣстѣ съ тѣмъ, что ни одинъ изъ послѣднихъ отъ явки не уклонится. «Когда же я долженъ ихъ освободить?» спросилъ Мироновъ. — «Немедленно, и объ освобожденіи ихъ донести мнѣ вечеромъ, являсь въ Зимній Дворецъ и вызвавъ меня изъ засѣданія Совѣта Министровъ».

Все было исполнено, какъ я сказалъ. Мироновъ вечеромъ для доклада мнѣ пріѣзжалъ въ Зимній Дворецъ. А на другой день утромъ контръ-развѣдка при Министерствѣ Юстиціи была мной совсѣмъ ликвидирована, о чемъ я довелъ до свѣдѣнія Совѣта Министровъ. Я считалъ себя въ этомъ отношеніи совершенно свободнымъ, такъ какъ не былъ связанъ закономъ объ учрежденіи ея. Въ числѣ освобожденныхъ былъ Пуришкевичъ, который сдѣлалъ мнѣ затѣмъ вмѣстѣ со своей женой визитъ въ Министерство. Конечно, Пуришкевичъ былъ у меня на пріемъ крайне взволнованъ, и когда онъ говорилъ со мной, у него были на глазахъ слезы. Я былъ съ Пуришкевичемъ во 2-ой Государственной Думѣ, но никогда не велъ съ нимъ знакомства. Впослѣдствіи мнѣ рассказали, что бѣдствія Пуришкевича при Временномъ Правительствѣ не кончились моимъ выпускомъ его изъ заключенія. Его, какъ я слышалъ, арестовала городская милиція по приказу городского комиссара Роговскаго, который, какъ говорили, отдавалъ приказъ объ его арестѣ, выразился, что Министру Юстиціи надо еще показать, какъ освобождать изъ-подъ ареста такихъ лицъ, какъ Пуришкевичъ. Какъ только я объ этомъ узналъ, я далъ распоряженіе прокурору палаты Карчевскому разслѣдовать это дѣло, и если выяснится, что Пуришкевичъ дѣйстви-

тельно арестованъ по приказу Роговскаго, то немедленно начать дѣло по обвиненію послѣдняго въ превышеніи власти. Въ концѣ концовъ, Пуришкевичъ оказался на свободѣ, но что сдѣлалъ Карчевскій по данному мною ему распоряженію — такъ мнѣ и не пришлось узнать.

Вышеупомянутый Мироновъ служилъ по контръ-развѣдкѣ и при Военномъ Министерствѣ. Послѣ удаленія его изъ Министерства Юстиціи его удалили и изъ Военнаго Министерства.

Что это былъ за человекъ? Вышнее впечатлѣніе Мироновъ производилъ хорошее. Хорошо отзывался о немъ и Савишковъ. Вѣроятно, это былъ человекъ убѣжденный, то-есть вѣрилъ въ то дѣло, за которое брался. Но вспоминая его, я не буду удивленъ, если узнаю, что это былъ не вполне нормальный человекъ. Такъ тогда мнѣ казалось.

До назначенія меня управляющимъ Министерствомъ я былъ въ Совѣтѣ Министровъ всего, какъ мнѣ помнится, одинъ разъ, когда меня взялъ туда Зарудный. Многие Министры приходили въ засѣданіе Совѣта въ сопровожденіи своихъ товарищей, но товарищи, имѣя право высказываться, не участвовали, однако, по общему порядку въ голосованіи. Теперь я вступилъ въ Совѣтъ съ правомъ голоса. Въ Совѣтѣ Министровъ, какъ и въ Маломъ Совѣтѣ, рассылались членамъ Совѣта повѣстки съ обозначеніемъ дѣлъ, подлежащихъ обсужденію. Но во время засѣданій порядокъ дѣлъ часто измѣнялся, если встрѣчалась надобность обсудить какой либо экстренный вопросъ. Само собою разумѣется, мнѣ было весьма интересно принимать непосредственное участіе въ отвѣтственной работѣ Совѣта. Для предварительнаго ознакомленія съ дѣлами Совѣта я употребилъ тотъ же пріемъ, какъ и для изученія дѣлъ Малаго Совѣта, то-есть просилъ чиновника Министерства Юстиціи Гепнера помочь мнѣ въ этомъ дѣлѣ, чтобы я былъ технически болѣе натасканъ. Участіе Гепнера при изученіи подлежащихъ разсмотрѣнію Совѣта дѣлъ принесло мнѣ большую пользу.

Керенскій въ качествѣ предсѣдателя Совѣта ввелъ въ немъ свой порядокъ въ обсужденіи дѣлъ. Онъ строго наблюдалъ за тѣмъ, чтобы члены Совѣта не обращались другъ къ другу, какъ старые знакомые между собой, называя другъ друга по имени и отчеству, а непременно «Г. Министръ такой-то». Онъ наблюдалъ за тѣмъ, чтобы никто не уходилъ изъ Совѣта, не предупредивъ его, а если кто либо безъ предупрежденія уходилъ, то онъ громко спрашивалъ: «Г. Министръ такой-то, — позвольте узнать основанія Вашего ухода». Это нѣсколько напоминало нѣкое обращеніе. Лично я не придавалъ бы значенія обращенію между собою Министровъ по имени и отчеству. Соблюденіе строгихъ обычаевъ обыкновенно на сути дѣла не отражается; порядокъ въ обсужденіи дѣлъ можетъ быть образцовымъ въ средѣ самыхъ близкихъ друзей, если ведетъ засѣданіе опытный руководитель. Керенскій былъ, на мой взглядъ, умѣлымъ предсѣдателемъ. Въ то время, когда я сталъ посѣщать засѣданія Совѣта, замѣстителемъ Керенскаго былъ Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Терещенко, преемникъ Некрасова. Терещенко точно также строго соблюдалъ обычай обращенія между собою членовъ Совѣта, введенный Керенскимъ; даже поправлялъ Министровъ, если они называли его не «господинъ замѣститель предсѣдателя Совѣта», а «Г. Министръ Иностранныхъ Дѣлъ». Это уже казалось мнѣ совершенно излишней мелочностью. Въ мое время засѣданія подъ предсѣдательствомъ Терещенко происходили довольно часто, такъ какъ Керенскій

въ качествѣ Верховнаго Главнокомандующаго бывалъ нерѣдко въ разъѣздахъ. Дѣла въ Совѣтѣ было конечно огромное количество; дѣла, которыя не носили принципиальнаго характера и не требовали для разрѣшенія ихъ изданія новаго закона или же не нуждались въ плеарномъ обсужденіи, разсматривались обыкновенно по утрамъ, когда собирались министры или вызванныя на утро Керенскимъ, или же по собственной инициативѣ. Образцоваго порядка въ веденіи дѣла на утреннихъ засѣданіяхъ не наблюдалось. Часто возбуждались вопросы, которые оставались висѣть въ воздухѣ. Ипой разъ давалось порученіе, разработать извѣстный вопросъ, а затѣмъ распоряженіе это на другой день отменялось. Общій же духъ того, что дѣлалось въ самомъ Совѣтѣ, можно опредѣлить такъ: требовалось найти общую формулу, удовлетворяющую болѣе или менѣе всѣхъ, которая являлась бы выраженіемъ того, что требовалось въ данный моментъ рѣшить. Какъ только такая формула бывала найдена, дѣло считалось сдѣланнымъ, и переходили къ разсмотрѣнію слѣдующаго вопроса. Для формулировки рѣшенія въ Совѣтѣ нуженъ былъ быстрый разумъ и умѣніе понимать другихъ. Этой способностью обладалъ въ достаточной мѣрѣ замѣститель Керенскаго, Терещенко.

Я сталъ управляющимъ Министерствомъ Юстиціи въ то время, когда не былъ еще учрежденъ Совѣтъ Республики. При мнѣ засѣдалъ въ Александринскомъ театрѣ Демократическій Съѣздъ. Мысль о необходимости имѣть постоянное, хотя и несовершенное по формѣ, народное представительство была уже у многихъ на умѣ. Помню, что Терещенко въ одномъ изъ утреннихъ съ нимъ свиданій сказалъ мнѣ, что хорошо было бы, если бы Министерство Юстиціи составило проектъ положенія о постоянномъ съѣздѣ представителей народа при Временномъ Правительствѣ. Сказано это было не въ формѣ опредѣленнаго порученія. Я, однако, немедленно занялся этимъ дѣломъ, боясь, что мнѣ скажутъ затѣмъ, что работа эта — не къ спѣху или вовсе не нужна, а я стоялъ душою за учрежденіе такого органа. Проектъ былъ составленъ, и о томъ, что онъ уже готовъ, стало немедленно извѣстно въ печати. Ко мнѣ явились представители ея съ просьбой дать матеріалы для опубликованія. Я согласился, и о моемъ проектѣ былъ данъ подробный отчетъ въ газетахъ; какъ помнится, въ формѣ бесѣды со мной. Составленное затѣмъ Временнымъ Правительствомъ положеніе Совѣта Республики (я стоялъ противъ такого названія, ибо считалъ его забѣганіемъ впередъ, и безъ нужды) разнился нѣсколько съ моимъ проектомъ; оно было, кстати сказать, выработано безъ участія Министра Юстиціи.

Безъ особаго приглашенія я не ѣздилъ на утреннія засѣданія Совѣта Министровъ. Я, однако, замѣтилъ, что юристъ всегда былъ полезенъ въ этихъ совѣщаніяхъ. Спустя только нѣкоторое время, я узналъ, что я всегда могъ по собственному усмотрѣнію являться въ Зимній Дворецъ по утрамъ и что это считалось даже желательнымъ. Но обычая этого я не зналъ, соваться впередъ не хотѣлъ, а Зарудный мнѣ ничего не передавалъ объ этомъ обыкновеніи. Самъ онъ, вѣроятно, тоже безъ приглашенія на такія засѣданія не ѣздилъ.

Однажды ко мнѣ на пріемъ явился генералъ кн. Долгорукій и рассказалъ мнѣ слѣдующее: Отправляясь съ сѣвернаго фронта въ отпускъ, онъ былъ по дорогѣ арестованъ какой-то военной политической организаціей, въ составъ которой входили и матросы, по подозрѣнію въ контръ-революціи. Изъ-подъ ареста онъ былъ освобожденъ Керенскимъ, который обѣщалъ передать разслѣдо-

ваніе дѣла о немъ прокурорскому надзору и при условіи, что представители организаціи будутъ присутствовать при предварительномъ слѣдствіи по этому дѣлу. Генераль Долгорукій былъ освобожденъ, и дѣло о немъ поступило къ слѣдователю. Но о представителяхъ организаціи тогда забыли. Слѣдователь объ обѣщаніи Керенскаго даже не зналъ. Дѣло же о генералѣ было прекращено за отсутствіемъ уликъ. Но генерала организація не забыла. Ки. Долгорукій находился въ крайнемъ безпокойствѣ. Онъ боялся всякихъ осложненій, вплоть до лишенія вновь свободы насильственнымъ путемъ. Онъ выразилъ желаніе ради своего спокойствія, чтобы о немъ было произведено новое разслѣдованіе. Мнѣ же эта исторія была до крайности неприятна; я былъ недоволенъ Керенскимъ за то, что онъ допустилъ съ своей стороны обѣщаніе, по существу совершенно невозможное, и за то, что если ужъ допустилъ его, то не позаботился своевременно объ его исполненіи. Теперь же приходилось въ угоду бессмысленной черни и изъ-за самолюбія неудовлетворенныхъ лицъ дѣлать что-то явно незаконное и что-то, что по существу своему показывало недоверіе къ суду. Генералу Долгорукому я это высказалъ. Когда же пришли ко мнѣ «представители» — двое матросовъ и студентъ (очень смиренный и неглупый молодой человѣкъ), — то я и имъ объяснилъ, что желаніе ихъ не подлежало бы вовсе удовлетворенію, не будь слова, даннаго имъ первымъ представителемъ власти; но предупредилъ ихъ, что о пересмотрѣ дѣла вообще не можетъ быть и рѣчи. Матросы было заволновались, а одинъ изъ нихъ, размахивая руками, сталъ говорить, что они взяли на себя порученіе отъ товарищей добиться пересмотра дѣла. Я замѣтилъ ему, что ему не слѣдовало брать на себя такихъ порученій. Помнится, что я сказалъ: «такого нелѣпаго порученія». Юноша студентъ сталъ умирать своего пылкаго товарища. Такъ какъ дѣло было спѣшное, то я просилъ ихъ явиться ко мнѣ вечеромъ на квартиру узнать окончательный отвѣтъ. Керенскаго я повидаль. Онъ былъ, повидимому, нѣсколько сконфуженъ происшедшимъ и просилъ меня сдѣлать что-нибудь, что могло бы успокоить явившуюся ко мнѣ депутацію. Онъ сказалъ, что дѣйствительно онъ обѣщаль организаціи участіе ея въ разслѣдованіи дѣла Долгорукаго. Нужно было спасти престижъ Керенскаго. Я рѣшилъ сдѣлать такъ — пригласить въ Министерство представителей организаціи, князя Долгорукаго, судебного слѣдователя, который велъ по дѣлу предварительное слѣдствіе, и товарища прокурора, изъ вѣдѣній коего находилось дѣло, и ознакомить представителей съ содержаніемъ предварительнаго слѣдствія. Вечеромъ ко мнѣ на квартиру явились представители. Вновь матросы заволновались и стали увѣрять, что такой способъ завершенія дѣла не можетъ ихъ удовлетворить. Это меня до того взбѣсило, что я, что со мной почти никогда не бывало, сталъ на нихъ кричать и стучать кулакомъ по столу. Я заявилъ имъ, что если они не удовлетворятся тѣмъ, что я имъ предлагаю, я покончу переговоры немедленно и что съ такимъ моимъ заявленіемъ они могутъ отправиться къ посланнымъ ихъ. Врядъ ли, однако, «товарищи» особенно ясно понимали разницу между новымъ разслѣдованіемъ дѣла и ознакомленіемъ съ матеріалами уже законченнаго судебного слѣдствія. Дѣло кончилось благополучно. Они на все согласились. На другой день въ министерство явился отъ нихъ только одинъ смиренный посланецъ студентъ, который радъ былъ поскорѣе покончить съ пустой формальностью, то-есть выслушать то, что ему прочиталъ судебный слѣдователь. Онъ поспѣшилъ уйти изъ моего кабинета.

Разсказываю это, какъ картину тогданнихъ правительственныхъ нравовъ.

Къ этому времени относится и мое дѣло съ Троцкимъ. Какъ я говорилъ уже, Троцкій былъ привлеченъ къ уголовной отвѣтственности по дѣлу о большевикахъ. Но событіе, въ которомъ онъ принималъ участіе, стояло во всемъ дѣлѣ совершенно особнякомъ. Его обвиняли, и это было исключительно одно обвиненіе, въ томъ, что, будучи на какомъ-то собраніи рабочихъ въ Народномъ Домѣ, онъ произнесъ зажигательную рѣчь, призывая къ убійству Керенскаго. Сообщение объ этомъ сдѣлали двое офицеровъ, якобы слышавшихъ эту рѣчь. Троцкаго арестовали. Онъ полностью отрицалъ взводимое на него обвиненіе. Былъ допрошенъ рядъ свидѣтелей, постороннихъ Троцкому, участвовавшихъ въ собраніи, которые мало того, что отрицали приписываемыя Троцкому слова, но показали, что Троцкій старался наоборотъ успокоить расходившуюся тогда толпу. Никакихъ призывовъ онъ тогда вообще не дѣлалъ. Сообщалъ мнѣ о ходѣ предварительнаго слѣдствія прокуроръ Палаты Карчевскій, сказавъ, что Троцкаго въ тюрьмѣ по такому обвиненію держать абсолютно нельзя. Я отлично понималъ, что судебная слѣдственная власть не рѣшится, хотя имѣетъ право, совершенно самостоятельно рѣшать такой вопросъ, выпустить на волю такую птицу, какъ Троцкій, безъ благословенія свыше. Это благословеніе я ей и далъ. Однако, я понималъ, что освобожденіе Троцкаго изъ-подъ ареста вредно. Поэтому я попросилъ предварительно освобожденія Троцкаго доставить мнѣ весь слѣдственный матеріалъ, его касающійся, и ознакомился съ нимъ подробно. Освобожденнаго Троцкаго встрѣтили въ Совѣтѣ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ съ триумфомъ. А въ тотъ же день управляющій дѣлами Совѣта Министровъ — Гальпернъ предупредилъ меня, что въ вечернемъ засѣданіи Совѣта Министровъ у меня попросятъ объясненія по дѣлу Троцкаго. Я этого ожидалъ, и предупрежденіе Гальперна не застало меня врасплохъ. Въ Совѣтѣ во время засѣданія я получилъ записку сначала отъ Гальперна, который вновь предупреждалъ меня о готовящемся запросѣ, а затѣмъ получилъ записку и со стороны Терещенко, предсѣдательствовавшего тогда въ Совѣтѣ. Объясненіе мнѣ предстояло сдѣлать въ концѣ засѣданія, когда вопросы по повѣсткѣ будутъ исчерпаны. Я далъ свое объясненіе въ твердомъ тонѣ. Я рассказалъ, въ чемъ заключается обвинительный матеріалъ по дѣлу Троцкаго, объяснилъ, что опредѣленіе объ освобожденіи Троцкаго изъ-подъ ареста дано судебно-слѣдственной властью, что авторитетъ ея долженъ быть во всякомъ случаѣ поддержанъ, что по существу она въ данномъ дѣлѣ совершенно права, сказалъ далѣе, что Министерство Юстиціи должно всегда стоять на стражѣ закона и не допускать, чтобы его могли не только обвинять, но даже подозрѣвать въ томъ, что по его распоряженію могутъ содержать людей въ тюрьмѣ по однимъ лишь политическимъ соображеніямъ, что во всякомъ случаѣ я, пока буду во главѣ Министерства, этого никогда не допущу. Объясненія мои были приняты благосклонно. Многіе говорили мнѣ, что они вполне раздѣляютъ мою точку зрѣнія и что запросъ не имѣлъ другой цѣли, какъ ознакомленіе съ дѣломъ. Одинъ только Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Никитинъ (московскій присяжный повѣренный, по партіи социаль-демократъ) мимоходомъ замѣтилъ, что о выпускѣ на волю Троцкаго нужно было предупредить Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, что таково было соглашеніе съ Министерствомъ Юстиціи, когда дѣло касалось замѣтнаго лица. Никитинъ былъ въ извѣстномъ смыслѣ правъ; но я лично не зналъ, что существовало такое соглашеніе, о чемъ долженъ былъ меня въ свое время предупредить Зарудный, чего онъ не сдѣлалъ. Я виноватъ только, что не догадался, по собственному почину, предупредить Никитина. Но никто не мѣшалъ Ники-

тину, какъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ, сдѣлать, если онъ находилъ это нужнымъ, распоряженіе о повомъ арестѣ Троцкаго въ административномъ порядкѣ. На его мѣстѣ я бы это сдѣлалъ и не побоялся бы сдѣлать этого.

Когда въ Совѣтѣ ставился на обсужденіе какой либо земельный вопросъ, то сейчасъ же среди членовъ Совѣта проявлялось первое настроеніе и не потому, что самъ вопросъ по существу былъ чрезвычайно острый, а вслѣдствіе того, что онъ вносился Министромъ Земледѣлія Черновымъ, который въ Совѣтѣ не пользовался ни любовью, ни довѣріемъ. Я выше говорилъ о безцеремонности, съ какой Черновъ обращался съ законами, но онъ еще умѣлъ вносить страшную путаницу въ самое обсужденіе вопроса. Черпову ничего не стоило въ любой моментъ измѣнять текстъ вносимаго имъ закона либо послѣ того, какъ самъ усмотритъ въ немъ недостатки, либо послѣ замѣтки, сдѣланной другими. Слушатели весьма часто не знали, какой текстъ закона обсуждался въ данный моментъ. Начинали возражать, а въ отвѣтъ слышали: «да вы возражаете противъ текста, который уже измѣненъ». Конечно, нельзя было соблюдать порядка при такомъ способѣ обсужденія законовъ. Обсужденіе вопроса откладывалось для предварительной заготовки новаго неоспореннаго текста закона. Это въ свою очередь раздражало Чернова. Помню, что однажды члены Совѣта стали говорить очень нервно по адресу Чернова, что вызвало со стороны предсѣдателя Керенскаго замѣчаніе, что какъ только приступаютъ къ обсужденію вносимыхъ Черновымъ законоположеній, то члены Совѣта безпричинно волнуются. Это замѣчаніе справедливо не всѣмъ понравилось, и Министръ Народнаго Просвѣщенія Ольденбургъ просилъ Керенскаго такихъ замѣчаній впредь не дѣлать. Я не помню, чтобы при мнѣ прошелъ въ Совѣтѣ хотя бы одинъ Черновскій законопроектъ.

Засѣданія Совѣта Министровъ происходили ежедневно. Собирались къ 8 часамъ вечера и засиживались сплошь и рядомъ до 2—3 часовъ ночи. Можно себѣ представить, до какого утомленія доходили министры, работавшіе съ утра. Оберъ-прокуроръ Синода Карташевъ отъ усталости иногда закрывалъ глаза. Въ Совѣтѣ Керенскій доминировалъ. Почему это было такъ, можетъ быть объяснено лишь тѣмъ, что министры ничего не хотѣли дѣлать безъ благословенія Керенскаго; министры преклонялись передъ популярностью послѣдняго, и этой популярности приносили жертвы во вредъ дѣлу. Само собой разумѣется, такое отношеніе избаловало Керенскаго. Я не могу забыть такого эпизода. Изъ всего состава Временнаго Правительства, избраннаго въ первую очередь, остались только двое — Керенскій и Терещенко. Терещенко тоже пожелалъ уйти, о чемъ и заявилъ въ Совѣтѣ. Его стали уговаривать остаться (каковыя уговоры окончились усѣбно). Керенскій съ прерывающимся отъ волненія голосомъ, въ которомъ слышались ноты рыданія, упрекнулъ Терещенко, что онъ его покидаетъ, тогда какъ обѣщалъ не разставаться съ нимъ до послѣдняго момента. И вотъ, что сказалъ Керенскій, что меня поразило: «Вы уйдете — кого же я найду въ замѣстители вамъ. Я лично, вы это должны знать, не имѣю возможности принять въ свое вѣдѣніе Министерество Иностранныхъ Дѣлъ». Выходило такъ, по словамъ Керенскаго, что онъ одинъ способенъ управляться съ любимымъ дѣломъ, на него возложеннымъ. Ему даже въ голову не пришла

простая мысль: — а признаютъ ли его самого годнымъ на эту роль. Нужно сказать, что въ словахъ Керенскаго отнюдь не было слышно самомиѣніе, а изрекалось нѣчто въ родѣ истины, о чемъ и задумываться не приходится. Такая самооцѣнка явилась на мой взглядъ результатомъ отношенія къ Керенскому со стороны тѣхъ, съ кѣмъ ему въ послѣднее время приходилось сталкиваться. А что это было во вредъ дѣлу, я приведу тому доказательство. Оно тоже относится къ тому времени, когда Терещенко, оставаясь Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ, уступилъ свое мѣсто замѣстителя предсѣдателя въ Совѣтѣ А. Ив. Коновалову.

Послѣ разсмотрѣнія дѣлъ по повѣсткѣ, было заявлено Коноваловымъ, что въ закрытомъ засѣданіи Совѣта будетъ сдѣланъ докладъ Морскимъ Министромъ Вердеревскимъ о событіяхъ на фронтѣ. Въ закрытыхъ засѣданіяхъ Совѣта могли принять участіе лишь одни Министры. Товарищи министровъ и вся канцелярія Совѣта покидала залъ. Морской Министръ Вердеревскій сообщилъ, что взбунтовавшіеся въ г. Выборгѣ матросы утопили и убили массу офицерства. Онъ спрашивалъ, что же дѣлать? Началось обсужденіе. Я высказалъ слѣдующее мнѣніе — другого способа нѣтъ, какъ послать въ Выборгъ вѣрныя войска и флотъ и поступить съ матросами, какъ съ врагами, что передать въ данный моментъ дѣло суду совершенно невозможно, даже по фактическимъ соображеніямъ: взбунтовавшіеся матросы не во власти начальства. Я не исключалъ судъ, но лишь послѣ того, какъ всѣ бунтари будутъ взяты либо въ плѣнъ, либо сами сдадутся, либо будутъ выданы властямъ. Помню, я спросилъ у Военнаго Министра Верховскаго, есть ли у него вѣрныя войска, и когда онъ могъ бы ихъ послать. Быстрый на слова Верховскій немедленно отвѣтилъ, что войска онъ доставитъ въ Выборгъ на третій отъ сего числа день. Но затѣмъ, послѣ переговоровъ, оказалось, что послать войска и флотъ можно лишь черезъ Главнокомандующаго Сѣвернаго фронта, отъ котораго долженъ исходить такой приказъ, чего сразу не сообразилъ Верховскій. Было постановлено поручить Коновалову сообщить Главнокомандующему Сѣвернаго Фронта о состоявшемся постановленіи Совѣта послать въ Выборгъ флотъ и войска для усмиренія взбунтовавшихся. На другой день вечеромъ вновь собралось закрытое засѣданіе Совѣта. Коноваловъ объяснилъ, что онъ не смогъ исполнить порученіе Совѣта, такъ какъ не удалось вызвать къ аппарату находившагося въ Ставкѣ Керенскаго. Оказалось, что Керенскій заболѣлъ (былъ у него жаръ чуть не до 40 градусовъ, свалившій его въ постель) и что онъ до сего времени все еще боленъ. Я замѣтилъ, что А. Ив. Коновалову дано было порученіе говорить не съ Керенскимъ, а съ Главнокомандующимъ Сѣвернаго фронта, что было дано порученіе не ознакомить Ставку съ содержаніемъ постановленія Совѣта, а сообщить для исполненія приказъ Совѣта. Все это было принято во вниманіе и не вызвало возраженій. Но затѣмъ Вердеревскій сообщилъ Совѣту о взятіи пѣмцами острова Эзеля, о томъ, что это взятіе подѣйствовало на умы войска и флота положительнымъ образомъ, что нужно ждать взрыва патріотизма, что посему въ данный моментъ опасно затѣвать что либо, что могло бы возбудить неудовольствіе войскъ и флота и что, по его мнѣнію, Выборгскую исторію въ данный моментъ не выгодно поднимать. Безъ дальнѣйшихъ комментарій скажу, что Совѣтъ такъ и сдѣлалъ, какъ предлагалъ Вердеревскій. Но въ чемъ тутъ виноватъ «безвольный» Керенскій? Безвольнымъ былъ Совѣтъ безъ Керенскаго.

Къ этому времени относится исторія Керенскаго съ генераломъ Корниловымъ, которая послужила поводомъ къ многочисленнымъ обвиненіямъ Керенскаго. Благодаря главнымъ образомъ этой исторіи имя Керенскаго стало для многихъ въ Россіи ненавистнымъ. Относится явно отрицательно къ Керенскому стало вдругъ какъ бы признакомъ правильности пониманія русской внутренней политики. Представители Добровольческой Арміи чуть ли не открыто говорили о своемъ правѣ повѣсить Керенскаго, если онъ появится среди арміи. Такова была ненависть къ Керенскому.

Мнѣ, какъ управляющему Министерствомъ Юстиціи, пришлось ознакомиться съ данными этого событія по матеріаламъ, имѣвшимся въ рукахъ Главнаго Военнаго Прокурора Шабловскаго, которому было поручено разслѣдованіе этого дѣла. Оговариваюсь, что пишу по памяти, не имѣя возможности провѣрить себя опросомъ другихъ лицъ, соприкасавшихся съ дѣломъ. Записки Керенскаго по поводу дѣла съ Корниловымъ у меня въ рукахъ не было, и до сего времени я съ нею не знакомъ. Допуская однако же возможность ошибки въ сообщаемыхъ мною деталяхъ событія, я полагаю все же, что рассказъ мой въ дѣломъ соотвѣтствуетъ истинѣ.

Шабловскій при разслѣдованіи дѣла былъ очень недоволенъ той ролью, которую сыгралъ въ ней Керенскій. Однако, онъ не защищалъ и генерала Корнилова. Лично я, не будучи знакомъ съ Корниловымъ, относился къ нему не особенно дружелюбно, вѣрнѣй съ нѣкоторой досадой на него по обстоятельствамъ, можетъ быть, съ внѣшней стороны весьма мало важнымъ. Это недружелюбное отношеніе къ нему связывалось у меня въ душѣ всегда съ какой-то жалостью къ нему. Мнѣ было какъ-то обидно за него, что онъ самъ умалываетъ свое достоинство, ибо вся его карьера доказывала высоту его души и любовь къ Россіи. Вотъ, что въ немъ мнѣ не нравилось. Московское Государственное Совѣщаніе уже засѣдало въ Москвѣ; въ немъ долженъ былъ принять участіе и Корниловъ. Онъ, однако, къ открытію засѣданія опоздалъ, пріѣхавъ съ фронта, кажется, на второй день засѣданія совѣщанія. Онъ въѣхалъ въ Москву какъ-то особенно торжественно, сопровождаемый эскортомъ конницы. Съ поѣзда онъ поѣхалъ не прямо въ совѣщаніе, гдѣ его ждали, а сначала къ Иверской. Такой способъ появленія мнѣ не нравился, ибо я видѣлъ въ немъ нѣкоторую демонстрацію, желаніе понравиться народу, то-есть создать себѣ особаго рода популярность. Въ этомъ я увидѣлъ, что онъ не искрененъ, себѣ на умѣ. Оговариваюсь, однако, что таково было только мое личное впечатлѣніе, и я бы легко отъ него отказался, еслибы мнѣ представили доказательства моего ошибочнаго впечатлѣнія. Во всякомъ случаѣ такое впечатлѣніе о Корниловѣ у меня тогда создалось.

Исторія же Керенскаго съ Корниловымъ такова: Изъ Ставки Корнилова пріѣхалъ въ Петербургъ къ Керенскому бывший прокуроръ Свят. Синода Львовъ. Онъ сообщилъ Керенскому приблизительно слѣдующее: въ Ставкѣ открыто готовятся къ совершенію coup d'état — смѣнить существующую власть и образовать новое правительство во главѣ съ генераломъ Корниловымъ. Львовъ добавилъ, что Корниловъ вообще противъ него, Керенскаго, ничего не имѣетъ и готовъ оставить его въ кабинетѣ въ качествѣ Министра Юстиціи, но что если Керенскій поѣдетъ въ Ставку къ Корнилову (куда на самомъ дѣлѣ онъ въ то время собирался), то тамъ его арестуютъ. Вотъ, что сообщилъ Керенскому Львовъ, и никому тогда въ голову не могло прийти, что Львовъ, бывший прокуроръ Свят. Синода, могъ наговорить Керенскому чистѣйшаго, выдуманнаго

изъ головы вздора. Керенскому не было основанія не вѣрить Львову. Оставалось лишь провѣрить его слова для установленія виновности Корнилова. Керенскій рѣшилъ переговорить лично съ Корниловымъ по прямому проводу съ тѣмъ, чтобы при его бесѣдѣ присутствовалъ и Львовъ. Былъ назначенъ часъ для этой бесѣды, о чемъ Корниловъ былъ предупрежденъ. Въ назначенный часъ Керенскій былъ на мѣстѣ, а Львовъ запоздалъ. Нетерпѣливый Керенскій не могъ дожидаться прихода Львова и началъ свои переговоры съ Корниловымъ до его прихода, причемъ сдѣлалъ недопустимую ошибку, сказавъ Корнилову, что при ихъ бесѣдѣ присутствуетъ и Львовъ. Затѣмъ онъ сдѣлалъ другой непростительный промахъ, граничащій съ крайнимъ легкомысліемъ, на каковой Корниловъ отвѣтилъ идентичнымъ же: Керенскій спросилъ Корнилова, правда ли то, что говорилъ ему Львовъ, причемъ не сказалъ ему того, что именно говорилъ ему Львовъ. Корниловъ съ своей стороны не спросилъ Керенскаго о томъ, что же такое сказалъ ему Львовъ. Корниловъ передалъ ему, что онъ дѣйствительно ждетъ его къ себѣ въ Ставку и что, если Львовъ ему это передалъ, то это правда. Керенскій, усматривая въ словахъ Корнилова подтвержденіе сообщенія Львова, въ качествѣ Верховнаго Главнокомандующаго, приказалъ Корнилову подать въ отставку и, если не ошибаюсь, явиться въ Петербургъ. Далѣе послѣдовала уже не ошибка со стороны Корнилова, а уже дѣйствительное съ его стороны преступленіе. Корниловъ не только не послушался приказанія своего непосредственнаго начальства, а явно пошелъ противъ правительства, двинувъ на Петербургъ часть своихъ войскъ. Какъ извѣстно, изъ этой затѣи Корнилова ничего не вышло. Корниловъ былъ арестованъ своимъ же другомъ, Главнокомандующимъ Алексѣевымъ. Сочувствовавшій Корнилову Б. В. Савинковъ, который не скрывалъ своихъ симпатій къ Корнилову и не скрывалъ своего недовольства ивертностью Керенскаго въ проведеніи имъ, по его мнѣнію, необходимѣйшихъ военныхъ мѣропріятій, инициаторомъ проведенія которыхъ былъ генералъ Корниловъ, тоже официально призналъ, что Корниловъ показалъ себя мятежникомъ съ точки зрѣнія квалификаціи его дѣйствій по уголовному уложенію. Переворотъ Корнилову не удался. А всякій неудавшійся переворотъ всегда только мятежъ по толкованію взявшей верхъ власти.

Во всей этой исторіи можно было глубоко пожалѣть Корнилова, разумъ котораго не подсказалъ ему сдержать свой темпераментъ. Онъ поступилъ очертя голову, считая себя по существу правымъ и дѣйствующимъ въ интересахъ родины. Къ сказанному можно прибавить слѣдующее: Поступокъ Корнилова былъ съ юридической стороны несомнѣнно преступнымъ дѣяніемъ, но онъ заслуживалъ амнистіи; амнистія предала бы забвенію всю эту грустную исторію.

Интересно еще отмѣтить, что органъ «Рѣчь» открыто сталъ въ этой исторіи на сторону Корнилова, пренебрегая въ данномъ случаѣ юридической государственной стороной вопроса.

Я занималъ должность управляющаго Министерствомъ Юстиціи сравнительно длительное время. Я зналъ, что Керенскій былъ озабоченъ подысканіемъ новаго министра. Чаше другихъ называли имя московскаго присяжнаго повѣреннаго П. Н. Малянтовича, несомнѣнно даровитаго адвоката. Я уже говорилъ, что власть имущіе имѣли тенденцію назначать на «посты» лицъ, заявившихъ себя чѣмъ либо на общественной аренѣ и непременно изъ принадлежавшихъ къ одной изъ доминировавшихъ политическихъ партій. Малянтовичъ, по партіи социаль-демократъ, былъ виднымъ общественнымъ дѣятелемъ Москвы. Естественно на

его имени основались, но неправильно, что не вдались въ оцѣнку того, насколько онъ могъ занимать постъ Министра, по своимъ внутреннимъ качествамъ. Я былъ противъ назначенія Малянтовича по соображеніямъ принципиальнаго свойства. Пріятелю своему, управляющему дѣлами Совѣта Министровъ, А. Я. Гальперну, стоявшему весьма близко къ Керенскому, я объяснилъ, почему я отношусь къ кандидатурѣ Малянтовича въ Министры отрицательно и сдѣлалъ это съ той цѣлью, чтобы Гальпернъ повліялъ на Керенскаго не назначать Малянтовича Министромъ. Самъ я съ Керенскимъ не могъ объ этомъ говорить, чтобы не подумали, что я хлопочу за себя. Отрицательное мое отношеніе къ Малянтовичу основывалось на участіи его въ веденіи дѣла (о чемъ я выше говорилъ) о насильственномъ занятіи гостиницы «Дрезденъ» московскою общественною организаціею. Я не допускалъ мысли, чтобы Министромъ Юстиціи могло быть лицо, открыто отрицавшее силу существующихъ законовъ только потому, что законъ этотъ въ данный моментъ неудобенъ, и чтобы это положеніе онъ выставлялъ въ судѣ какъ юридическій доводъ. Гальпернъ тоже стоялъ на моей точкѣ зрѣнія и даже говорилъ, что приметъ все мѣры къ тому, чтобы повліять на Керенскаго отказаться отъ кандидатуры Малянтовича. Но это оказались только слова. Гальпернъ не имѣлъ, какъ выяснилось, никакого вліянія на рѣшенія Керенскаго. Избалованному Керенскому не очень бы нравилось, чтобы находили не все цѣлесообразнымъ, что ему приходило въ голову. Повидимому, Гальпернъ это понималъ. Словомъ, Гальпернъ, несмотря на свое обѣщаніе, ничего по дѣлу не сдѣлалъ. Малянтовичъ былъ вскорѣ назначенъ Министромъ. Но, должно быть, это назначеніе состоялось все же не безъ борьбы; особеннаго довѣрія къ Малянтовичу, казалось, и Керенскій не чувствовалъ. Керенскій даже поставилъ ему условіемъ его назначенія, чтобы все прежніе товарищи Министра остались на своихъ мѣстахъ, а чтобы закрѣпить мое личное положеніе въ Министерствѣ, меня назначили предсѣдателемъ Малаго Совѣта Министровъ на мѣсто Ефремова, назначеннаго посломъ въ Швейцарію.

Лично противъ Малянтовича я ничего не имѣлъ; мы были всегда съ нимъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ. Наши отношенія не измѣнились бы и далѣе, еслибы самъ Малянтовичъ не подалъ къ этому повода. Малянтовичъ — типичный московскій адвокатъ. Московскій адвокатъ никогда ничего просто не дѣлаетъ; онъ во всемъ открываетъ Америку; никогда ничего просто не скажетъ, но непременно сошлется на свою необыкновенную проицательность въ дѣлахъ, которая помогаетъ ему открыть или понять обстоятельства, столь полезныя для интереса дѣла. Словомъ, ничего просто московскій адвокатъ не скажетъ, а все имъ подается какъ бы на особенномъ блюдѣ и съ гарниромъ. Само собою разумѣется, Малянтовичъ явился въ Министерство не просто Министромъ Юстиціи, которому поручено разумно управлять Министерствомъ, а Министромъ, пришедшимъ спасать всю Юстицію отъ грозящаго ей развала; онъ долженъ былъ вести дѣла по собственной или спеціально начертанной линіи. Такъ какъ я своего взгляда на назначеніе Малянтовича не скрывалъ, то онъ сталъ ему извѣстнымъ. Онъ тоже не скрылъ отъ меня, что онъ знаетъ о моемъ къ нему отношеніи къ его назначенію, и попросилъ меня, а также Вальца (въ то время Скарятинъ не было въ Петербургѣ) выслушать его оправданія и ознакомиться съ его точкой зрѣнія на дѣло о гостиницѣ «Дрезденъ», которая, по его мнѣнію, должна будетъ убѣдить насъ въ его полной правотѣ. Мы, конечно, на это охотно согласились, но Малянтовичъ не сумѣлъ насъ убѣдить. Пришлое на дѣло поставить точку. При свиданіи съ нами, онъ не скрылъ отъ насъ, что прави-

тельство очень дорожить тѣмъ, чтобы мы остались служить на прежнихъ должностяхъ, что онъ самъ чрезвычайно радъ работать съ нами и что ничего не предприметъ по Министерству, не посоветовавшись предварительно съ нами. Послѣ этого предисловія онъ перешелъ къ обсужденію вопроса, который долженъ былъ явиться тѣмъ новымъ словомъ, которое должно было обновить политику Министерства Юстиціи. Дѣло касалось отношенія къ большевикамъ. Малянтовичъ находилъ, что такъ какъ большевизмъ есть политическое ученіе, то какъ таковое не подлежитъ, какъ и всякое другое ученіе, какому бы то ни было преслѣдованію со стороны власти. Поэтому онъ предложилъ намъ прекратить это преслѣдованіе.

Я теперь боюсь точно опредѣлить мысль Малянтовича, но думаю, что опредѣлилъ ее правильно. Конечно, мы съ Вальцемъ запротестовали; мы объяснили ему, что преслѣдованіе большевиковъ не носитъ вовсе характера преслѣдованія за идеи или ученія, а является результатомъ ихъ дѣйствій, направленныхъ къ сверженію существующаго политическаго строя въ Россіи, посему производство по дѣлу о большевикахъ должно идти своимъ порядкомъ. Малянтовичу не оставалось ничего, какъ только примириться съ нашей точкой зрѣнія, что внѣшне онъ и сдѣлалъ. Былъ затѣмъ назначенъ докладъ по дѣлу о большевикахъ, участниками какового доклада являлись слѣдователи Александровъ и другіе и чины прокурорскаго надзора, въ вѣдѣніи коихъ находилось производство. Малянтовичъ выслушалъ весьма подробный докладъ и сдѣлалъ попытку къ тому, чтобы освободить хотя бы нѣкоторыхъ большевиковъ отъ привлеченія къ уголовной отвѣтственности. Однако, и эта его попытка не привела къ успѣху. Ни я, ни Вальць, ни Скарятинъ не нашли къ этому основаній. Казалось бы, дѣло на этомъ и должно было кончиться. Однако, къ удивленію своему мы черезъ два дня узнали, что двое или трое большевиковъ все же были выпущены на свободу и что это сдѣлала прокуратура по соглашенію съ Малянтовичемъ. Не къ чести прокурорскаго надзора (Карчевскій, кажется, здѣсь не принималъ никакого участія) нужно замѣтить, что онъ согласился съ Малянтовичемъ, хотя при докладѣ стоялъ на другой точкѣ зрѣнія. Такимъ образомъ вопреки своему обѣщанію дѣйствовать съ нами совместно и въ дѣлѣ очень отвѣтственномъ Малянтовичъ выступилъ самостоятельно и при томъ сознательно противъ насъ. Я, Вальць и Скарятинъ нашли это совершенно недопустимымъ, и заявили Малянтовичу, что всѣ подаемъ въ отставку. Это до чрезвычайности поразило Малянтовича, который, повидному, искренне не ожидалъ подобнаго исхода его дѣйствій. Онъ сталъ насъ умолять (буквально) оставить свое намѣреніе, обѣщая написать въ газетахъ объясненіе, что онъ въ дѣлѣ о большевикахъ предпринялъ шагъ безъ нашего участія и вопреки нашему желанію, что въ этомъ направленіи онъ дастъ свои объясненія при первомъ своемъ выступленіи въ Совѣтъ Республики. Мы на это согласились, не желая съ одной стороны дѣлать особыхъ непріятностей Малянтовичу, а съ другой и вызывать общественный скандалъ; къ Малянтовичу мы продолжали относиться какъ къ старому нашему товарищу по сословію. Между тѣмъ помимо нашего желанія въ печаль проникли слухи о разногласіи между Министромъ Юстиціи и его товарищами; объ этомъ узнали и въ правительствѣ. Малянтовичу дали понять, что насъ считаютъ правыми въ этомъ дѣлѣ.

Малянтовичъ заготовилъ для печати длиннѣйшее объясненіе, съ которымъ онъ насъ ознакомилъ. Въ объясненіи этомъ онъ откровенно и правдиво излагалъ ходъ дѣла. Но объясненіе это въ газетахъ не появилось, такъ

какъ редакціи отказались его напечатать въ виду его длинноты. Малянтовичъ просилъ насъ дать съ нашей стороны свѣдѣнія въ газетахъ, что между нимъ и нами не возникало такихъ разногласій, которыя могли бы привести насъ къ разрыву.

Скрѣпя сердце, мы на это согласились и напечатали въ газетахъ просимое заявленіе. Точной редакціи нашего весьма короткаго письма я не помню. Но на этомъ дѣло не кончилось. Газеты не замолчали. Опять безъ нашего вѣдома Малянтовичъ по тому же дѣлу помѣстилъ въ газетахъ краткое объясненіе (можетъ быть и интервью), въ которомъ указалъ на то, что дѣйствительно у него съ товарищами Министра было небольшое столкновеніе изъ-за того, что онъ безъ вѣдома товарищей Министра кой-кого изъ большевиковъ выпустилъ на волю, что товарищи Министра дѣйствительно выразили ему свое неудовольствіе, но не потому, что онъ выпустилъ нѣкоторыхъ большевиковъ изъ тюрьмы, а за то, что онъ сдѣлалъ это помимо ихъ; что принципиально товарищи Министра даже и не имѣли ничего противъ такого освобожденія. Выходило такъ, что «мы» разсердились на Министра за его чисто внѣшній промахъ, по существу не имѣющій ничего серьезнаго. Малянтовичъ скрылъ отъ печати главное основаніе нашего съ нимъ расхожденія, что мы, вопреки его точкѣ зрѣнія, считали, что ни одинъ большевикъ, привлеченный къ уголовной отвѣтственности, въ то время не могъ избѣжать предварительнаго заключенія. Не знаю, о чемъ думалъ Малянтовичъ, когда помѣщалъ свое второе объясненіе въ печати; онъ не могъ не знать, что такого шага съ его стороны мы не могли оставить безъ отвѣта.

Особенно негодовалъ Г. Д. Скарятинъ, который равнодушно не могъ относиться къ тому, что сдѣлалъ Малянтовичъ. Характеристика дѣйствія Малянтовича носила въ его устахъ весьма рѣзкій характеръ. Мы рѣшили никакихъ заявленій съ нашей стороны Малянтовичу не дѣлать, а ограничиться письмомъ въ редакціи газетъ, въ которомъ откровенно сказать, что у насъ съ Министромъ разпогласія были далеко не формальнаго свойства, а по существу. Чтобы не имѣть предварительныхъ и весьма тяжелыхъ разговоровъ съ Малянтовичемъ по этому поводу, мы рѣшили сообщить ему о нашемъ шагѣ письмомъ же, отправленнымъ ему одновременно съ письмомъ въ редакціи. Такъ мы и сдѣлали. Помню, что насъ очень озаботило, въ какой формѣ написать обращеніе къ Малянтовичу. Рѣшили написать чисто официальное письмо, а такъ какъ къ тому времени была выработана особая форма официальныхъ обращеній безъ упоминанія титуловъ, словъ «Многоуважаемый» или «Милостивый Государь», то письмо наше начиналось просто «Павелъ Николаевичъ» и кончалось также просто, безъ всякихъ «остаюсь и т. п.» — нашими подписями.

Малянтовичъ, получивъ наше письмо, тотчасъ же сдѣлалъ попытку остановить посылку нашего письма въ газеты. Но мы остались твердыми. Малянтовичъ со слезами на глазахъ просилъ насъ не посылать письма; говорилъ намъ, что если мы уйдемъ, то ему нельзя будетъ оставаться въ Министерствѣ, что таковы условія его нахождения на службѣ. Не могу понять, какъ могло правительство ставить ему такія условія, явно устанавливающія нѣкоторое недовѣріе къ приглашенному въ Министры лицу, и еще удивительнѣе, какъ самъ Малянтовичъ могъ согласиться принять ихъ при поступленіи на службу. Можетъ быть, впрочемъ, своими словами Малянтовичъ хотѣлъ подѣйствовать на наши чувства. Сцена разговора съ нимъ была чрезвычайно тягостна. Знаю, что потомъ Малянтовичъ жаловался на нашу къ нему жестокость и на то, какъ грубо мы ему написали наше письмо (обращеніе). Малянтовичу, однако, не грозила опасность

вынужденнаго ухода изъ Министровъ, такъ какъ прошеній объ отставкѣ мы не подали и не хотѣли подавать. Приходилось другъ друга терпѣть до поры до времени.

Я съ большимъ удовольствіемъ принялъ назначеніе предсѣдателя Малаго Совѣта Министровъ, работа въ немъ мнѣ нравилась. Принявъ назначеніе, я постарался немедленно ознакомиться съ дѣлопроизводствомъ канцеляріи Совѣта Министровъ. Дѣла тамъ не задерживались; работа въ ней кипѣла; всѣ чиновники работали усердно. Напомню, что вся канцелярія состояла изъ бывшихъ служащихъ Императорскаго Правительства, людей все молодыхъ и изъ семей крупной старой бюрократіи; тѣмъ пріятнѣе было установить ея хорошее отношеніе къ новой власти. Чиновники отнеслись къ моему назначенію, повидимому, хорошо, ибо я видѣлъ съ ихъ стороны дружественное къ себѣ отношеніе. Они выразили мнѣ удовольствіе, что я посѣтилъ канцелярію для ознакомленія съ ходомъ работъ, чего ни одинъ изъ моихъ предшественниковъ не догадался сдѣлать.

Особыхъ дѣлъ въ Совѣтѣ, о которыхъ слѣдовало бы упомянуть, я не помню. Но курьезы нѣкоторые случались. Помню такой случай. Въ числѣ дѣлъ Малаго Совѣта находились дѣла по разсмотрѣнію просьбъ о помилованіи. Эти дѣла поступали изъ Министерства Юстиціи. Производство по этимъ дѣламъ было таково: всѣ просьбы о помилованіи въ первую очередь поступали на разсмотрѣніе товарища Министра Вальца, который всѣ явно безнадежныя, а иногда и бессмысленныя просьбы устранялъ. Была, напримѣръ, такая просьба: прошеніе каторжника палача о помилованіи въ виду того, что онъ долго и усердно исполнялъ свое дѣло палача. Всѣ просьбы, сколько-нибудь заслуживающія уваженія, передавались на разсмотрѣніе особой комиссіи подъ предсѣдательствомъ того же Вальца, въ составъ которой входили между прочимъ и представители нѣкоторыхъ общественныхъ организацій (напримѣръ отъ Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, представители котораго, кажется, этой комиссіи ни разу не посѣтили). Комиссія относилась къ своему дѣлу чрезвычайно внимательно. Пересматривалось все уголовное производство по дѣлу просителя и выносилось мотивированное заключеніе по дѣлу. Просьбъ о помилованіи поступало огромное количество. Я не ошибусь, если скажу, что подано было такихъ прошеній не менѣе трехъ тысячъ. Изъ этого количества подлежало, согласно заключеніямъ комиссіи, удовлетворенію вѣроятно не болѣе пяти процентовъ. Само собою разумѣется, Малому Совѣту, на окончательное разрѣшеніе котораго поступали прошенія, ничего не оставалось дѣлать, какъ только принимать заключенія комиссіи. Детальное обсужденіе заключеній комиссіи могло бы привести лишь къ тому, что мало знакомые съ дѣломъ члены Совѣта обратили бы самый Совѣтъ въ судбище съ обвинительными и оправдательными рѣчами. Однако, нашелся одинъ членъ Совѣта, товарищъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ В. Я. Гуревичъ, бывший адвокатъ, сосланный въ Сибирь въ административномъ порядкѣ, который поставилъ вопросъ, какъ онъ сказалъ, на принципиальную точку зрѣнія. Онъ нашелъ, что всякое помилованіе осужденнаго ведетъ къ дискредитированію судебной власти. Эта курьезная во всѣхъ отношеніяхъ точка зрѣнія была особенно удивительна въ устахъ юриста. Я замѣтилъ Гуревичу, что очень сожалѣю, что онъ былъ сосланъ въ Сибирь въ административномъ порядкѣ, а не въ силу судебного рѣшенія. Вѣроятно бы онъ, какъ политически осужденный, не сталъ бы

приводить своихъ доводовъ за авторитетность судебныхъ рѣшеній. Я снялъ съ обсуждения всѣ вопросы о помилованіи съ тѣмъ, чтобы передать ихъ на разсмотрѣніе непосредственно въ Совѣтъ. Въ Маломъ Совѣтѣ не допускалось разногласій.

Въ числѣ посѣщавшихъ Малый Совѣтъ былъ представитель Военнаго Министерства генераль кн. Тумановъ, грузинъ. До того времени мы съ нимъ не встрѣчались. У насъ съ нимъ мало-по-малу стала завязываться дружба. Миѣ онъ очень нравился. Послѣ переворота, въ самомъ началѣ его, онъ погибъ ужасной смертью. Вздунтовавшіеся солдаты, только потому, что онъ былъ генераль, убили его и тѣло его бросили въ Мойку.

Вскорѣ миѣ представился удобный случай разстаться со службой въ Министерствѣ Юстиціи. Посѣтилъ меня пріѣхавшій съ Кавказа А. Пв. Чхенкели. Бесѣдуя о кавказскихъ дѣлахъ, онъ сообщилъ, что представитель Временнаго Правительства на Кавказѣ, бывшій депутатъ первой Государственной Думы Харламовъ оставляетъ свой постъ. Разговоръ коснулся меня — согласился ли бы я занять мѣсто Харламова. Я сказалъ, что пошелъ бы и съ удовольствіемъ. Рѣшили такъ: Чхенкели переговорить по прямому проводу со своей закавказской (с.-д.) партіей и выяснить, какъ они отнесутся къ моей кандидатурѣ. На другой день онъ пришелъ сказать миѣ, что кандидатура моя одобрена. Приблизительно къ тому же времени пришелъ ко миѣ и представитель Тифлискаго Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ студентъ (фамиліи его не помню), членъ Совѣта Республики съ такимъ же точно предложеніемъ какъ и Чхенкели и тоже какъ и Чхенкели, переговорившій съ представителями Совѣта о моей кандидатурѣ. Кандидатура моя и въ данномъ случаѣ была одобрена. Наконецъ, и отъ армянской кавказской группы я получилъ то же предложеніе. Оговариваюсь, что всѣ дѣйствовали безъ стовору. Популярность моя имѣла свои внѣшнія основанія. Нужно было отыскать человѣка, который не принадлежалъ бы близко ни къ одной изъ доминирующихъ политическихъ партій на Кавказѣ, а потому и независимаго въ этомъ отношеніи. Я оказался какъ разъ подходящимъ лицомъ. Ни с.-д., ни с.-р., и по національности ни грузинъ, ни армянинъ, ни татаринъ. Однако, оказались и нѣкоторые «но», которые мѣшали миѣ тотчасъ принять приглашеніе. Группа с.-д. и Тифлисскій Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ стояли на томъ, чтобы представитель Временнаго Правительства не былъ единоличнымъ вершителемъ дѣлъ, передаваемыхъ ему на разсмотрѣніе и разрѣшеніе, а дѣйствовалъ бы совмѣстно съ особымъ совѣщаніемъ, состоящимъ при немъ изъ лицъ по выбору мѣстныхъ общественныхъ организацій. Армянская же группа, которая утверждала, что и русскіе держатся ея тенденціи, желала, чтобы представитель Временнаго Правительства не дѣлился своими функціями ни съ кѣмъ. Армянамъ я говорилъ: «я не боюсь никакой отвѣтственности, а потому согласенъ принять ваши пожеланія», а представителямъ с.-д., что, хотя я и не боюсь принять всю отвѣтственность за веденіе дѣлъ на себя одного, но что для меня все же безопаснѣе дѣлиться отвѣтственностью съ другими лицами. Тѣмъ же и другимъ добавлялъ: «что только въ томъ случаѣ согласусь быть на Кавказѣ представителемъ Временнаго Правительства, если между группами не будетъ разногласій относительно

порядка исполненія представителемъ своихъ обязанностей». Я просилъ ихъ сговориться какъ-нибудь между собою. Сговоръ этотъ, повидимому, состоялся. Былъ выработанъ компромиссъ: рядъ дѣлъ былъ предоставленъ разрѣшенію единоличной власти представителя и рядъ дѣлъ совместно съ совѣщаніемъ или Совѣтомъ, состоящимъ при представительствѣ. Временное Правительство принципиально высказалось за мою кандидатуру на Кавказѣ. Но дѣло на этомъ такъ и остановилось съ торжествомъ большевиковъ. Исторія эта поучительна вотъ въ какомъ отношеніи. Грузія провозгласила себя автономной; когда же я въ народномъ Совѣтѣ Абхазіи, куда былъ избранъ Абхазской національной группой (въ составъ которой входила и крайняя лѣвая партія), отстаивалъ существующую автономию Абхазіи, грузинскія власти эту автономию свели на нѣтъ; игнорируя прежніе свои договоры съ Абхазіей, меня призвали врагомъ Грузіи и засадили въ тюрьму. Въ Абхазскомъ Совѣтѣ представитель Грузіи переводумецъ Ис. Ив. Рамишвили, Вл. Джугели и другіе не стѣснялись никакой клеветы въ отношеніи меня; называли меня монархистомъ, повонспеченнымъ мартовскимъ социалистомъ; говорили, что я получаю деньги отъ ген. Деникина и проч. Имъ не было дѣла до моего честнаго прошлаго, которое было принято во вниманіе ихъ же представителями, когда я былъ товарищемъ Министра Юстиціи и когда меня просили пріѣхать въ Тифлисъ въ качествѣ представителя Временнаго Правительства.

Въ самомъ началѣ своего вступленія въ Министерство я говорилъ Скарятину, въ вѣдѣніи котораго находились всѣ законодательныя комиссіи Министерства, и Зарудному, когда онъ былъ Министромъ, что главнымъ образомъ на Министерствѣ Юстиціи лежитъ обязанность озаботиться выработкой проекта основныхъ законовъ Россійскаго Государства, что время созыва Учредительнаго Собранія приближается, что мы ничего не заготовляемъ и ничего не сумѣемъ ему предложить въ этомъ отношеніи, что даже не собираемъ нужныхъ для сего матеріаловъ. Я предлагалъ созвать для выработки проекта основныхъ законовъ свою министерскую комиссію. Меня выслушивали, со мною соглашались, но дѣло не подвигалось впередъ. Свою мысль я высказалъ и Малянтовичу, который понималъ всю важность моего предложенія и рѣшилъ создать такую комиссію. О своемъ рѣшеніи онъ сообщилъ въ Совѣтѣ Министровъ Керенскому. Мысль Малянтовича была принята, но ему самому замѣтили, что такая комиссія должна быть учреждена какъ нѣчто совершенно самостоятельное, и что она не должна находиться въ спеціальному вѣдѣніи Министерства Юстиціи. Дѣйствительно, такую комиссію создали, а Малянтовича сдѣлали ея предсѣдателемъ. Комиссіи этой пришлось поработать недолго. Было всего два или три ея засѣданія, а затѣмъ она закончила свое существованіе вмѣстѣ съ существованіемъ Временнаго Правительства, когда пришли большевики. Однако, и въ первые дни своего существованія можно было отмѣтить нѣкоторую ея тенденцію — оставить Россію цѣлостнымъ государствомъ съ сильной центральной властью. О федеративномъ устройствѣ Россіи тогда, повидимому, никто не думалъ. Кажется, одинъ только я и высказался открыто, что отдѣльнымъ народностямъ Россіи нужно дать самыя широкія и независимыя права по самоуправленію. Мысль эта не имѣла успѣха и врядъ ли нашла поддержку въ двухъ-трехъ голосахъ. Напримѣръ соц.-дем. Гальперинъ былъ противъ нея. Нужно, однако, сказать, что вопросъ о государственномъ устройствѣ не былъ поставленъ на обсужденіе комиссіи по существу.

Бесѣда шла лишь о подготовительныхъ работахъ и, какъ я сказалъ, въ этомъ отношеніи можно было лишь отмѣтить нѣкоторую тенденцію во взглядахъ ея членовъ.

Малянтовичъ, какъ и Переверзевъ, не пользовался популярностью въ Совѣтъ Министровъ. Почему-то къ нему относились не очень доброжелательно. Переверзевъ самъ испортилъ отношеніе къ нему Совѣта, а Малянтовичъ сразу не пришелся ко двору.

Наступилъ конецъ Временному Правительству. Малянтовичъ въ числѣ другихъ Министровъ попалъ въ заключеніе. Я видѣлся съ нимъ послѣ выхода его изъ тюрьмы. Онъ тогда производилъ впечатлѣніе развалины, но не съ точки зрѣнія физической, а въ моральномъ отношеніи. Казалось, Малянтовичъ уже ни во что не вѣрилъ, на все глядѣлъ съ мрачностью и съ недоувѣріемъ. Хуже всего было то, что свое пессимистическое настроеніе онъ примѣнялъ тамъ, гдѣ говорилось о необходимости дѣйствовать. Онъ какъ бы гасилъ тотъ огонь, который горѣлъ еще въ умахъ и сердцахъ желавшихъ бороться. Этимъ онъ въ тотъ моментъ принесъ много вреда.

Временному Правительству пришлось существовать и работать въ подпольѣ. Но это уже было не существованіе, а прозябаніе, и прозябаніе довольно позорное.
